

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.34/ 35(470.44)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОМ МОНОГОРОДЕ (на примере города Вольска Саратовской области)

В. В. Гусев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: vladgus2006@yandex.ru

В статье анализируется проблема социального самочувствия молодежи в российском моногороде Вольске Саратовской области. Рассматриваются такие аспекты, как отсутствие рабочих мест на предприятиях, отток молодежи из моногорода, нехватка молодых специалистов, увеличение численности пенсионеров в структуре населения моногорода, отсутствие перспектив развития для молодых людей.

Ключевые слова: моногород, молодежь, преступность, сокращение населения, дефицит специалистов, отток молодежи, «креативный» класс.

Social Wellbeing of Youth in the Russian Company Towns (the Case of the Volsci Saratov Region)

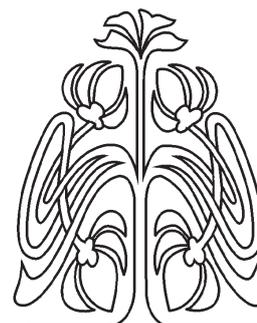
V. V. Gusev

The paper analyzes the problem of social well-being of young people in Russia's Saratov region monotown Volok. Such aspects as the lack of jobs in the outflow of young people from the company towns, the lack of young professionals, increasing the number of pensioners in the population is single-industry towns, the lack of prospects for young people

Key words: company towns, youth crime, reducing the population, lack of specialists, outflow of young people, creative class.

Проблемы моногородов (или монопрофильных поселений) в современной России обострились в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и последующей посткризисной рецессии. Выяснилось, что на огромной российской территории достаточно много таких поселений, и ситуация в них не поддается регулированию силами самих муниципальных образований, требует вмешательства и поддержки, прежде всего финансовой, со стороны вышестоящих уровней государственного управления, федерального центра.

Закономерным представляется исторический факт определяющей роли государства в становлении моногородов. Многие российские моногорода создавались период с XVIII по XX столетие (города-заводы с крепостными рабочими на Урале), и тогда их создание было экономически и социально вполне оправданно. Предприниматели в досоциалистическую эпоху фактически выполняли государственный заказ по обеспечению становления и развития городов-заводов (современных моногородов), в качестве основателей промышленных предприятий выступили купцы Г. Строганов, Н. Демидов, Я. Коробков, И. Твердышев, И. Мясников, М. Походяшин, не случайно больше всего моногородов (45 из 335) в настоящее время на Урале¹. Создание и развитие моногородов выполняло целый ряд важных функций: способствовало освоению отдаленных территорий, закрепляло на них население, приближало экономику к источникам ресурсов, так как многие поселения создавались и функционировали именно как ресурсные, способствующие освоению и умножению сырьевой базы страны.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В советское время функция развития моногородов перешла к государству, которое выполняло одновременно две роли – субъекта, определяющего стратегию и тактику функционирования моногорода, и социального агента, ответственного за организацию деятельности социальных институтов, ключевых акторов, населения моногорода в целом. В 1970-е гг. в моногорода и отдаленные регионы (Сибирь, Дальний Восток, Крайний Север и т. д.) ехали люди, в основном молодые, чтобы строить заводы, жилье, инфраструктуру, работать в городском хозяйстве, осваивать новые территории, то есть молодежь видела в этом определенные перспективы.

Ситуация значительно изменилась в связи с переходом страны к рыночной экономике. В 1990-е гг. в результате стихийной и во многом политизированной приватизации бизнес приобретает права собственности над градообразующими предприятиями в моногородах, но в то же время он не готов принимать ответственность за благосостояние людей, в них проживающих. Тем самым в моногородах постепенно сложилась кризисная ситуация, имеющая не только экономическую, но в большей мере социальную и гуманитарную стороны. В дискурсе все чаще раздаются голоса, что бедственное положение людей объективно (моногорода производят продукцию с «отрицательной» стоимостью), российские моногорода надо закрывать (при этом оставляя предприятия!), а население – массово переселять в другие места проживания. Похожее утверждение прозвучало из уст первого вице-преьера Игоря Шувалова на встрече с Президентом РФ Д. А. Медведевым 16 ноября 2010 г.: «В ближайшее время нам надо добиться того, чтобы были приняты комплексные инвестиционные планы по всем моногородам. По тем монообразованьям, где не будет развиваться промышленность, не будет развиваться бизнес, нужно будет принимать решение о переселении людей»².

В связи со сложившейся критической ситуацией и согласно поручению Президента Российской Федерации от 9 ноября 2009 года на федеральном уровне в 2009–2010 гг. был экстренно сформирован список из 335 монопрофильных поселений, требующих государственной поддержки и инвестиций в городское хозяйство и градообразующие предприятия. Общий объем господдержки моногородов по линии федерального и региональных бюджетов составил в 2010–2011 гг. более 22,7 млрд рублей³.

Общепризнанно, что в настоящее время одной из существенных проблем современных моногородов является отток из них молодого населения и в целом удручающая ситуация с молодежью. Согласно общепризнанным представлениям, молодежь – это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе. Некоторыми исследователями молодежь понимается как совокупность молодых людей, которым общество предоставляет возможность социального становления за счет определенных льгот,

но ограничивая в возможности активного участия в определенных сферах жизни социума. Возрастные рамки, позволяющие относить людей к молодежи, различаются в зависимости от конкретной страны. Как правило, низшая возрастная граница молодежи – 13–15 лет, средняя – 16–24, высшая – 25–30 лет. Сегодня молодежь РФ – это 39,6 млн молодых граждан – 27% от общей численности населения страны. В соответствии со Стратегией государственной молодежной политики в России, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р, к категории молодежи относятся граждане от 14 до 30 лет⁴.

При этом необходимо отметить, что федерального закона о молодежи в настоящее время нет (существует лишь его проект), однако имеются законодательные акты, напрямую касающиеся молодых людей, например, Законы РФ «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», «О занятости населения в Российской Федерации» и др. Также существует ряд региональных законодательных актов, например, Закон города Москвы № 39 от 30 сентября 2009 г. «О молодежи», Закон Республики Татарстан № 20-ЗРТ от 22 июня 2009 г. «О молодежи и государственной молодежной политике в Республике Татарстан», Закон Саратовской области № 94-ЗСО от 09 октября 2006 г. «О молодежной политике в Саратовской области». Кроме того, в связи с участвовавшими случаями проявлений экстремизма и фактами преступлений на национальной почве Министерство Чечни по национальной политике в настоящее время озабочено разработкой Кодекса поведения кавказской молодежи, подзаконного акта, регламентирующего поведение выходцев с Кавказа при поступлении на учебу и проживании в российских городах⁵.

О том, что молодежь моногородов в настоящее время уязвима, заявила ведущий российский специалист в области социологии молодежи, доктор социологических наук, директор Центра молодежных исследований НИУ «Высшая школа экономики» Елена Омельченко. По ее словам, «наступило такое общественное расслоение, что дальше некуда. Одни могут поступить в платные вузы, а у других нет даже денег на полноценное питание, одни ездят за границу, а у других нет средств для того, чтобы выбраться из своей деревни в райцентр. Молодежь, живущая в бедных городах, <...> уже готова устроить бунт». По мнению правозащитника, преподавателя Уральского педагогического университета Людмилы Лукашевой, «молодежь в моногородах озлобляется. На Урале каждый город создавался на основе какого-либо завода. Закрылся завод – обнищал народ. Чиновники вкладывают деньги в возрождение моногородов, но что из этого выходит? Красят дома, а люди как были безработными и нищими, так и остались. Зато хорошо видно, как молодое

поколение скатывается к критической черте»⁶. Как следствие – рост подростковой и молодежной преступности в моногородах, в то время как возрастная преступность идет на убыль. Такие явления происходят, например, в моногороде Тутаев Ярославской области, в котором преобладает машиностроительная отрасль, градообразующим предприятием является Тутаевский моторный завод⁷.

Поэтому в настоящее время федеральная власть старается не ослаблять контроль за текущей ситуацией в моногородах. Президент РФ В. В. Путин 23 октября 2012 г. в Ново-Огарево провел совещание по вопросу решения социальных проблем в моногородах, на котором, в частности, заявил: «Нужно продолжать держать это под контролем постоянно. И, как бы кто бы нас ни критиковал за ручной режим, это как раз тот случай, когда нужно работать индивидуально по каждому городу, надо искать варианты решения проблем и никогда не забывать, что за каждым увольнением – судьбы людей, положение российских семей, положение детей, материальное благосостояние»⁸.

Данная статья основана на материалах межрегионального сетевого проекта «Российские моногорода: конструирование социально-экономических перспектив», выполненного в 2010–

2011 гг. по заказу Уральского межрегионального института общественных наук при Уральском государственном университете (г. Екатеринбург). В процессе исследования были проанализированы основные показатели социально-экономического развития городов Вольск и Балаково (Балаково обладает некоторыми признаками моногорода) Саратовской области, проведены интервью с 24 экспертами – жителями городов, представителями молодежи и старшего поколения, крупного бизнеса и местных органов власти (элит)⁹.

Вольск – единственный город в Саратовской области, включенный в федеральный список моногородов. В городе расположен крупнейший в Европейской части России цементный завод, входящий в холдинг «Holcim Group» (штаб-квартира Holcim базируется в Швейцарии). Имеется и другой завод, поменьше, – ЗАО «Волгацемент», который также оказывает весомое влияние на ситуацию в городе, а также небольшой завод по производству извести (в настоящее время производство на нем только запускается) – ООО «Волгаизвесть» (оба предприятия принадлежат саратовскому собственнику)¹⁰. Данные, характеризующие развитие социальной сферы муниципального образования, представлены в табл. 1¹¹.

Таблица 1

Показатели развития социальной сферы в Вольском муниципальном районе

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2011 в % к 2007
Численность постоянного населения, тыс. чел.	97,7	97,1	94,6	93,7	92,7	95,0
в том числе:						
городское	79,0	78,6	76,9	76,2	75,5	95,6
сельское	18,7	18,5	17,7	17,5	17,2	91,2
Численность пенсионеров, чел.	25265	25074	25075	25152	25044	99,1
Численность молодежи (16–29 лет), чел.	23655	23571	23329	21507	20861	88,1
Численность врачей, чел.	307	296	290	291	356	115,9
Число зарегистр. преступлений, на 10000 чел. населения	264,2	206,1	181,3	159,4	144,1	54,5

Данные показывают, что численность постоянного населения в городе и муниципальном образовании неуклонно сокращается. Также за анализируемый период в муниципальном образовании на 1% сократилось число пенсионеров, что связано с общей демографической тенденцией. Особенно значителен спад численности молодежи – на 2794 чел., или на 11,9%, то есть молодые люди уезжают, а сам город постепенно вымирает. Примечателен тот факт, что численность пенсионеров в Вольске превышает численность работающих (25 тыс. и 23 тыс. чел. соответственно).

В районе постепенно ухудшаются основные социальные показатели: на одну треть сократилось число больничных учреждений (в 2005 г. было 14 муниципальных больниц, сейчас – 9), на 16% – площадь жилья, приходящаяся на 1 жителя (в 2005 г. – 28,7 кв. м, в настоящее время – 24,0 кв. м на одного человека). Несмотря на рост численности врачей в муниципальном здра-

вохранении за последние год-два, существуют проблемы с врачами и средним медицинским персоналом, молодыми специалистами в лечебных учреждениях. Вот что сказала по этому поводу директор государственного учреждения «Центр занятости населения» города Вольска (ныне – министр занятости, труда и миграции Саратовской области) Н. Ю. Соколова: «У нас в городе огромная нехватка высококвалифицированных врачей разных направлений, и это наша боль. Говоря о проблеме медперсонала, я имею в виду молодых врачей, выпускников вузов, для которых нужны особые условия, высокая заработная плата. И главная проблема в городе для врачей – это социальная сфера, культурный отдых, обеспечение детскими садами и жильем»¹².

Факторы социальной среды, отражающие тенденции развития ситуации с молодежью и опосредованно влияющие на молодое поколение города Вольска, приведены в табл. 2.

Таблица 2

Факторы, влияющие на состояние молодежи города Вольска

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2011 в % к 2007
Число браков	687	761	782	769	749	109,0
Число родившихся, чел.	927	991	1080	1026	969	104,5
Число родившихся на 1000 населения, чел.	9,5	10,2	11,1	10,9	10,4	115,5
Число дошкольных образовательных учреждений, чел.	36	41	41	42	41	113,8
Число детей в дошкольных образ. учреждениях, чел.	3359	3592	3529	3694	3668	109,2
Число общеобраз. учреждений	46	45	42	38	37	80,4
Число детей в общеобразовательных учреждениях, чел.	8674	8236	8063	7927	7859	90,6

Показатели, представленные в табл. 2, позволяют вскрыть некоторые диспропорции, влияющие на состояние молодежной среды города Вольска. Если предположить, что в брак вступают в основном молодые люди, то число браков в городе возросло на 9%, также увеличилось количество родившихся на 4,5% и коэффициент рождаемости на 1000 чел. населения – на 15,5%. Несмотря на положительную динамику, данные показатели являются низкими (например, в 1990 г. родились 1256 чел.; 12,4 родившихся на 1000 чел. населения). Благодаря проводимой региональной политике в муниципалитете увеличиваются число дошкольных образовательных учреждений и количество детей в них (фактор, который важен для представителей молодежи высшей возрастной группы), однако тревожит сокращение числа общеобразовательных школ и количества детей, проходящих обучение. Например, в 1990 г. в Вольске было 56 общеобразовательных школ (сейчас осталось 37 школ), в которых обучались более 14 тыс. учащихся (сейчас – около 8 тыс.), то есть данный показатель был почти в 2 раза выше, соответственно, молодых людей (нижней и средней возрастных групп) в городе было значительно больше.

Также значительной проблемой, оказывающей влияние на общую ситуацию в городе Вольске, является отток молодежи на учебу и последующую работу, когда, уехав на учебу, молодые юноши и девушки не возвращаются в родной город, а устраиваются в областном центре или переезжают в другие крупные города: Москву, Санкт-Петербург, Волгоград, Сочи и т. д. Таким образом, в настоящее время Вольск превращается в город пожилых людей, жителей предпенсионного возраста и пенсионеров, своеобразную «территорию доживания», поэтому в целом невозможно говорить о каких-либо стратегических планах и задачах развития города, их просто некому в настоящее время реализовывать.

Несмотря на тревожные тенденции с молодежью города Вольска, в Саратовской области происходят события, внушающие определенный оптимизм. В апреле 2012 г. в регионе состоялось долгожданное и прогнозируемое событие: был назначен новый губернатор – В. В. Радаев, бывший

председатель областной думы и бывший глава Хвалынского (соседнего с Вольским) района, который сразу же поставил задачу – направить деятельность всех заинтересованных, молодых, здоровых сил на преодоление экономических и социальных кризисных явлений. Следовательно, на территории моногородов, да и всей области в целом, новому руководству следует вести себя «креативнее», преодолевать общие для различных социальных групп настроения, такие, как «брошенность» властью, социальная апатия, постепенное ухудшение экономической ситуации. Отсюда вытекает важнейшая проблема – необходимость пробуждения социальной активности у населения, в том числе у людей, способности к самоорганизации, формирование или привлечение «креативного класса», выпускников вузов, активных, целеустремленных руководителей и специалистов, преданных своей малой родине, готовых осуществлять реальные усилия по ее возрождению. Получится ли это у новой власти – покажут ближайшие годы.

Примечания

- 1 См.: Развитие добывающей промышленности на Урале. URL: <http://www.protown.ru/information/hidden/4682.html> (дата обращения: 04.11.2012).
- 2 Из моно в стерео. Президент Дмитрий Медведев требует активнее решать проблемы моногородов. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/medvedev.html> (дата обращения: 04.11.2012).
- 3 См.: Минрегион подвел итоги реализации мер по поддержке моногородов за два года. URL: http://www.minregion.ru/press_office/news/1742.html (дата обращения: 09.01.2013).
- 4 См.: Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 08.01.2013).
- 5 См.: В Чечне подтвердили, что готовят кодекс поведения для кавказской молодежи. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2013/01/04/1078573.html> (дата обращения: 18.01.2013).
- 6 Молодежь моногородов может взбунтоваться в любой момент! URL: <http://www.politforums.ru/internal/1315829319.html> (дата обращения: 18.01.2013).
- 7 См.: Криминальное лицо моногорода. URL: <http://www.sevkrai.ru/news/5/58548/> (дата обращения: 18.01.2013).

⁸ Точки риска. Владимир Путин напомнил чиновникам о моногородах. URL: <http://www.rg.ru/2012/10/23/monogoroda.html> (дата обращения: 18.01.2013).

⁹ См.: Гусев В. В. Моногорода Саратовской области: социально-экономические и экологические перспективы глазами общества и элит. Саратов, 2011.

¹⁰ См.: Вольск не попал на денежный транш. URL: <http://>

УДК 316:347

СТРУКТУРА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Б. Р. Могилевич

Саратовский государственный университет
E-mail: mogilevich@sgu.ru

Культурно-аналитический подход является основополагающим в определении места межкультурной коммуникации в социологическом знании, а концепции символического интеракционизма становятся фундаментальными приоритетами при исследовании теории и практики межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация представляет собой процесс социокультурного взаимодействия представителей разных культур, осуществляемый посредством установления различного вида социальных связей при сопряжении социальных действий коммуникантов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурно-аналитический подход, репрезентативная культура, социальная деятельность, символический интеракционизм.

The Structure of Cross-cultural Communication: Methodological Aspect

B. R. Mogilevich

Cultural-analytical approach is the basis of defining the place of cross-cultural communication in sociological studies, and the concepts of symbolic interactionism are fundamental in theoretical and practical investigation of cross-cultural communication. Cross-cultural communication is the process of socio-cultural interaction the representative of various culture made by means of setting social connections under involvement communicators' social activities.

Key words: crosscultural communication, cultural-analytical approach, representative culture, social activity, symbolic interactionism.

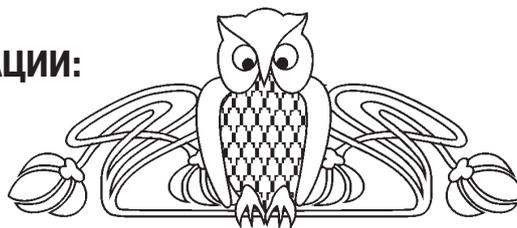
Проблемы межкультурной коммуникации лежат на пересечении интересов этнологии, культурологии, антропологии, психологии.

В настоящее время отмечается резкое увеличение влияния культуры на жизнь общества. По мнению некоторых исследователей, «там, где раньше было “общество”, стала культура»¹. Социологическое исследование культуры начато еще основоположником социологии О. Контом. Его исследования были посвящены анализу культурного развития и функционирования общества. Именно он вывел закон трех ступеней развития «прогресса духа» – теологическую, метафизическую и научную; причем каждой ступени (стадии)

www.om-saratov.ru, 31 марта 2010 г. (дата обращения: 09.01.2013).

¹¹ Здесь и далее используются данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области.

¹² Гусев В. В. Указ. соч. С. 29.

соответствовала своя общественная организация. По мнению О. Конта, его теория о законе трех стадий – позитивизм – и есть наивысшее достижение научной стадии². В середине XX в. появилось понятие репрезентативной культуры как попытки объяснить новые явления социокультурного развития. Культура представляет (репрезентирует) все виды идеологий и мировоззрений, влияющих на поведение индивидов, принимающих их пассивно или активно. Все факты общественной жизни, обуславливающие существование индивидов, и есть, по мнению Ф. Тенбрука, репрезентативная культура³.

О. Конт считал ранние стадии развития человеческого духа – теологическую и метафизическую – «фиктивными», полагая, что только научная стадия является позитивной и дает возможность объективного познания мира. Предложенное Ф. Тенбруком понятие «репрезентативная культура» означает, что культура не бывает фиктивной или ложной, она просто представляет то общество, в котором существует и которое она отражает и представляет. Это понятие предполагает отсутствие противопоставления культуры обществу. По словам Ф. Тенбрука, любое явление состоит из социального и культурного аспектов, причем эти аспекты связаны «бесшовным соединением». Теория О. Конта была основана на методологии объективизма, полагающей наличие объективных фактов общественной жизни – систем, структур, институтов, выстроенных по определенной, неизменной модели, независимо от мировоззрения и идеологии его членов.

XX век стал свидетелем возникновения знаменитой теории «понимающей социологии» М. Вебера, основанной на культурно-аналитическом подходе, исследующем индивида как культурного существа, на поведение которого оказывают влияние не инстинкты, не внешние факторы, а субъективный смысл совершаемых им действий. По словам М. Вебера, «социальным мы

⁸ Точки риска. Владимир Путин напомнил чиновникам о моногородах. URL: <http://www.rg.ru/2012/10/23/monogoroda.html> (дата обращения: 18.01.2013).

⁹ См.: Гусев В. В. Моногорода Саратовской области: социально-экономические и экологические перспективы глазами общества и элит. Саратов, 2011.

¹⁰ См.: Вольск не попал на денежный транш. URL: <http://>

УДК 316:347

СТРУКТУРА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Б. Р. Могилевич

Саратовский государственный университет
E-mail: mogilevich@sgu.ru

Культурно-аналитический подход является основополагающим в определении места межкультурной коммуникации в социологическом знании, а концепции символического интеракционизма становятся фундаментальными приоритетами при исследовании теории и практики межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация представляет собой процесс социокультурного взаимодействия представителей разных культур, осуществляемый посредством установления различного вида социальных связей при сопряжении социальных действий коммуникантов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурно-аналитический подход, репрезентативная культура, социальная деятельность, символический интеракционизм.

The Structure of Cross-cultural Communication: Methodological Aspect

B. R. Mogilevich

Cultural-analytical approach is the basis of defining the place of cross-cultural communication in sociological studies, and the concepts of symbolic interactionism are fundamental in theoretical and practical investigation of cross-cultural communication. Cross-cultural communication is the process of socio-cultural interaction the representative of various culture made by means of setting social connections under involvement communicators' social activities.

Key words: crosscultural communication, cultural-analytical approach, representative culture, social activity, symbolic interactionism.

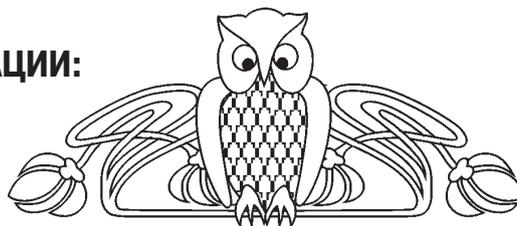
Проблемы межкультурной коммуникации лежат на пересечении интересов этнологии, культурологии, антропологии, психологии.

В настоящее время отмечается резкое увеличение влияния культуры на жизнь общества. По мнению некоторых исследователей, «там, где раньше было “общество”, стала культура»¹. Социологическое исследование культуры начато еще основоположником социологии О. Контом. Его исследования были посвящены анализу культурного развития и функционирования общества. Именно он вывел закон трех ступеней развития «прогресса духа» – теологическую, метафизическую и научную; причем каждой ступени (стадии)

www.om-saratov.ru, 31 марта 2010 г. (дата обращения: 09.01.2013).

¹¹ Здесь и далее используются данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области.

¹² Гусев В. В. Указ. соч. С. 29.

соответствовала своя общественная организация. По мнению О. Конта, его теория о законе трех стадий – позитивизм – и есть наивысшее достижение научной стадии². В середине XX в. появилось понятие репрезентативной культуры как попытки объяснить новые явления социокультурного развития. Культура представляет (репрезентирует) все виды идеологий и мировоззрений, влияющих на поведение индивидов, принимающих их пассивно или активно. Все факты общественной жизни, обуславливающие существование индивидов, и есть, по мнению Ф. Тенбрука, репрезентативная культура³.

О. Конт считал ранние стадии развития человеческого духа – теологическую и метафизическую – «фиктивными», полагая, что только научная стадия является позитивной и дает возможность объективного познания мира. Предложенное Ф. Тенбруком понятие «репрезентативная культура» означает, что культура не бывает фиктивной или ложной, она просто представляет то общество, в котором существует и которое она отражает и представляет. Это понятие предполагает отсутствие противопоставления культуры обществу. По словам Ф. Тенбрука, любое явление состоит из социального и культурного аспектов, причем эти аспекты связаны «бесшовным соединением». Теория О. Конта была основана на методологии объективизма, полагающей наличие объективных фактов общественной жизни – систем, структур, институтов, выстроенных по определенной, неизменной модели, независимо от мировоззрения и идеологии его членов.

XX век стал свидетелем возникновения знаменитой теории «понимающей социологии» М. Вебера, основанной на культурно-аналитическом подходе, исследующем индивида как культурного существа, на поведение которого оказывают влияние не инстинкты, не внешние факторы, а субъективный смысл совершаемых им действий. По словам М. Вебера, «социальным мы

называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»⁴. Субъективный смысл любого действия представляет собой социальный фактор интерпретации (понимания) эмпирической реальности этого действия. Тогда общество представляет собой не что иное, как культурный продукт, созданный индивидами, а индивид – это культурное общество. Согласно М. Веберу, субъективный смысл действия и есть человеческая мотивация, которая отражает то, что есть в культуре, а социология, следовательно, изучает только то, что есть в культуре. Все социологические теории имеют в своей основе два главных подхода – объективистский и культурно-аналитический. Основоположник первого подхода Э. Дюркгейм считал, что все социальные явления не зависят от членов общества (индивидов), а являются «вещами», а предметом изучения выступает не характер взаимодействия социальных структур⁵. Культурно-аналитический подход предполагает существование социальных структур как продуктов идей и мировоззрений индивидов, объективных с точки зрения их принятия (понимания) индивидами, причем основной акцент в исследовании делается на понимании субъективного смысла любого социального действия, его мотивации.

Именно культурно-аналитический подход является основополагающим в определении места межкультурной коммуникации в социологическом знании, а концепции символического интеракционизма – фундаментальными приоритетами при исследовании теории и практики межкультурной коммуникации. Основоположник символического интеракционизма Д. Мид считал основой своей теории определение понятия «межиндивидуальное взаимодействие», обуславливающего формирование общества и, одновременно, сознание индивида. В качестве основного механизма взаимодействия Д. Мид рассматривал жест как символ, имеющий свое значение; причем жесты (символы) могут быть вербальными и невербальными⁶. При тождестве значений жестов адресантов и адресатов присутствует успех аккультурации.

С проблемой аккультурации связано понятие «культурный шок», предложенное К. Обергом⁷. В основе культурного шока лежит конфликт старых культурных форм с новыми, причем под «старыми» имеются в виду те формы культуры, которые существуют в обществе, где проживает индивид, а «новые» формы репрезентируют общество с другой культурой. Другими словами, культурный шок – это конфликт старого и нового сознания, или старых и новых значений. Представляет интерес *конфликтологическая модель* Ф. Бока, объясняющая сущность культурного шока. Он писал: «...культура в самом широком смысле слова – это то, из-за чего ты становишься

чужаком, когда покидаешь свой дом»⁸. Ф. Бок выделил пять способов разрешения конфликтов, вызванных культурным шоком:

1) *геттоизация* – ситуация, когда индивид (или группа индивидов) в силу религиозных или других причин создает свою культурную среду в чужом обществе с доминирующей культурой. Примером могут служить еврейские гетто в черте оседлости в царской России, турецкие, индийские, китайские районы в странах Западной Европы;

2) *ассимиляция* – то есть полный отказ от своей культуры, внедрение в новую, причем часто ассимиляция бывает насильственной со стороны доминирующей культуры; также существуют многочисленные примеры, когда доминирующая культура не принимает в свою среду «чужих» и создаются «невидимые гетто». Такие ситуации существуют в бывших союзных республиках, в странах СНГ, в Западной Европе, Канаде и Америке;

3) *промежуточный этап* в виде культурного взаимодействия – этот способ достигает своей цели только при равноправии сторон, как принимающей, так и пришедшей культуры. Например, еврейские эмигранты из Восточной Европы внесли огромный вклад в развитие мирового искусства и киноиндустрии, создав Голливуд, первые студии по звукозаписи: Л. Майер, С. Голдвин, Д. Селзник; нельзя переоценить и вклад в становление современной социологии немецких ученых, бежавших из нацистской Германии в США: А. Шюца, И. Гофмана, А. Гурвича;

4) *частичная ассимиляция*, означающая успешную аккультурацию в какой-либо сфере, например, принятие всех норм принимающей культуры на работе и осуществление родной культуры дома, в конфессиональных учреждениях;

5) *колонизация* – навязывание пришедшей культуры местному населению. Если раньше колонизация чаще всего имела результатом геттоизацию местного населения, то в настоящее время она осуществляется в виде помощи слаборазвитым странам в денежной форме, в виде строительства промышленных предприятий, обучения студентов, внедрения современных технологических достижений. Следует отметить, что колонизация присутствует не только в виде помощи слаборазвитым странам, но и путем распространения образа жизни, принятого в более сильных в экономическом и политическом отношении стран – например, распространение американского стиля жизни в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны.

Межкультурная коммуникация как социальное и культурное явление появилась тогда, когда люди стали путешествовать. До этого люди не могли оценивать свою культуру, так как не имели возможности сравнивать. При восприятии других культур человек неизбежно сталкивается

с различиями в социальных системах властных иерархий, системах образования и т. д. Изучение этих культурных различий послужило основой создания наук о культуре. Родоначальником исследования культуры является Геродот – древнегреческий историк и географ. Он описывал другие земли, климат, географию, народы, их обычаи. Эти эмпирические исследования характеризовали все культурологические исследования вплоть до XIX в. Даже в XVII–XVIII вв. – времени Джеймса Кука, Марко Поло, Фернандо Кортеса, Христофора Колумба – все описания не носили научного характера, так как путешественники имели целью завоевание, расширение торговли, религиозную пропаганду. Начиная с XIX в. путешествия стали проводиться с целью исследования других культур, что давало возможность расширять горизонты познания и представлений о новых формах существования человека.

Первыми исследователями культур, а по существу, первыми специалистами по межкультурной коммуникации были И. Г. Гердер и И. Форстер – немецкие философы и антропологи. Интересно отметить, что И. Форстер плавал на кораблях Д. Кука. В своих дневниках он исследовал проблемы приспособления человека к окружающей среде и осознания индивидом своего Я через познание Другого или Других. И. Г. Гердер представил цели культурологических исследований, непосредственно связанных с проблемами межкультурной коммуникации, а именно: детальное описание культур и их носителей; анализ культурных достижений в контексте их приспособления к окружающей среде; познание «своей» культуры в процессе освоения «чужой». *Антропологическая модель* межкультурной коммуникации И. Г. Гердера была прорывом в функционировании наук, изучающих культуру:

1) если раньше природное и культурное в человеке не были разделены, то теперь природное было противопоставлено культуре в виде приспособления к окружающей среде;

2) познание самого себя через понимание других было признанием равенства всех людей, живущих на Земле⁹.

Модель И. Г. Гердера стала культурным шоком, своего рода революцией в системе взглядов европейской, христианской цивилизации на социально культурное устройство. Считается, что первая революция мировоззрений связана с гелиоцентрической теорией Н. Коперника, вторая произошла после распространения теорий З. Фрейда, а третья революция означала смещение европейской цивилизации с верховного пьедестала. Мир каждой культуры стал исключительным и самодостаточным, достойным и нуждающимся в исследовании. XIX в. был временем зарождения систематических исследований в социологии, культурной антропологии, философии культуры, а вместе с ними появилась и межкультурная коммуникация как междисциплинарная отрасль

социокультурного знания. Осознание наличия «чужих» культур, отличных от «своей», является началом сложного многоэтапного процесса межкультурной коммуникации.

Виднейший специалист по межкультурной коммуникации М. Беннет придерживается мнения, что для успеха межкультурной коммуникации необходимо воспитание межкультурной чуткости. Он создал *модель межкультурных этапов* коммуникации, характеризующую этноцентрический и этнорелятивистский подходы¹⁰. Этноцентризм основывается на философии функционализма, согласно которой человечество едино в своих проявлениях и, следовательно, культура также единообразна, а развитие идет от простого к сложному. Согласно этой парадигме «своя» культура является главной по отношению к «чужой». Этноцентризм означает объективистский подход к исследованию межкультурной коммуникации вследствие игнорирования конкретных социальных условий и межкультурных особенностей в условиях поликультурной социальной действительности. Абсолютистская культурная парадигма не обладает достаточным ресурсом исследования межкультурной коммуникации особенно в период глобализации, нарастания миграции и социокультурных конфликтов вследствие конфликта культур.

Этноцентризм, предполагая доминирующую роль «своей» культуры в процессе межкультурной коммуникации, реализуется на следующих уровнях: *отрицания* существования любой «чужой» культуры, проявляющейся в *геттоизации* и *сегрегации*. Примерами могут служить так называемые «места компактного проживания» выходцев из Африки в Западной Европе, либо отрицание европейской культуры со стороны жителей стран Ближнего Востока (Иран), индейские резервации в Канаде и Северной Америке. Этап *отрицания* предполагает проведение межкультурных встреч разного рода для формирования общего восприятия как базовых культурных ценностей, так и культурных различий без осуждения. В противном случае очень часто наступает этап *защиты* и *диффамации*, когда уже осознание культурных особенностей и негативные эмоции по отношению к чужой культуре на уровне индивидов, групп, этносов, цивилизаций. Этот этап характеризуется проявлением чувства превосходства своей культуры (превосходство «белой расы» над «желтой» и «черными» расами, европейской цивилизации над восточной) и враждебности к чужой культуре, которое может принимать экстремальные формы (фашизм, национал-социализм, апартеид, движение «бритоголовых»).

Этнорелятивистское восприятие межкультурных различий уходит корнями к символическому интеракционизму как теории межличностного взаимодействия, структурирующей основные проблемы межкультурной коммуникации, а именно

существование культурных различий является позитивным фактором в случае совпадения мнений (значений) символов (жестов) представителей различных культур. В процессе межкультурной коммуникации с участием многих индивидов (групп) происходит соединение этих значений в единую точку зрения, которую Д. Мид называл «установкой обобщенного другого». Признавая наличие культурных различий в поведении, языке, невербальном общении, индивид принимает установку на объективное существование различных культурных вариаций. Для адекватного понимания чужой культуры индивид должен адаптироваться к ней, то есть «идентифицировать мир ее объектов; идентификация должна осуществляться в терминалах значений, которые имеют объекты в глазах членов групп». Более того, в процессе адаптации индивид осознает постоянные трансформации значений в зависимости от изменения ситуаций¹¹. Изменчивость социальных ситуаций и их значений характеризует символический интеракционизм в отличие от акцента на жесткую структуру и застывшие функции, характеризующие структурно-функциональный подход к проблемам межкультурной коммуникации, проявляющийся в этноцентрическом видении межкультурной коммуникации.

В процессе принятия роли другого индивиды эмпатийно воспринимают чужую культуру, что требует определенного уровня лингвистических и экстралингвистических знаний как основы формирования межкультурной компетенции. В процессе адаптации и проявления эмпатийности представители вступают в межкультурную коммуникацию. Это межкультурное взаимодействие представляет собой разновидность социального взаимодействия, то есть совокупность действий представителей разных культур, имеющую целью генерацию реакции партнера по общению. Другими словами, происходит обмен сопряженными действиями, которые предполагают возобновляемость и интерес к ответным действиям.

В процессе межкультурного социального взаимодействия эмпатия переходит в стадию признания плюрализма культур в виде позитивного восприятия культурных различий. Плюрализм возможен в результате тесных социальных связей коммуникантов, прямых/косвенных, односторонних/двусторонних, формальных/неформальных. Например, чтение литературы на иностранном языке с целью расширения кругозора, эрудиции, повышения профессионального уровня – косвенная социальная связь; проведение деловых переговоров – прямая социальная связь; процесс обучения – многосторонняя социальная связь; отношения субординации в армии – формальная социальная связь и т. д.

Социальное межкультурное взаимодействие осуществляется при помощи символов (вербальных, невербальных, паравербальных), общее значение которых является необходимым условием

его осуществления. Причем стадии адаптации, эмпатийности и плюрализма сменяются взаимной интеграцией, сопровождаемой контекстуальной оценкой. Эта стадия характеризуется тем, что формируется универсальная межкультурная личность, способная к осознанию и принятию межкультурной социальной реальности, выбору поступков, адекватных социокультурному контексту с учетом пространственно-временных параметров коммуникации. Согласно теории Т. Парсонса, социальное действие осуществляется при наличии триады – *деятеля* (включает потребности и цели); *ситуации* (условия, при которых действует деятель); *ориентации* деятеля на ситуацию (контекстуальная оценка ситуации для осуществления конкретной цели)¹². Этот процесс представляет собой оценку коммуникантами особенностей ситуации в контексте разницы культур и выбор адекватных способов осуществления межкультурной коммуникации.

Исходя из вышеизложенного, предлагается следующее определение межкультурной коммуникации в контексте социологического знания – *межкультурная коммуникация представляет собой процесс социокультурного взаимодействия представителей разных культур, осуществляемый посредством установления различного вида социальных связей при сопряжении социальных действий коммуникантов.*

Сопряжение социальных действий и их возобновление в процессе межкультурного социального взаимодействия представляет собой диалектический процесс понимания действий другого, что является проекцией веберовского понимания на процесс межкультурной коммуникации. Анализируя теории П. Бергера и Т. Лукмана о создании реальности социальными индивидами, можно предположить, что и во время межкультурной коммуникации индивиды познают мир в процессе его созидания¹³.

Примечания

- 1 *Berking H.* Kultur-soziologie. Mode and Method. Warburg, 1989. С. 19.
- 2 См.: История буржуазной социологии XIX – начала XX века / под ред. И. С. Кона. М., 1979. С. 20–39.
- 3 См.: *Tenbruch F. H.* Representative Kultur // *Sozialsbrukt und Kultur* / hrsg von H. Haferkamp. Frankfurt am Main, 1990.
- 4 *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 602–603.
- 5 См.: *Дюркгейм Э.* Курс социальной науки // *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет и предназначение. М., 1995.
- 6 *Mead J.* Mind, Self and Society. Chicago, 1936.
- 7 См.: *Oberg K.* Culture Shock Adjustments to New Cultural Environment // *Practical anthropology*. 1960. № 7.
- 8 *Culture Shock. A reader in modern cultural anthropology* / ed. by Ph. K. Bock. N. Y., 1970. P. 14.

- ⁹ См.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- ¹⁰ См.: Bennet M. A. Toward Ethnorelativism : A Developmental Model of Intercultural Sensitivity // Cross-Cultural Orientation : New Conceptualisation and Application / R. M. Paige (ed). Lanham : Univ. press of America, 1986.

- ¹¹ Blumer H. Sociological implications of the thought of J. H. Mead // American Journal of Sociology. 1966. Vol. 71, № 5. P. 535.
- ¹² См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
- ¹³ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

УДК 316.344.42

БИЗНЕС-ЭЛИТА КАК ОСОБЫЙ СУБЪЕКТ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

З. Н. Сергеева

Новосибирский государственный технический университет
E-mail: zoya-sergeeva@list.ru

В статье бизнес-элиты рассматривается как одна из групп, являющаяся социальной базой субъектов политического манипулирования. Данная группа отличается своими манипулятивными стратегиями, особым доступом и выбором средств и способов манипуляции, целям манипулирования.

Ключевые слова: политическая сфера, бизнес-элиты, манипулирование, субъект, политическая элита.

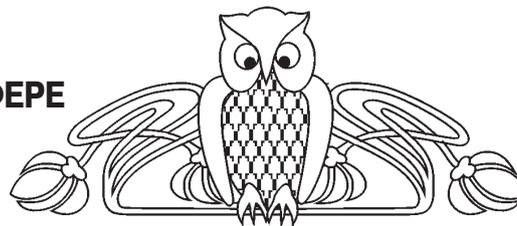
Business-elite as the Special Subject of the Manipulation in the Political Sphere

Z. N. Sergeeva

In this article the business elite is considered, how one of the groups, being a social base of subjects of a political manipulation This group differs the manipulative strategy, special access and a choice of means and ways of manipulation, to the manipulation purposes.

Key words: political sphere, business elite, manipulation, subject, political elite.

Субъект политической сферы не всегда является субъектом политического манипулирования. Прежде всего, для того чтобы превратиться в субъект манипулирования, представитель политической элиты должен иметь желание манипулировать – властвовать. Возможность манипулировать другими людьми заложена в том числе в социальном статусе субъекта. Так, аскриптивный статус сам по себе уже дает такую возможность. Другое дело, что субъект может ею воспользоваться, а может игнорировать в силу как объективных обстоятельств, так и личностных особенностей. В достижительном статусе, в стремлении к статусному росту, напротив, заложено желание субъекта манипулировать другими для достижения своей цели (в данном случае достижения определенного статуса). Как правило, достижение более высокого статуса требует от субъекта, во-первых, повышения активности, во-вторых, владения соответствующей информацией, в-третьих, умения манипулировать людьми. Субъекты, мотивированные к манипуляции, обычно противятся манипулированию со стороны других. И именно из этой

аудитории «рекрутируются медиаторы, группы давления и поддержки, люди, оказывающие обратное влияние на субъектов манипулирования»¹. Из этого положения они стремятся перейти в так называемую группу субъектов.

На характер манипулирования влияют личностные характеристики субъектов манипулирования (воля, энергия, фанатизм, вера в результат, амбивалентные моральные установки, целеустремленность). В зависимости от особенностей личности определяется и характер манипуляций. Например, чем целеустремленнее личность, тем интенсивнее будет манипуляция. Фанатичная личность также будет стремиться к более жесткому манипулированию. Личность, испытывающая амбивалентные чувства, установки, склонна к «прерывистой» манипуляции.

Склонность к манипулированию, как правило, подкрепляется возможностью манипулировать. Возможность, в свою очередь, определяется принадлежностью к правящему классу и доступом к механизмам власти. Одной из важнейших сфер, в которой проблема манипулирования предстает в наиболее отчетливом виде, является политика. Выработка и реализация политических идей всегда происходит при воздействии на общество или отдельного человека и предполагает наличие субъекта и объекта управления. Так, субъектом политических отношений можно назвать любого члена общества. Однако субъект политической сферы и субъект политического манипулирования – это далеко не одно и то же. Субъектом политического манипулирования является небольшая группа людей – политическая элита, обладающая особыми ресурсами – социальным капиталом – для оказания воздействия на остальных.

Следует иметь в виду, что в политике, как и в любой иной сфере социальных отношений, нет постоянного социального статуса субъекта манипулирования. Субъектами политического манипулирования являются не только отдельные персоны, наделенные каким-либо статусом, но и

- ⁹ См.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- ¹⁰ См.: Bennet M. A. Toward Ethnorelativism : A Developmental Model of Intercultural Sensitivity // Cross-Cultural Orientation : New Conceptualisation and Application / R. M. Paige (ed). Lanham : Univ. press of America, 1986.

- ¹¹ Blumer H. Sociological implications of the thought of J. H. Mead // American Journal of Sociology. 1966. Vol. 71, № 5. P. 535.
- ¹² См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
- ¹³ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

УДК 316.344.42

БИЗНЕС-ЭЛИТА КАК ОСОБЫЙ СУБЪЕКТ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

З. Н. Сергеева

Новосибирский государственный технический университет
E-mail: zoya-sergeeva@list.ru

В статье бизнес-элиты рассматривается как одна из групп, являющаяся социальной базой субъектов политического манипулирования. Данная группа отличается своими манипулятивными стратегиями, особым доступом и выбором средств и способов манипуляции, целям манипулирования.

Ключевые слова: политическая сфера, бизнес-элиты, манипулирование, субъект, политическая элита.

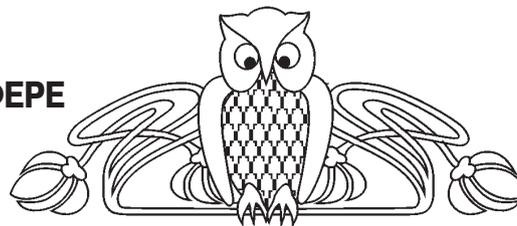
Business-elite as the Special Subject of the Manipulation in the Political Sphere

Z. N. Sergeeva

In this article the business elite is considered, how one of the groups, being a social base of subjects of a political manipulation This group differs the manipulative strategy, special access and a choice of means and ways of manipulation, to the manipulation purposes.

Key words: political sphere, business elite, manipulation, subject, political elite.

Субъект политической сферы не всегда является субъектом политического манипулирования. Прежде всего, для того чтобы превратиться в субъект манипулирования, представитель политической элиты должен иметь желание манипулировать – властвовать. Возможность манипулировать другими людьми заложена в том числе в социальном статусе субъекта. Так, аскриптивный статус сам по себе уже дает такую возможность. Другое дело, что субъект может ею воспользоваться, а может игнорировать в силу как объективных обстоятельств, так и личностных особенностей. В достижительном статусе, в стремлении к статусному росту, напротив, заложено желание субъекта манипулировать другими для достижения своей цели (в данном случае достижения определенного статуса). Как правило, достижение более высокого статуса требует от субъекта, во-первых, повышения активности, во-вторых, владения соответствующей информацией, в-третьих, умения манипулировать людьми. Субъекты, мотивированные к манипуляции, обычно противятся манипулированию со стороны других. И именно из этой

аудитории «рекрутируются медиаторы, группы давления и поддержки, люди, оказывающие обратное влияние на субъектов манипулирования»¹. Из этого положения они стремятся перейти в так называемую группу субъектов.

На характер манипулирования влияют личностные характеристики субъектов манипулирования (воля, энергия, фанатизм, вера в результат, амбивалентные моральные установки, целеустремленность). В зависимости от особенностей личности определяется и характер манипуляций. Например, чем целеустремленнее личность, тем интенсивнее будет манипуляция. Фанатичная личность также будет стремиться к более жесткому манипулированию. Личность, испытывающая амбивалентные чувства, установки, склонна к «прерывистой» манипуляции.

Склонность к манипулированию, как правило, подкрепляется возможностью манипулировать. Возможность, в свою очередь, определяется принадлежностью к правящему классу и доступом к механизмам власти. Одной из важнейших сфер, в которой проблема манипулирования предстает в наиболее отчетливом виде, является политика. Выработка и реализация политических идей всегда происходит при воздействии на общество или отдельного человека и предполагает наличие субъекта и объекта управления. Так, субъектом политических отношений можно назвать любого члена общества. Однако субъект политической сферы и субъект политического манипулирования – это далеко не одно и то же. Субъектом политического манипулирования является небольшая группа людей – политическая элита, обладающая особыми ресурсами – социальным капиталом – для оказания воздействия на остальных.

Следует иметь в виду, что в политике, как и в любой иной сфере социальных отношений, нет постоянного социального статуса субъекта манипулирования. Субъектами политического манипулирования являются не только отдельные персоны, наделенные каким-либо статусом, но и

элитарные группы (в том числе парламентские партии).

Политическая или правящая элита выступает в качестве социальной базы для формирования субъектов политического манипулирования. А манипулирование в политической сфере представляется естественным для данной социальной группы поведением и способом достижения цели.

С нашей точки зрения, всех субъектов политического манипулирования можно разделить на три группы: бизнес-элиты, «назначенные государством» (чиновники), «избранные народом» (депутаты, мэры). Рассмотрим субъект манипулирования, формируемый на базе политической элиты, – бизнес-элиты. Мы будем использовать термин «бизнес-элиты» «для обозначения группы крупных бизнесменов, вовлеченных в политический процесс»², а также таких субъектов манипулирования, которые непосредственно своей коммерческой деятельностью или опосредованно от нее способны оказывать влияние на политические решения. На формирование бизнес-элиты влияет социально-экономическая ситуация, которая во многом определяет цели и способы манипулирования.

Как известно, элита является закрытой социальной группой, однако в истории возникают периоды (как правило, характеризующиеся кризисом, трансформацией социальных структур, сменой политического режима), когда происходит ее обновление. В российской истории такое обновление приходится на 1990-е гг. В этот момент появилось множество работ, посвященных приходу новой элиты и формированию нового бизнес-класса³. По мнению О. В. Крыштановской, экономика России базируется на крупных финансово-промышленных группах с превалированием финансового капитала над промышленным; ее основу составляет «класс уполномоченных», или крупных собственников, которым государство поручило развитие рынка; она функционирует при отсутствии равных для всех возможностей «делать деньги»⁴. Бизнес-элиты зависима от государства, так как во многом существовала благодаря льготам и привилегиям. «Уполномоченный бизнес» был защищен государством, и его риски были не так велики, как риски стихийного сектора. Такую систему хозяйствования принято называть «государственным капитализмом»⁵. Постепенно лоббистские устремления предпринимателей распространились на законодательное регулирование практически всех зон экономики, и бизнес-элиты плотно вошли в правящий класс. В конце 1990-х гг. государство «зависело от капитала на выборах, было несвободно в проведении не только экономической политики, но и кадровых перемещений. В стране произошло слияние власти и капитала, образовалась олигархия»⁶. Сейчас можно говорить о двух группах внутри элиты: бизнес-ориентированные политики и политически влиятельные бизнесмены.

В ходе исторических и экономических трансформаций бизнес-элиты пришла к личному и открытому участию предпринимателей в выборах; инициированию создания политических партий и общественных движений и их дальнейшему спонсированию; приобретению и активации политических связей для влияния на принятие политических решений. Оформившись как социальная группа, бизнесмены столкнулись с необходимостью работы по принципу бизнес – общество – власть, известному как корпоративная ответственность.

Цель данного субъекта политического манипулирования – приумножение материальных средств и развитие своего бизнеса, стремление к монополии своего влияния в рамках выбранной коммерческой ниши. Для выполнения данной цели манипулятор прибегает к политическому лоббированию и достижению социального одобрения, стимулирующего клиентский интерес.

Накопление средств – основная цель любого бизнеса, однако в современных экономических условиях повышенной конкурентной среды и заполненности основных ниш рынка появляется необходимость моделирования социальной реальности через использование технологий социального манипулирования. Таким образом, конструирование социальной реальности происходит через формирование социальной миссии компании, что позволяет бизнесу подчеркнуть свою социальную полезность и увеличить конкурентные преимущества.

Необходимо отметить, что происходит не просто смешение интересов разных звеньев правящей элиты, но и постепенная интеграция ресурсов. Манипулятор, занимающий звено бизнес-элиты, для получения иного вида власти становится избранником народа и приумножает не только экономический капитал, но и политический, который, во-первых, удовлетворяет амбициям данного субъекта, а во-вторых, позволяет расширить поле монопольного захвата интересующих зон экономики. Прямое влияние бизнеса на региональную политику выросло, в том числе из-за того, что увеличивалось число губернаторов-бизнесменов (С. В. Дарькин, Д. В. Зеленин, А. Н. Ткачев, А. Г. Хлопонин, В. А. Штыров, В. А. Якушев и др.).

Политическое влияние олигархов было обеспечено не только ростом их капиталов, но и тем, что в их руках оказались средства манипулирования: многие электронные и печатные средства массовой информации – наиболее популярные телевизионные каналы, радиостанции, газеты, журналы. «В России крупные политизированные медиа-холдинги в отсутствие реальных политических партий играли в начале 2000-х роль своеобразных эрзац-партий и обеспечивали информационную поддержку групп влияния, их связь с электоратом. Мобилизацию ресурсов и лоббирование тех или иных решений»⁷. Постепенно государственные СМИ теряли свое влияние

из-за недостаточного финансирования и снижения государством регламентации их деятельности. Бизнес осознал, что СМИ являются не только каналом получения дополнительных материальных средств, но и важным каналом воздействия на общественное мнение. Примером могут служить современные крупные медиахолдинги, владельцами которых являются крупные бизнесмены. Так, в Газпром-Медиа Холдинг входят: телекомпания «НТВ», «ГНТ», спутниковая телекомпания «НТВ-Плюс», восемь радиостанций, издательства нескольких журналов и газет, кинокомпания «НТВ-Кино», кинотеатры «Октябрь», «Кристалл-Палас», интернет-портал RuTube, ООО «Газпром-Медиа» (продажа рекламы)⁸. ЗАО «Национальная Медиа Группа» (НМГ) является одним из крупнейших в России частных медиахолдингов. Оно создано в феврале 2008 г. на основе медийных активов ряда крупных компаний: банка «Россия» Юрия Ковальчука, «Северстали», «Сургутнефтегаза» и страховой группы «СОГАЗ». Среди активов НМГ – 68% телеканала РЕН ТВ, 72% телерадиокомпания «Петербург – Пятый канал», 51% газеты «Известия» и 51% кабельного оператора «Национальные телекоммуникации»⁹.

Таким образом, современная бизнес-элита характеризуется:

- относительной мерой независимости, так как занимаемый статус не определяется органами государственного управления и не может быть ими изменен;
- достаточностью финансового ресурса для «прямой покупки» всех необходимых инструментов (людей, компаний, СМИ) для эффективного манипулирования над объектами;
- доступом ко всем каналам информации и возможностью единоличного владения ими;
- возможностью доступа к некоммерческим ресурсам для получения латентной и не доступной объекту манипулирования информации;
- возможностью присутствия лоббистов и информаторов в местах принятия решений.

Субъект манипулирования – бизнес-элита, обладающая данными признаками, имеет прямые возможности добиваться цели – достижения монопольного проведения своего решения, связанного с политической сферой. Поскольку, с одной стороны, субъекту манипулирования (бизнес-элите) требуется создание и поддержание имиджа «управляемого» объекта политической сферы,

разработанного для органов государственной власти, а с другой стороны, необходимо общественное одобрение, которое не всегда можно получить, используя реальную репутацию, именно для этого формируются «нужные» социальные имиджи, способные получать общественное одобрение. Часто субъект манипулирования добивается своей цели в ущерб обществу. Примером может служить деятельность фармацевтического рынка, часто завышающего цены и не контролирующего качество медицинских препаратов. Глава Федеральной антимонопольной службы Игорь Артемьев отмечает, что в деятельности ФГС «приоритетными являются такие направления, как нефтяная промышленность, лекарственная отрасль и продовольственная сфера»¹⁰.

Для достижения монопольного проведения своего решения, связанного с политической сферой и лоббированием интересов компании, субъект манипулирования, в данном случае бизнес-элита, использует особые способы организации информационного сообщения. Для достижения основной цели бизнес-элите необходимо «работать» одновременно и с общественным мнением, и с властью.

Примечания

- 1 Социальная психология : словарь / ред. М. Ю. Кондратьев. М. : Per Se ; СПб. : Речь, 2005. С. 135.
- 2 Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. С. 2.
- 3 См.: Рывкина Р. В. Формирование новых экономических классов в России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 37.
- 4 См.: Крыштановская О. В. Указ. соч. С. 2.
- 5 Там же. С. 16.
- 6 Там же. С. 23.
- 7 Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью : теория и практика : учеб. пособие для студентов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дело, 2004. С. 192.
- 8 ОАО «Газпром-медиа» : [офиц. сайт]. URL: www.gazprom-media.com/ (дата обращения: 20.08.2011).
- 9 См.: Закрытое акционерное общество «Национальная Медиа Группа» [офиц. сайт]. URL: <http://www.nm-g.ru/> (дата обращения: 18.06.2011).
- 10 ФАС борется с завышенными ценами нефтяных компаний // Коммерсантъ.RU. 2010. 28 янв. URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 13.05.2011).

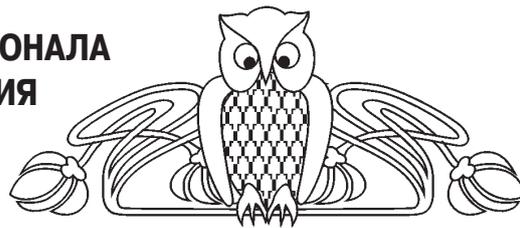

УДК 316.477

ПЛАНИРОВАНИЕ ДЕЛОВОЙ КАРЬЕРЫ ПЕРСОНАЛА КАК ЭФФЕКТИВНАЯ КАДРОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Ю. В. Астахов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: i-astakhov@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы планирования и управления деловой карьерой персонала. Подчеркивается, что в современных условиях технология планирования и управления деловой карьерой персонала является одним из наиболее важных стимулов производительного и качественного труда, способствующая карьерному росту специалистов.

Ключевые слова: кадры, карьера, трудовая карьера, профессиональная карьера, деловая карьера, кадровые технологии, модели и мотивы построения карьеры.

Business Planning Staff Career as an Effective HR Technology

Yu.V. Astahov

The article deals with current problems of planning and business management career staff. It is emphasized that in the contemporary technology planning and business management career personnel is one of the most important incentives for productive and quality work that promotes career development specialists.

Key words: people, career, working career, career development, business career, HR technologies, models and motivations of career.

В современных условиях XXI в. в России технологии реализации кадровой политики предусматривают планирование карьеры работников, специалистов (персонала предприятий и организаций различных организационно-правовых форм собственности, органов власти и управления).

На сегодняшний день планирование карьеры, по мнению ряда российских и зарубежных ученых, является наиболее эффективной кадровой технологией, способствующей стимулированию и усовершенствованию реализации социально-трудовых отношений, инноваций в экономике, социальной сфере, повышению производительного и качественного труда.

Понятие «карьера» в современной России стало пользоваться широкой популярностью у теоретиков и практиков управления только в последние годы XX в. и в начале XXI в., в связи с переходом к рынку и менеджменту. Еще несколько лет назад слово «карьера» в обществе воспринималось негативно. Карьеризм, по мнению наших соотечественников, считался порождением буржуазного общества. Сегодня же это – важный показатель развития человека в системе социальной структуры общества.

Анализ отечественных и зарубежных источников показывает, что карьера понимается сегодня как сложное, многоаспектное явление, требующее серьезного изучения.

В широком смысле карьера – общая последовательность этапов развития человека в основных сферах жизни (трудовой, семейной, досуговой)¹. С этих позиций карьеру не только следует рассматривать как продвижение по службе, правомерно говорить о карьере как о роде занятий, деятельности. Например, карьера топ-менеджера, спортивная, военная, артистическая карьера, карьера домохозяйек, матерей, учащихся, студентов.

В узком смысле карьера связывается с динамикой положения и активности личности в трудовой деятельности². Под карьерой понимают целенаправленный должностной и профессиональный рост, «поступательное продвижение по служебной лестнице, изменение навыков, способностей, квалификационных возможностей и размеров вознаграждения, связанных с деятельностью работника»³.

Карьеру следует понимать и как процесс, который определяется как «прохождение, последовательность состояний систем»⁴. Понимание карьеры как процесса ориентирует на соответствующий методологический подход к ее исследованию. В его основе – изучение событий, а не вещей; процессов, а не состояний. Для социологической науки, а также для смежных с нею наук, исследующих социальную сторону жизни, это означает, что общество и его компоненты должны рассматриваться не как статичные, стабильные состояния, а как процессы, не как жесткий квазиобъект, а как постоянно длящийся, бесконечный поток событий.

Фактически понятие «планирование карьеры» начинается с осознания того, как осуществляется выбор карьеры. На этой основе учеными исследователями и практиками предприняты попытки дать развернутое определение понятию «карьера». Так, С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» утверждает, что «карьера: 1. род занятий, профессия; 2. путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще»⁵.

М. С. Лапатухин подчеркивает, что «карьера: 1. продвижение в служебной и другой деятельности; 2. достижение известности, славы»⁶.

В «Социологическом словаре» понятие «карьера» (career) определяется как «последова-

тельность работ, выполняемых индивидом в ходе трудовой жизни»⁷.

А. Я. Ульянова считает, что в широком смысле под карьерой понимается общая последовательность этапов развития человека в основных сферах жизни. В узком смысле понятие «карьера» связывается с динамикой положения и активности личности в трудовой деятельности. Сущностной составляющей карьеры является продвижение, то есть движение вперед. Применяются и такие дифференциации, как рост, достижение, переход⁸.

Н. П. Беляцкий полагает, что «карьера – это не всегда власть, не всегда продвижение по службе, не всегда богатство, но всегда успех, по крайней мере, в одном из слоев общества или организации, это всегда рост: творческий, профессиональный, служебный или просто экономический в виде повышения заработной платы»⁹.

В. П. Иванов, размышляя о данном понятии, считает, что «карьера – акт продвижения человека в основании и совершенствовании способа жизнедеятельности, обеспечивающего его устойчивость в потоке социальной жизни. Идеальная форма карьерной технологии – прогрессивный тип. Каждая последующая стадия изменения в этом технологическом процессе отличается от предыдущей более высоким уровнем способностей и возможностей жизнедеятельности. Она включает в себя достигнутые ранее результаты и подготавливает необходимость более поздней стадии»¹⁰.

Итак, мы полагаем, что самое популярное определение *карьеры* – это последовательность занимаемых должностей, продвижение сотрудника (специалиста) вверх по служебной лестнице.

Все определения карьеры в той или иной мере, как мы видим, опираются на динамику конкурентоспособности личности (человека), инновационно продвинутых кадров, как решающее условие успеха в реальной жизни, в социально-трудовых отношениях и в реализации инновационных проектов, без которых современный управленец (топ-менеджер) перестает быть управленцем.

В этой связи губернатор Белгородской области Е. С. Савченко отметил, что «успех любого дела зависит от кадров, профессионально подготовленных и хорошо мотивированных <...> рассчитывать мы должны в основном на тех, кто сегодня сидит за школьной партой, обучается в вузовских учебных аудиториях, трудится на производстве, в бизнесе, в органах власти, социальной сфере»¹¹.

В современной научной литературе, наряду с понятием «*трудовая карьера*», употребляется понятие «*профессиональная карьера*», а также «*деловая карьера*». Рассмотрим эти понятия.

Трудовая карьера – это продвижение индивида по ступеням профессиональной лестницы в течение всей трудовой жизни, его профессиональные перемещения, смена видов работ на пути к достижению успеха на служебном поприще, кото-

рый выражается каждый раз в занятии более престижными видами труда, более высокой оплате, большей служебной ответственности и власти¹².

Как правило, трудовую карьеру работник (специалист) осуществляет зачастую на разных предприятиях или внутри одной организации (внутриорганизационная либо внутриотраслевая карьера). Карьера в течение трудовой жизни может состояться в одной профессии (врач, учитель, инженер и т. д.), иногда – в различных профессиях, специальностях (бухгалтер, экономист, менеджер и др.).

Профессиональная карьера – это рост специальных знаний, умений и навыков. Характеризуется тем, что конкретный работник в процессе профессиональной деятельности проходит различные этапы развития в рамках профессии в области деятельности, в которой он специализируется. Профессиональная карьера может идти по линии специализации (углубление в одной, выбранной в начале профессионального пути линии движения) или транспрофессионализации (овладение другими областями опыта, связанное скорее с расширением инструментов и областей деятельности)¹³.

Профессиональная карьера по своей сути – это последовательное накопление профессионального опыта специалистом в течение всей его трудовой деятельности. Следовательно, согласно общетеоретическому определению и в нашем понимании, карьера – это общая система процессов развития человека (специалиста) и его профессиональные достижения в определенной сфере деятельности.

Деловая карьера – это поступательное продвижение личности в какой-либо сфере деятельности, изменение навыков, способностей, квалификационных возможностей и размеров вознаграждения, связанных с деятельностью.

В современных условиях существует множество видов карьеры, они могут классифицироваться по различным признакам.

По мнению профессора А. Я. Кибанова, можно выделить следующие виды карьеры.

Внутриорганизационная карьера означает, что конкретный работник в процессе своей профессиональной деятельности проходит все стадии развития: обучение, поступление на работу, профессиональный рост, поддержку и развитие индивидуальных профессиональных способностей, уход на пенсию.

Межорганизационная карьера означает, что конкретный работник в процессе своей профессиональной деятельности проходит все стадии развития последовательно, в разных организациях. Эта карьера также может быть специализированной и неспециализированной.

Специализированная карьера характеризуется тем, что конкретный сотрудник в процессе своей профессиональной деятельности проходит различные стадии развития. Он может пройти

их последовательно как в одной, так и в разных организациях, но в рамках профессии и области деятельности, в которой специализируется.

Неспециализированная карьера – этот вид карьеры широко развит в Японии. Японская система управления исходит из того, что руководитель должен быть специалистом, способным работать на любом участке компании, а не выполнять какую-либо отдельную функцию.

Вертикальная карьера – продвижение, подъем на более высокую ступень структурной иерархии (повышение в должности, которое сопровождается более высоким уровнем оплаты труда).

Горизонтальная карьера – вид карьеры, который предполагает либо перемещение в другую функциональную область деятельности, либо выполнение определенной служебной роли на ступени, не имеющей жесткого формального закрепления в организационной структуре (например, выполнение роли руководителя временной целевой группы, программы и т. п.).

Скрытая карьера является наименее очевидной для окружающих. Этот вид карьеры доступен ограниченному кругу работников, как правило, имеющих обширные деловые связи вне организации.

Ступенчатая карьера совмещает в себе элементы горизонтальной и вертикальной карьеры. Продвижение работника может осуществляться посредством чередования вертикального роста с горизонтальным, что дает значительный эффект.

По скорости переходов между рабочими местами внутриорганизационная карьера может быть охарактеризована как *стабильная*, если длительное время (7–8 лет) деятельность работника протекает в рамках одной должности, одного социального ранга; *нормальная* (равномерная), если количество переходов не превышает одного раза в три года; *стремительная*, когда внутриорганизационная карьера связана с частой сменой (более одного раза в три года) рабочих мест, должностей, видов деятельности.

Предварительный этап включает учебу в школе, получение среднего и высшего образования и длится до 25 лет. За этот период человек может сменить несколько различных работ в поисках вида деятельности, удовлетворяющего его потребностям и отвечающего его возможностям.

Этап становления длится примерно 5 лет в возрасте от 25 до 30 лет. В этот период работник осваивает выбранную профессию, приобретает необходимые навыки, формируется его квалификация, происходит самоутверждение и появляется потребность к установлению независимости.

Этап продвижения обычно происходит в возрасте от 30 до 45 лет. В этот период идет процесс роста квалификации, продвижения по службе. Происходит накопление практического опыта, навыков, растет потребность в самоутверждении, достижении более высокого статуса и еще боль-

шей независимости, начинается самовыражение как личности.

Этап сохранения характеризуется действиями по закреплению достигнутых результатов и занимает возрастной период от 45 до 60 лет. Наступает пик совершенствования квалификации и происходит ее повышение в результате активной деятельности и специального обучения, работник заинтересован передать свои знания молодежи. Этот период характеризуется творчеством, здесь возможен подъем на новые служебные ступени.

Этап завершения приходится на возраст от 60 до 65 лет. Хотя этот период характеризуется кризисом карьеры, и такие люди все меньше получают удовлетворение от работы и испытывают состояние психологического и физиологического дискомфорта, самовыражение и уважение к себе и другим подобным людям у них достигает наивысшей точки за весь период карьеры.

Пенсионный этап: карьера в данной организации (виде деятельности) завершается. Появляется возможность для самовыражения в других видах деятельности, которые были невозможны в период работы в организации или выступали в виде хобби. К примеру, деятельность наставника, преподавательская деятельность в вузе, избрание депутатом любого уровня власти, работа в общественных организациях и др.

Заметим, что каждый этап характеризуется своими целями и особенностями трудовой деятельности, отличается от других имеющихся у работника трудовым потенциалом, требованиями к перспективам трудовой карьеры, мотивами трудовой деятельности. Таким образом, трудовой путь работника в пределах каждого этапа может существенно варьироваться в зависимости от различных производственных, социальных и иных факторов, что говорит о необходимости учета данного вопроса в работе специалистов кадровых служб по планированию карьеры.

Итак, как мы видим, понятие «карьера» в современных условиях имеет множество значений. Но, как мы полагаем, карьера, во-первых, это, прежде всего, успешное и последовательное продвижение человека в области производственной и социальной сферы, служебной, общественной, политической, научной и другой деятельности. Во-вторых, она предусматривает поступательное изменение профессиональных навыков, способностей и возможностей, связанных с трудовой либо общественной деятельностью человека. Различные модели и мотивы построения карьеры отражают схемы продвижения сотрудников (специалистов) внутри организации. А применение на практике различных форм и технологий карьерной стратегии позволяет решать множество важнейших управленческих, кадровых, политических и социально-экономических задач. Главные из них: снижение текучести кадров; возвращение лидеров и специалистов («головастиков»); подготовка перспективного управленческого кадрового резерва на выдвижение; повышение

удовлетворенности работников своим трудом; стимулирование инициативы и повышение степени вовлеченности сотрудников в повседневную жизнь организации; сплочение и укрепление коллектива и его кадрового потенциала; оздоровление организационной культуры и улучшение морально-психологической атмосферы.

Возрастание интереса к технологии карьеры в последние годы обусловлено, прежде всего, происходящими процессами рыночных преобразований, а также актуализацией проблем менеджмента персонала. На многих российских предприятиях, в органах власти и управления разница между требованиями должностей и возможностями тех, кто их занимает, достигает критических значений и порождает серьезные предпосылки социально-психологических и экономических проблем.

В настоящее время большинство исполнительных региональных и муниципальных органов власти, современных предприятий принимает на себя, по крайней мере, неформальные обязательства рационально использовать кадровый резерв, профессиональные качества сотрудников и дать каждому шанс сделать успешную карьеру.

Итак, тенденция на развитие персонала, планирование карьеры и деловая активность специалистов давно уже стала отличительным признаком инновационного стратегического управления персоналом органов власти и управления, успешно действующих предприятий и фирм, где каждому сотруднику предоставляется реальная возможность и обеспечивается содействие в достижении успехов в карьере.

УДК 816.752

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ЗНАЧИМЫЙ КОМПОНЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ

С. Ш. Жемчураева

Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени академика М. Д. Миллонцикова
E-mail: sedazz@mail.ru

В статье анализируются результаты социологического опроса чеченцев, проживающих в г. Саратове, которые демонстрируют их приверженность национальным традициям и родному языку. Выявляется роль чеченского языка в процессе конструирования идентичности мигрантов в полиэтничной среде.

Ключевые слова: чеченцы, родной язык, этническая идентичность, языковое поведение.

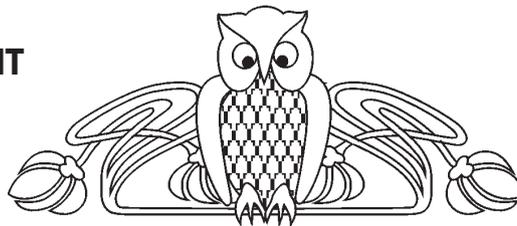
Native Language as Significant Component of Ethnic Identity of Chechens

S. Sh. Zhemchuraeva

In article results of sociological poll of the Chechens living in Saratov which show adherence to national traditions and a native language are analyzed. The role of the Chechen language in the course of designing

Примечания

- 1 См.: Романов В. Л. Прохождение государственной службы : карьерная стратегия и служебная тактика. М., 1997. С. 95.
- 2 См.: Социальное управление : словарь / под ред. В. И. Добренкова, И. М. Слепенкова. М., 1994. С. 67.
- 3 Управление персоналом организации : учебник / под ред. А. Я. Кибанова. М., 1997. С. 512.
- 4 Современный философский словарь. М. ; Бишкек ; Екатеринбург, 1996. С. 391.
- 5 Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 231.
- 6 Лапатухин М. С. Школьный толковый словарь русского языка. М., 1981. С. 114.
- 7 Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. М., 2004. С. 181.
- 8 Ульянова А. Я. Кадровый потенциал государственного и муниципального управления. Система государственного и муниципального управления : учебник / под общ. ред. Г. В. Атаманчука. М., 2008. С. 377.
- 9 Беляцкий Н. П. Управление персоналом : учебник. Минск, 2008. С. 377–378.
- 10 Государственная служба Российской Федерации : основы управления персоналом / под общ. ред. В. П. Иванова. М., 2003. С. 184.
- 11 Савченко Е. С. Благополучие для всех – вот лозунг сегодняшнего дня // Государственное и муниципальное управление : теория и практика. 2011. № 1. С. 11.
- 12 См.: Управление персоналом организации : учеб. пособие / под ред. проф. П. Э. Шлендера. М., 2010. С. 229.
- 13 Там же. С. 232.

of identity of migrants in the polyethnic environment comes to light.

Key words: Chechens, native language, ethnic identity, language behavior.

О значении языка для истории и духовной жизни народа великий русский педагог К. Д. Ушинский в «Родном слове» писал следующее: «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающийся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его Родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину, в звук небо Отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки,

удовлетворенности работников своим трудом; стимулирование инициативы и повышение степени вовлеченности сотрудников в повседневную жизнь организации; сплочение и укрепление коллектива и его кадрового потенциала; оздоровление организационной культуры и улучшение морально-психологической атмосферы.

Возрастание интереса к технологии карьеры в последние годы обусловлено, прежде всего, происходящими процессами рыночных преобразований, а также актуализацией проблем менеджмента персонала. На многих российских предприятиях, в органах власти и управления разница между требованиями должностей и возможностями тех, кто их занимает, достигает критических значений и порождает серьезные предпосылки социально-психологических и экономических проблем.

В настоящее время большинство исполнительных региональных и муниципальных органов власти, современных предприятий принимает на себя, по крайней мере, неформальные обязательства рационально использовать кадровый резерв, профессиональные качества сотрудников и дать каждому шанс сделать успешную карьеру.

Итак, тенденция на развитие персонала, планирование карьеры и деловая активность специалистов давно уже стала отличительным признаком инновационного стратегического управления персоналом органов власти и управления, успешно действующих предприятий и фирм, где каждому сотруднику предоставляется реальная возможность и обеспечивается содействие в достижении успехов в карьере.

УДК 816.752

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ЗНАЧИМЫЙ КОМПОНЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ

С. Ш. Жемчураева

Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени академика М. Д. Миллонцикова
E-mail: sedazz@mail.ru

В статье анализируются результаты социологического опроса чеченцев, проживающих в г. Саратове, которые демонстрируют их приверженность национальным традициям и родному языку. Выявляется роль чеченского языка в процессе конструирования идентичности мигрантов в полиэтничной среде.

Ключевые слова: чеченцы, родной язык, этническая идентичность, языковое поведение.

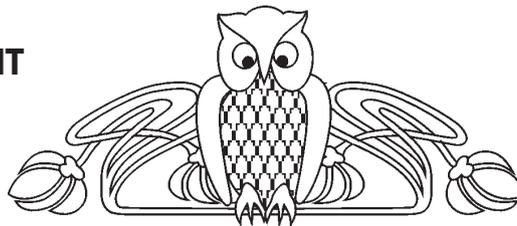
Native Language as Significant Component of Ethnic Identity of Chechens

S. Sh. Zhemchuraeva

In article results of sociological poll of the Chechens living in Saratov which show adherence to national traditions and a native language are analyzed. The role of the Chechen language in the course of designing

Примечания

- 1 См.: Романов В. Л. Прохождение государственной службы : карьерная стратегия и служебная тактика. М., 1997. С. 95.
- 2 См.: Социальное управление : словарь / под ред. В. И. Добренкова, И. М. Слепенкова. М., 1994. С. 67.
- 3 Управление персоналом организации : учебник / под ред. А. Я. Кибанова. М., 1997. С. 512.
- 4 Современный философский словарь. М. ; Бишкек ; Екатеринбург, 1996. С. 391.
- 5 Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 231.
- 6 Лапатухин М. С. Школьный толковый словарь русского языка. М., 1981. С. 114.
- 7 Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. М., 2004. С. 181.
- 8 Ульянова А. Я. Кадровый потенциал государственного и муниципального управления. Система государственного и муниципального управления : учебник / под общ. ред. Г. В. Атаманчука. М., 2008. С. 377.
- 9 Беляцкий Н. П. Управление персоналом : учебник. Минск, 2008. С. 377–378.
- 10 Государственная служба Российской Федерации : основы управления персоналом / под общ. ред. В. П. Иванова. М., 2003. С. 184.
- 11 Савченко Е. С. Благополучие для всех – вот лозунг сегодняшнего дня // Государственное и муниципальное управление : теория и практика. 2011. № 1. С. 11.
- 12 См.: Управление персоналом организации : учеб. пособие / под ред. проф. П. Э. Шлендера. М., 2010. С. 229.
- 13 Там же. С. 232.

of identity of migrants in the polyethnic environment comes to light.

Key words: Chechens, native language, ethnic identity, language behavior.

О значении языка для истории и духовной жизни народа великий русский педагог К. Д. Ушинский в «Родном слове» писал следующее: «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающийся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его Родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину, в звук небо Отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки,

ее бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке – в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык – народа нет более»¹. С этими глубокими и содержательными характеристиками родного языка невозможно не согласиться.

Значимость родного языка как элемента и инструмента этнической идентичности, за редким исключением, высока всегда, но эмоциональная окрашенность его восприятия и тем более превращение языка в этнический фетиш имеют место только в «кризисных» для этнической группы или конкретного индивида условиях, связанных со страхом перед ассимиляцией, угрозой исчезновения (утраты) «этнических ценностей» – атрибутов этнической идентичности². Для чеченского этноса национальный язык является непреходящей ценностью, образует ядро его культуры³. До 1925 г. чеченская письменность строилась на основе арабской графики, с 1925 г. по 1938 г. развивалась на основе латинской графики и с 1938 г. по 1992 г. – на основе кириллицы, в 1992 г. вновь перешла на латиницу⁴. В настоящее время, согласно данным ЮНЕСКО, чеченский язык находится под угрозой полного вымирания. К числу вымирающих эта всемирная организация также относит абхазский, адыгейский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, осетинский языки и др. Всего в России в зоне риска оказались 136 языков⁵.

Родной язык является важнейшим компонентом этнической идентичности чеченцев. «Ненан мотт» (язык матери) – так называют чеченцы свой язык. В нем имплицитно представлен дух, ментальность этноса. Чеченцы всегда оставались преданными своему родному языку, процент считающих русский язык своим родным среди них был значительно ниже, чем среди многих других народов России. Но и русский постепенно становился для них вторым родным языком⁶.

Родной язык, как один из отличительных признаков, по которому можно определить принадлежность индивида к какой-либо этнической группе, является важной составляющей национальной самоидентификации личности. Существовая наряду с другими правилами социального поведения (репродуктивным, демографическим, нравственным, политическим и т. д.), языковое поведение занимает особое место ввиду того, что оно сопровождает человека на протяжении всей его сознательной жизнедеятельности, служит средством отношения его к окружающему миру и самому себе, облекая идеи и понятия в осмысленную звуковую материальную оболочку⁷.

В мононациональной среде человек редко задумывается о роли своего родного языка. Ценностное отношение проявляется тогда, когда есть некая языковая альтернатива, но главное – настоятельная потребность в выборе. Именно окружающая социальная среда, сам производственный процесс в многонациональном трудовом коллективе диктуют, к какому языку прибегать человеку. Родной язык начинает использоваться лишь в общении с родственниками⁸. По результатам социологического исследования, проведенного в г. Саратове с целью отследить языковое поведение чеченских мигрантов, были получены следующие результаты: 97% мигрантов учат (собираются учить) своих детей чеченскому языку, 93% респондентов считают своим языком детства – чеченский, 91% опрошенных общаются на чеченском языке дома, 79% – знают чеченский язык лучше всего и 93% – отметили, что на работе (учебе) общаются на русском языке (таблица). В результате мы можем сделать вывод о том, что чеченский язык не утрачивает своей роли. Работа и учеба в многонациональных коллективах не препятствует внутриэтническому общению чеченцев на родном языке.

Язык как средство общения (% к опрошенным)

Содержание вопроса	Чеченский	Русский
Ваш язык детства?	93	51
Язык, на котором Вы говорите дома?	91	29
Язык, на котором Вы общаетесь на работе (учебе)?	12	93
Какой язык Вы знаете лучше всего?	79	68
Язык, которому Вы учите (собираетесь учить) своих детей?	97	76

Языковое поведение респондентов имеет большое значение, так как отражает процесс коммуникативности представителей изучаемого этноса с людьми иных этнических групп, а также влияние языка титульной нации на повседневную жизнь мигрантов.

Вопрос о том, какому языку респонденты учат (собираются учить) своих детей, заслуживает отдельного внимания, поскольку наибольшее число опрошенных выбрали чеченский язык. Существует множество связей между языковым развитием и другими аспектами развития детей. Национальный язык является главным средством социализации. Для ребенка важно научиться понимать не только язык, но и жесты, взгляды; он должен знать, когда надо молчать, как и когда слушать. Язык играет привилегированную роль в процессах социализации. Чтобы быть компетентным носителем культуры, субъект должен уметь говорить так, как принято в данной культуре⁹.

Таким образом, знание и использование национального языка во внутриэтническом общении являются существенными показателями устойчивости этнической идентичности чеченских мигрантов. Анализ использования чеченского языка во внутриэтническом общении указывает на то, что вектор социолингвистической динамики остается положительным и направлен на сохранение родного языка.

УДК 316.356.2

БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ: ПАРАДИГМА КОМПЛЕКСНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

М. Э. Елютина, С. В. Климова*

Саратовский государственный университет

* Саратовский социально-экономический институт

Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

E-mail: elutina133@mail.ru, klimovasv@yandex.ru

В статье анализируется современное состояние изучения благополучия семьи в отечественной социологии, излагаются программные положения для разработки теории благополучия семьи на базе эмпирических исследований, обосновывается включение в анализ благополучия семьи институционального качества отношений супружества, родительства, родства и возрастного фактора.

Ключевые слова: исследовательская программа, институциональные ресурсы семьи, стратегии поведения.

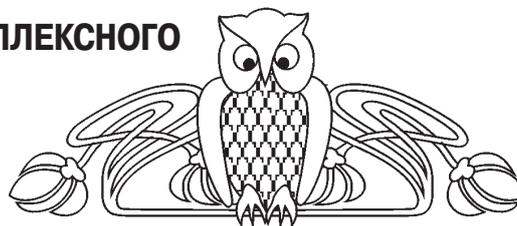
Prosperity of Family: Paradigm of Complex Institutional Analysis

M. E. Elutina, S. V. Klimova

In the article the modern state of study of prosperity of family is analysed in home sociology, programmatic positions are expounded for development of theory of prosperity of family on the base of empiric researches, plugging in the analysis of prosperity of family

Примечания

- ¹ Ушинский К. Д. О преподавании русского языка. URL: <http://orthgymn.ru/publish/rodnoeslovo/ushinsk.php> (дата обращения: 12.01.2012).
- ² См.: Е. Пивнева. Поддержка и развитие финно-угорских языков в контексте этнокультурной ситуации // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. В. А. Тишкова. М., 2011. С. 66.
- ³ См.: Акаев В. Х. Национальная идея чеченцев (от постановки до разработки) / Независимый институт гуманитарных исследований Чеченской Республики, Чеченское отделение Философского общества России. Грозный, 2005. С. 27.
- ⁴ См.: Чеченцы: история и современность / под общ. ред. Ю. А. Айдаевой. М., 1996. С. 287.
- ⁵ См.: Караев Р. Язык на грани смерти. URL: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=17&PubID=11217> (дата обращения: 21.04.2012).
- ⁶ См.: Акаев В. Х. Указ. соч. С. 26.
- ⁷ См.: Валеева А. Ф. Языковое поведение в полиэтническом обществе (социологическая диверсифицированность). Саратов, 2003.
- ⁸ См.: Тухватуллин Р. М. Язык как национальная ценность // Социс. 1997. № 8. С. 47.
- ⁹ См.: Социализация посредством языка. URL: <http://ethnopsychology.narod.ru> (дата обращения: 19.02.2012).

institutional quality of relations of matrimony, paternalness, cognation and age-related factor is grounded.

Key words: research program, institutional resources of family, strategy of behavior.

Изучение текстов социологических исследований о семье за тридцатилетний период, начиная со второй половины 70-х гг. XX в., социологическими методами анализа документов обнаруживает наличие существенных теоретико-методологических проблем в социологии семьи¹, что проявляется в недостаточном разработанном понятийном аппарате как на уровне теоретического объяснения, так и в эмпирических социологических исследованиях этого направления. В проблемное концептуальное поле нередко помещаются, наряду с традиционными понятиями «семья», «виды семьи», понятия, фиксирующие различные модусы позитивных оценок семейных

Языковое поведение респондентов имеет большое значение, так как отражает процесс коммуникативности представителей изучаемого этноса с людьми иных этнических групп, а также влияние языка титульной нации на повседневную жизнь мигрантов.

Вопрос о том, какому языку респонденты учат (собираются учить) своих детей, заслуживает отдельного внимания, поскольку наибольшее число опрошенных выбрали чеченский язык. Существует множество связей между языковым развитием и другими аспектами развития детей. Национальный язык является главным средством социализации. Для ребенка важно научиться понимать не только язык, но и жесты, взгляды; он должен знать, когда надо молчать, как и когда слушать. Язык играет привилегированную роль в процессах социализации. Чтобы быть компетентным носителем культуры, субъект должен уметь говорить так, как принято в данной культуре⁹.

Таким образом, знание и использование национального языка во внутриэтническом общении являются существенными показателями устойчивости этнической идентичности чеченских мигрантов. Анализ использования чеченского языка во внутриэтническом общении указывает на то, что вектор социолингвистической динамики остается положительным и направлен на сохранение родного языка.

УДК 316.356.2

БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ: ПАРАДИГМА КОМПЛЕКСНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

М. Э. Елютина, С. В. Климова*

Саратовский государственный университет

* Саратовский социально-экономический институт

Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

E-mail: elutina133@mail.ru, klimovasv@yandex.ru

В статье анализируется современное состояние изучения благополучия семьи в отечественной социологии, излагаются программные положения для разработки теории благополучия семьи на базе эмпирических исследований, обосновывается включение в анализ благополучия семьи институционального качества отношений супружества, родительства, родства и возрастного фактора.

Ключевые слова: исследовательская программа, институциональные ресурсы семьи, стратегии поведения.

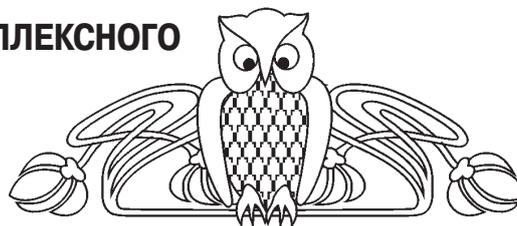
Prosperity of Family: Paradigm of Complex Institutional Analysis

M. E. Elutina, S. V. Klimova

In the article the modern state of study of prosperity of family is analysed in home sociology, programmatic positions are expounded for development of theory of prosperity of family on the base of empiric researches, plugging in the analysis of prosperity of family

Примечания

- ¹ Ушинский К. Д. О преподавании русского языка. URL: <http://orthgymn.ru/publish/rodnoeslovo/ushinsk.php> (дата обращения: 12.01.2012).
- ² См.: Е. Пивнева. Поддержка и развитие финно-угорских языков в контексте этнокультурной ситуации // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. В. А. Тишкова. М., 2011. С. 66.
- ³ См.: Акаев В. Х. Национальная идея чеченцев (от постановки до разработки) / Независимый институт гуманитарных исследований Чеченской Республики, Чеченское отделение Философского общества России. Грозный, 2005. С. 27.
- ⁴ См.: Чеченцы : история и современность / под общ. ред. Ю. А. Айдаевой. М., 1996. С. 287.
- ⁵ См.: Караев Р. Язык на грани смерти. URL: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml? Part=17&PubID=11217> (дата обращения: 21.04.2012).
- ⁶ См.: Акаев В. Х. Указ. соч. С. 26.
- ⁷ См.: Валеева А. Ф. Языковое поведение в полиэтническом обществе (социологическая диверсифицированность). Саратов, 2003.
- ⁸ См.: Тухватуллин Р. М. Язык как национальная ценность // Социс. 1997. № 8. С. 47.
- ⁹ См.: Социализация посредством языка. URL: <http://ethnopsychology.narod.ru> (дата обращения: 19.02.2012).

institutional quality of relations of matrimony, paternalness, cognation and age-related factor is grounded.

Key words: research program, institutional resources of family, strategy of behavior.

Изучение текстов социологических исследований о семье за тридцатилетний период, начиная со второй половины 70-х гг. XX в., социологическими методами анализа документов обнаруживает наличие существенных теоретико-методологических проблем в социологии семьи¹, что проявляется в недостаточном разработанном понятийном аппарате как на уровне теоретического объяснения, так и в эмпирических социологических исследованиях этого направления. В проблемное концептуальное поле нередко помещаются, наряду с традиционными понятиями «семья», «виды семьи», понятия, фиксирующие различные модусы позитивных оценок семейных

отношений, – «благополучие семьи», «семейное благополучие», «благополучная семья». Разнообразные контексты семейного благополучия непременно озвучиваются в каждом социологическом исследовании семьи как малой группы и как социального института в качестве латентного критерия научной экспертизы семейных отношений. Семейное благополучие подразумевается, но явно недостаточно конкретного знания о нем.

Следует отметить еще одну типичную черту социологических исследований семьи в России двух последних десятилетий. Под влиянием трансформационных процессов российского общества в социологии семьи сложился теоретический стереотип: неблагополучие семейных отношений выбирается в качестве отправного пункта в исследовании семьи и критерия для благополучия. По-нашему мнению, познавательный вектор необходимо повернуть в обратную сторону: понять неблагополучие семьи можно через специальное изучение ее благополучия. Такой ракурс научного анализа правомерен с точки зрения канонов методологии социологического исследования.

В эмпирических исследованиях социологи используют операциональные определения. Логическая особенность этих мыслительных форм в том, что они конструируются для конкретной цели исследования, складываются из тех структурных признаков, которые содержатся в воссоздают целостное видение его предмета. В исследовательском процессе ученый ориентируется на созданный им образ того, что он намерен изучить. Операционализация понятий – неотъемлемая процедура любого эмпирического исследования. В этой особенности методологии конкретных социологических исследований скрыта одна из причин того, что каждое эмпирическое исследование семьи опирается на соответствующее данному контексту понятие о семейном благополучии. Следовательно, для того чтобы узнать, что такое семейное благополучие само по себе, то есть по своей сущности, в данном обществе в настоящий момент его развития, необходимо сделать его предметом эмпирического исследования. Исходя из специфики социологической методологии, концептуальный инструментарий для оценки благополучия института семьи должен создаваться в специальных эмпирических исследованиях, нацеленных на изучение социальных контекстов взаимодействий людей по обеспечению благополучия своей семьи.

Ответ на вопрос «Что такое “благополучие семьи”?» лежит в предметном поле социальной философии, а в социологическом исследовании важны представления людей о семейном благополучии, которыми они руководствуются в жизни, поэтому любая теория благополучия семьи должна отталкиваться от того, как люди его понимают. Для концептуализации благополучия семьи в современном российском контексте необ-

ходим объем эмпирической информации об этих представлениях и их взаимодействии с достигательными практиками, который в настоящий момент не получен. В России такие исследования, насколько нам известно, не проводились. По нашему мнению, этому препятствуют, прежде всего, причины парадигмального характера. Учитывая имеющийся задел по изучению проблемы благополучия семьи в отечественной социальной науке, мы предлагаем исследовательскую программу, в которой концептуальное объяснение – теория – благополучия семьи конструируется на базе институциональных параметров благополучия супружества, родительства и родства в контексте возрастных различий.

Критический обзор тенденций содержательных репрезентаций благополучия семьи в научном дискурсе раскрывает необходимость комплексного институционального подхода к его изучению. Он показывает, что в отечественной социальной науке в оценке благополучия семьи сложились определенные индикаторы.

Во-первых, в постсоветский период в связи со значительным сокращением государственной поддержки семьи, поляризацией доходов населения и актуализацией бедности в России экономические проблемы семьи привлекли особый интерес со стороны ученых, что породило дисбаланс в содержательном наполнении понятия «благополучие семьи». Под ним стали подразумевать благосостояние, а именно: материальный достаток и уровень потребления, обеспечение семейной жизни финансовыми и вещественными ресурсами. Внимание исследователей фокусируется на «наполняемости» семейного бюджета в аспектах его формирования на микро- и макроуровне определенной социально-экономической ситуации и семейной политики в стране, а также на условиях жизни семьи. На авансцену социологии семьи и экономической социологии выходит тема влияния социально-экономических процессов в обществе на семью, детально изучаются экономические проблемы семьи и разнообразные факторы, влияющие на уровень и качество ее жизни (финансовое положение семьи, проблема занятости супругов, получение государственных трансфертов поддержки, жилищные условия, низкодоходные семьи, вопросы социальной защиты семьи, зависимость удовлетворенности семейными отношениями от экономического положения семьи). В последние годы исследовательский интерес направлен, главным образом, на изучение практик адаптации семьи к экономическим трансформациям в стране, способов и механизмов выживания семьи в условиях финансово-экономического кризиса.

На базе изучения экономических процессов, протекающих в социальных сетях, в постсоветский период возникает новое направление социологических исследований семьи – изучение экономического обмена в социальном институте

семьи, а именно: сетевого межсемейного обмена экономическими ресурсами и продуктами, в том числе информационными и эмоциональными трансфертами, реципрокного обмена, различия обмена между городскими и сельскими семьями, влияния на экономический обмен между семьями степени родства, культурных традиций и кодов микросреды, структуры межличностных связей². Изучение семейной и домашней экономики помогает понять, каким образом в неблагоприятной социально-экономической среде (высокая безработица, низкий уровень средней заработной платы в России, отсутствие стабильной занятости) многие семьи, находящиеся за чертой бедности, способны развиваться. Исследования объяснили «секрет» того, как семья борется с финансовым неблагополучием с помощью внутрисемейного и межсемейного бартера, а также практик одаривания, возникающих на почве ролевых ожиданий в отношениях родительства и родства³.

В экономической парадигме семейное благополучие идентично достатку. Эта же интерпретация присутствует и в изучении неформальной экономики семьи. Однако данное направление экономических исследований вносит весомый вклад в институциональный анализ благополучия семьи, раскрывая приоритет социокультурного механизма в сопротивлении неблагоприятной внешней среде. Этот же исследовательский подход, внесенный в изучение семьи экономистами, позволил по-новому взглянуть на быт семьи, с новым значением подчеркнуть его важность для благополучия семьи в рыночных отношениях. Собственно домашний труд имеет экономические функции: он предназначен для удовлетворения физиологических и социальных потребностей членов семьи в индивидуальном производственном процессе с учетом индивидуальных запросов. Однако домашнее хозяйство не исчерпывается одной домашней работой, оно является важнейшей структурной составляющей внутренней среды семьи, создает не только вещи и услуги для членов семьи, но и отношения, в которых воспроизводятся институциональные социальные нормы. Быт объединяет и воспитывает, в быту происходит обмен деятельностью, необходимый для функционирования «ячейки» как единого целого, как дискретной единицы общества. Быт обеспечивает человеку жизненный комфорт, в свою очередь, эмоционально и материально комфортный быт всегда считался важнейшим критерием благополучной семьи.

Во-вторых, в последнее время содержание благополучия семьи осмысливается в категориях обмена свойствами между человеческими и нечеловеческими актантами в переплетениях социальных взаимодействий, когда вещь рассматривается как ресурс социального взаимодействия, который мотивирует, тематизирует, конструирует дополнительные значения в контексте внутрисемейной коммуникации, инициирует эмоции и сопереживания, обеспечивает социальную иден-

тификацию. Изучение материальных объектов, вещей как важного социального аспекта повседневной жизни семьи началось совсем недавно. Во многом оно инициировано теоретическими ресурсами Б. Латура и К. Кнорр-Цетины, в основе которых – представление о вещи как ансамбле различных реальностей (экономической, политической, культурной)⁴. Речь идет о ситуациях, когда вещи выступают не как простые реагенты, а начинают проявлять свое присутствие, заметно вмешиваются в человеческие взаимоотношения, из-за чего последние могут попасть в зависимость от них. В этом смысле интересными направлениями научного поиска выступают следующие: анализ динамики ценности вещи в контексте семейной биографии, выделение возрастных, гендерных особенностей в отношении к артефактам, рассмотрение их в качестве конфликтотенных зон повседневной жизни; изучение практик потребления как новых, функциональных, современных вещей, так и приобретение, перемещение антикварных предметов в контексте их символических кодов, функций, идеологий, стилей; изучение повседневных практик, с помощью которых осуществляется функционирование и утилизация старых вещей. Вещи в контексте повседневных семейных взаимодействий выступают средством для «калибровки» индивидуальных моделей поведения, конструирующих благополучие/неблагополучие семьи.

В-третьих, особенностью оценок семейного благополучия в социальном знании является его сопряжение с асоциальным поведением членов семьи. В этот разряд попадают семьи, в которых оба родителя или один из них злоупотребляют алкоголем или наркотиками, ведут асоциальный образ жизни, не выполняют своих обязанностей по содержанию и воспитанию детей, не уделяют им должного родительского внимания. В научном дискурсе достаточно много работ, так или иначе затрагивающих проблему такого семейного неблагополучия. Новая тенденция в его изучении – связь с проблемой бедности как главной причины девиации в семье и невозможности ее преодоления в силу структурных причин. Например, одной из причин социального сиротства и беспризорности после перестройки российского общества является невозможность родителей обеспечить ребенку в семье необходимое питание, из-за чего дети вынуждены уезжать из дома «на заработки», осуществляя самостоятельный поиск ресурсов для жизни. Исследования обнаруживают, что большинство преступлений несовершеннолетних детей – различного рода хищения, которые они совершают по причине неудовлетворения витальных потребностей в еде, одежде в своей семье, а также в целях выравнять свой уровень потребления по сравнению с детьми из семей, где есть материальный достаток⁵.

В социологии семьи «благополучие семьи» и «благополучная семья» помещаются в про-

странство «отсутствия» как в случае отсутствия девиации в поведении родителей и детей, так и при отсутствии структурной девиации (неполная семья, опекунская семья, сводная семья). Акцент в оценке структуры семьи ставится на условиях, максимально благоприятных для нормального развития ребенка. В этом плане семьи, имеющие отклонения от структуры полной семьи с биологическими родителями, традиционно оказываются в зоне риска для благополучной социализации детей. Считается, например, что одной матери сложнее без мужа «поднимать» ребенка. Однако результаты эмпирических исследований развития детей в разных типах семей обнаруживают несоответствие общепринятого мнения о неполной семье. В сводных семьях, возникающих в случае повторного брака одного из родителей и имеющих состав полной семьи, развитие личности детей протекает хуже, чем в неполных семьях⁶.

Новая тематика социологических исследований семьи, обусловленная тенденциями правовой модернизации воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, в постперестроечной России – проблематика замещения биологических родителей в патронатных семьях. Приемное родительство является по своей сути правовым институтом, который призван обеспечить благополучие детям, переданным приемным родителям от неблагополучных родных родителей. В силу того, что с институциональной точки зрения приемная семья является суррогатной моделью родительства, изучение ее благополучия должно быть выделено в особое направление и проводиться по специальным критериям, в которых ключевую роль играет оптимальность правового обеспечения деятельности такой семьи социальными тенденциями ее развития.

Семьи, требующие поддержки государства и общества, также «стигматизируются» как неблагополучные. Как депривированные и, следовательно, не имеющие в достатке социальных благ рассматриваются семьи, воспитывающие детей-инвалидов. При этом основной акцент делается на медико-социальной помощи, правовых аспектах системы социальной защиты, государственной политики в отношении неблагополучных семей.

Можно сказать, что о неблагополучии семьи в отечественной социальной науке появилось больше знаний, чем о ее благополучии. В эту «копилку» семейного неблагополучия в последние двадцать лет складываются результаты социологических обследований репродуктивных установок населения. Демографический подход к оценке интерпретации семейных ролей – изучение родительства как репродуктивного поведения, оценка ценностных ориентаций женщин и мужчин в аспекте соответствия задачам воспроизводства населения в стране – прочно обосновался в социологии семьи. Демографами в качестве идеала семейных отношений предлагается многодетная семья, поэтому в демографическом фокусе рос-

сийская семья в целом получает оценку неблагополучной, поскольку репродуктивная мотивация, прежде всего у женщин фертильного возраста, уступает место другим ценностям после того, как они прочно утвердились на рынке труда. И в семейной жизни ценность детей значительно уступила место ценности принятия супружества.

В социологических исследованиях последнего десятилетия демографическое неблагополучие тесно увязывается с экономическими проблемами семьи: низкая мотивация к репродукции обусловлена материальными трудностями и проблемами нестабильной занятости женщин, молодой семьи, содержания и обучения детей. Отсюда возникает простая рекомендация для семейного счастья: создание благоприятного климата в семье зависит от количества в ней детей и количества материальной поддержки репродукции. Однако, как показывают исследования, современная многодетность качественно отличается от многодетности предшествующих исторических периодов⁷. Сегодня осознанно к многодетности приходят те женщины и мужчины, у которых есть обоюдная духовная потребность в самореализации в общении с детьми. Это условие радикально отличает большую семью постиндустриального общества от большой семьи доиндустриального общества, в которой роль ребенка уже в раннем возрасте дополнялась либо производственной ролью, либо родовой или государственной. Материальный достаток в семье для модели современной многодетности желателен, но не обязателен: отцы и матери в больших семьях готовы терпеть недостаток в целях удовлетворения своей довольно специфической для общества массового потребления духовной потребности в общении с детьми. Таким образом, абсолютное большинство населения страны, не обладающее такой скорее уникальной, чем типичной потребностью, не может воспользоваться рецептом благополучия семьи, предлагаемым государству и обществу демографами.

Феминистские исследования, появившиеся в российской социологии в конце XX в., добавили собственные краски в палитру тематики семейного неблагополучия: гендерная асимметрия семейных ролей, внутрисемейное насилие по отношению к детям и женщинам, функциональный диссонанс маскулинности и феминности. Социогеронтологический научный дискурс обратил внимание на различные виды геронтологического насилия в структуре внутрисемейного взаимодействия, на анализ проблемных зон семейных отношений, инициирующих проявление такого насилия.

Отметим тот факт, что качество отношений в семье как важнейший параметр ее благополучия в социологических исследованиях освещается в наименьшей степени по сравнению с другими его признаками, находится на периферии интереса социологов. Нередко о нем вспоминают лишь на стадии распада семьи. Существует ряд социоло-

гических исследований, посвященных семейным конфликтам, однако это направление практически развивается больше психологами с использованием психологических методик, в то время как социологическая методология имеет существенные преимущества в экспертизе отношений членов семьи, располагая инструментарием выявления социокультурных норм супружества, родительства и родства.

Представляется, что перечисленные индикаторы семейного неблагополучия, так же как и рассмотренные изолированно от других индикаторы семейного благополучия, вряд ли могут служить солидной основой научного анализа семейных отношений. В действительности люди руководствуются разнообразными критериями семейного благополучия, которые имеют корни в традициях, но и меняются под влиянием особенностей определенного исторического периода.

Любая семья стремится к благополучию, что является очевидным социальным фактом. В общем смысле благополучие – целевая составляющая жизнедеятельности человека, реализующаяся поэтапно. Достижение благополучия семьи – основа ценностной мотивации семейного поведения женщин и мужчин. Благополучие семьи как социальный факт также подтверждается эмпирическими исследованиями. «Ситуация в российских «ячейках общества» в целом складывается благополучно. Россияне довольны отношениями в своих семьях: 54% оценивают их как хорошие, 41% – как удовлетворительные и лишь 5% – как плохие. При этом люди, состоящие в браке (в том числе гражданском), дают эти оценки примерно в таком же соотношении: 59, 39 и 2% соответственно, т. е. в целом оценка ситуации в семье не зависит от того, собственная ли это семья или это так называемая родительская семья»⁸. Однако асимметричный интерес в исследованиях к деструктивным условиям и факторам семейной жизни ставит под сомнение наличие благополучия в российской семье в целом.

Нельзя сказать, что семейное благополучие вынесено из целей исследований. На базе эмпирических исследований, проведенных в России в последние десять лет, раскрыты проблемные аспекты того, что общество связывает с благополучием семьи. Условно их можно подразделить на следующие направления: проблемы обеспечения благосостояния (достатка) семьи, проблемы ненормативного исполнения семейных ролей, проблемы качества внутрисемейных отношений, включая проблему насилия в семье, проблемы установок на рождение детей. Благополучие семьи в различных достижительных контекстах: возрастном, пространственно-артефактном, в контексте поколенческой солидарности, динамического потенциала в современном российском обществе, в существующих исследованиях не изучалось, отсутствует какая-либо классификация стратегий достижения.

Статус благополучной семьи, достижительные контексты семейного благополучия остаются пока не концептуализированными в рамках социологической теории. Внутренние (институциональные) ресурсы семьи, семейные стратегии и их влияние на качество жизни, интересобъективные и интересубъективные контексты достижительных стратегий повседневной жизни семьи остаются вне поля зрения исследователей. В социальном знании отсутствует научная оценка возможности семьи быть проводником социальных изменений, экономического развития, основой социализации человека в обществе и удовлетворения его социальных потребностей на «ресурсной» базе паттернов семейной жизни, не исследуется их модификация и приспособленность к необходимости обеспечения семейного благополучия в «рыночных» условиях. В макросоциальной проекции ответы на эти вопросы о микропроцессах в институте семьи важны также для научной оценки состояния социальной структуры общества, прогнозирования возможного структурного дисбаланса и нестабильности социальной системы в целом. Фокусирование научного интереса на исследовании стремления семьи к благополучию напрямую связано с усилением интеграционных процессов в обществе посредством институционализированных механизмов семейно-поколенческой идентификации, наследования культурного и социального капитала, экономического или символического обмена.

В методологии авторского подхода семья не отождествляется с домохозяйством, специфические функции социального института выбираются в качестве основополагающих для выбора его проявлений в жизни. Основная функция семьи – репродукция поколений, поэтому к объекту исследования семейного благополучия должны быть отнесены все люди, имеющие детей, независимо от структуры семьи. В чем новизна предлагаемого авторами комплексного подхода к изучению благополучия семьи? Изложим его программные аспекты, которые должны реализовываться в инструментарии конкретных социологических исследований для получения достоверных результатов о благополучии семьи, дополняя их эмпирической аргументацией. Исследовательские задачи в рамках подхода предполагают получение знания о практиках и правилах того, каким образом люди, ориентируясь на благополучие, предотвращают все то, что бы их в семье не удовлетворяло.

1. Анализ качества отношений в семье

Как отмечалось выше, в последнем десятилетии в отечественной социологии благополучие семьи рассматривается, главным образом, в аспекте ее экономического статуса. При таком подходе, обусловленном социально-экономическими проблемами современного общества, показателем благополучия семьи выбирается уровень потре-

бления материальных ценностей, однако такой ракурс не учитывает значения нематериальных ценностей в отношениях членов супружества, родительства, родства, исключает их из объекта исследования. Материальное благополучие является необходимым, но недостаточным условием для удовлетворяющего семейный коллектив состояния. Нематериальные ценностные ориентиры любви, взаимопонимания, уважения личности оказывают обязательное влияние на повседневные взаимодействия в семье.

Удовлетворение семейными отношениями зависит от соответствия их критериям качества, роль которых играют сложившиеся институциональные нормы, задающие институциональные ожидания. Достижительные стратегии благополучия в семье, как и в других сферах отношений человека, определяются некими социальными примерами и идеалами. В любой деятельности, добиваясь успеха, человек ориентирован на эталон, следуя которому, он «просеивает» жизненные ситуации, обстоятельства и получаемые результаты деятельности. Семейные идеалы – образ идеальной семьи, идеального мужа, идеальной жены, идеальных отношений между родителями и детьми, – почти в каждом случае сформировавшиеся в родительской семье, ориентируют женщин и мужчин в собственной семье либо следовать примеру своих родителей в отношениях с супругом, детьми, либо отказываться от них. Важно понять, каким образом социальные образцы отношений «конкретизируются», оформляясь в семейной стилистике в некие виды семейного поведения, которые позволяют людям избегать разного рода неприятностей, с которыми сопряжена семейная жизнь: решать материальные и психологические проблемы, преодолевать возникающие трудности становления и развития семьи, предотвращать конфликты и т. п.

Для теоретической интерпретации содержательных признаков благополучия отношений необходимо опираться на имеющиеся знания о критериях качества отношений супругов и родителей и детей в современном российском обществе. Нуклеаризация семейной структуры привела к тому, что в представлениях современных людей семья максимально приближена к браку, и значительная часть женщин и мужчин эти понятия отождествляет. Методология авторского подхода учитывает, что равенство статусов супругов, наличие у них общих жизненных целей и ценностей является идеалом матримониальных отношений в российском обществе, транслируется в каждом новом поколении⁹. Социализация поколений в культуре России происходит под воздействием этой традиции, ориентируя не только супругов, но и детей относиться к семье как к общему делу. Благодаря общественному идеалу семейного сотрудничества консенсусная модель распределения ролей в семье – наиболее распространенная в современной России¹⁰. Методология исследования

учитывает роль критерия согласия между мужем и женой как социокультурного регулятора поведения мужчины и женщины в семье, условия удовлетворяющих женщин и мужчин чувственных оценок супружеских отношений, его контекстуальное значение для культуры отношений в семье¹¹.

Анализ качества отношений родителей и детей осложняется разнообразием их интерпретаций в культуре. Традиционно отношения «отцов и детей» в научном и художественном дискурсе проблематизируются в определенном историческом контексте в рамках конкретных моделей детства, юности, идентичности несовершеннолетних и совершеннолетних детей. Однако из века в век повторяются как классические показатели не удовлетворяющих детей и родителей отношений, независимо от их возраста, так и индикаторы благополучных отношений. С одной стороны, к ним относятся взаимные недоверие и претензии друг к другу, дистанцированность, неуважение родителей детьми, нелюбовь родителей к детям, с другой стороны – признание детьми родителей духовным и социальным авторитетом или другом, доверие и любовь. Важно узнать и классифицировать практики общения в семье и поведения родителей и детей в семьях, способствующие преодолению отчуждения родителей и детей в разных возрастах, которые позволяют пролонгировать их единую семейную связь из одного этапа развития семьи в другой, «написать благополучный сценарий» необходимости представителей разных поколений одной семьи друг другу. Речь идет о тактиках ускользания от внутрисемейных конфликтов и особых стратегиях «утепления» отношений, что представляется весьма важным при использовании модели амбивалентности Н. Смелзера¹². Это позволяет в анализе благополучия семьи фиксировать факты того, что семейные отношения существуют в рамках раздвоенных альтернатив не в понимании патологии, а в рамках нормы (противоположенные аффективные ориентации), и выйти за рамки объяснительной модели рационального выбора, представить семейные отношения без строгого различия между рациональным, нерациональным и иррациональным. Амбивалентные отношения в разных семьях могут сочетаться по-разному. Переработка амбивалентности может иметь как благоприятные, так и неблагоприятные последствия.

Семейные роли типично приобретаются и сохраняются в силу кровного родства. Важный критерий благополучия семьи – качество межпоколенных отношений родственников (включенность родовой памяти в повседневную жизнь семьи, межпоколенная солидарность, формы накопления и механизмы трансляции материальных и духовных ценностей в семье, роль эмоций, в первую очередь resentment, и их проекций на достижение семейного благополучия). Исследо-

вание семейного благополучия возможно лишь в инфраструктуре родственных отношений (института родства), фиксирующей социальную память семейных установлений. В социокультурном пространстве России семья не индивидуализируется от рода, ресурсы для благополучия формируются в его поколениях. Однако этот посыл редко вводится в социологических исследованиях в методологию изучения семейных отношений. Хотя расширенная семья как проживание нескольких поколений в одном домохозяйстве уходит в небытие, тем не менее, институт родства сохраняет свои позиции в семейных отношениях. Согласно данным федерального опроса, у 79% респондентов родственники (помимо проживающих совместно с ними членов семьи) входят в группы общения в свободное время¹³. Авторский подход включает изучение разных фреймов родства и их «сортировку» в смысле наличия возможности «капитализировать» родственников в экономическом и духовном плане, воспользоваться положительным социальным примером стиля родственных отношений.

2. Анализ включения духовных и вещественных ресурсов в семейные отношения

Социологические исследования личности указывают на необходимость учета взаимосвязи духовных и материальных интересов и потребностей в изучении социализации личности. Семейная социализация также не является исключением из этого методологического канона. С одной стороны, благополучие семьи связано с духовным развитием личности членов семьи, с их духовными приоритетами, направлением познавательных интересов. Важно понять, каким образом духовные потребности и интересы к социальной памяти, образованию, религии, искусству связаны с достижением благополучия семейного коллектива. С другой стороны, немаловажна бытовая сторона реализации личности, ее отношения к вещам, вещественные предпочтения и пристрастия.

Современная общественная динамика фокусирует исследовательский интерес на постижении сложных сцеплений жизни, взаимодействия «внешней» действительности и человека, биографии и внешних вещественных предметов. Проблема их взаимопроникновения наиболее рельефно проявляется в достаточно замкнутом пространстве домашней жизни, которое невозможно представить без множества предметов повседневного обихода, выполняющих функцию «медиаторов» и «стабилизаторов» внутрисемейных взаимодействий. Речь в данном случае идет о заметном вмешательстве вещей в человеческие взаимоотношения¹⁴. Вещи, отношение к ним с полным правом становятся парадигмой для диалогов в семье, предполагают радикальное изменение позиций.

Содержательная интерпретация благополучия в семье в данном случае сопряжена и с категорией «мера присутствия», фиксирующей проявления субъектности в предметном окружении. «Мера присутствия» зависит от степени развития семьи, характерных для данной семьи взаимоотношений, статусных позиций каждого в семейной группе, от личностных особенностей каждого члена семьи, от социокультурного контекста, принятых норм, правил, ценностей, закрепленных в той или иной культуре. Нередко жизненное пространство семьи маркируется по принципу: модно – немодно, престижно – непрестижно, комфортно – некомфортно. При этом приоритетные расстановки делаются в соответствии с семейной структурой распределения власти, устанавливающей контроль над членами семьи: а) посредством отгораживания; б) функционального размещения; в) возрастной стратифицированности. Знание о мере присутствия каждого члена семейной группы и их отношении к вещной составляющей в домашнем пространстве повседневной жизни дополняет картину благополучия семейной группы.

3. Анализ занятости в семье

В этот аспект исследовательской программы входит изучение:

- 1) влияния качества отношений в семье на характер включения членов семьи в домашнюю работу и ее распределения в семье;
- 2) стиля ведения домашнего хозяйства, его приемов и «секретов» на удовлетворение витальных потребностей, потребления материальных благ;
- 3) влияния занятости вне дома на содержание, характер исполнения семейных ролей, выяснение негативных и позитивных моментов пересечения публичной занятости и частной жизни семьи, способов и видов предотвращения и преодоления возникающих ролевых конфликтов.

Социальный обмен лежит в основе жизнедеятельности человека и общества. В повседневной жизни обмен ценностями и различными трансфертами происходит в разнообразных формах. Природа социальных отношений порождает также основополагающую форму обмена между людьми – обмен деятельностью. В семейных отношениях супруги, дети, родственники участвуют в производстве необходимых им витальных и социальных благ, оценивая свой вклад в соответствии с институциональными образцами, но также на основе мотивационного блока ценностей развития собственной личности, индивидуальными эталонами. Важно понять, по каким правилам функционирует обмен деятельностью в семье, какие образцы и ориентиры делают его благополучным, успешным и удовлетворительным как для семьи, так и для личности, меру сопряжение интересов семейного коллектива и индивидуальных потребностей его членов в обмене деятельностью.

4. Учет фактора возраста в стратегиях достижения благополучия

Методология авторского подхода опирается на знание о социальных механизмах, приемах, технологиях для оптимального общения и обеспечения взаимопомощи всех возрастных групп населения. Инфраструктура родственных отношений, в которых развивается семья, меняется вместе с переходом человека из одного возраста в другой, отсюда необходимость введения в анализ возрастного неравенства и возрастных различий достижительных практик. Институциональный анализ исходит из понятия «социальный возраст» и опирается на социологические подходы к изучению возраста (стратификационный, культурологический, ресурсный, гендерный). Особое значение для методической разработки инструментария анализа имеет анализ индивидуального возрастного процесса. С точки зрения данного подхода структурной организацией возрастных этапов является не отношение иерархии, или цикличность, а «цепочка». Именно цепочечная структура манифестирует возрасты жизни, между которыми нет черты, разделяющей их непроходимой стеной. Возрастные этапы, не тождественные друг другу, но вполне равноценные, складываются в целостность истории человеческой личности. Каждый более поздний этап развития имеет своей предпосылкой непрерывное течение предшествующих этапов развития.

Ориентирующее значение для людей имеют конкретные модели благополучия в возрастной перспективе, детали которых в жизни людей приводят к удовлетворению от повседневной жизни в разном возрасте, что требует описания этих признаков и реконструкции моделей. В социальной классификации возраста после сорока пяти лет начинается преддверие старости. Однако в современных российских условиях на родителей в этом возрасте ложатся серьезные задачи по социализации детей, ресурсного обеспечения устройства в обществе, что также вызвано общей тенденцией повышения среднего возраста рождения первого ребенка у женщин и мужчин в индустриальных странах. В стратификации социальных различий возраста после 60 лет наступает старость.

Серьезным недостатком социологического изучения семьи в России является то, что в возрастном аспекте внимание уделяется, главным образом, молодой семье. На периферии научного интереса остаются семьи людей среднего и пожилого возраста, что не соответствует мировым стандартам¹⁵. Одним из приоритетных направлений общественного развития на современном этапе, декларируемым в публичном дискурсе, в официальных документах, в частности в документах ООН, является концепция «общество для людей всех возрастов». Методология комплексного институционального анализа предполагает изучение

составляющих семейного благополучия в оценках людей молодого, среднего и старшего возрастов, выявление их общих черт и отличий. Методология исследования семейного благополучия должна опираться на научное знание о геронтокультуре и ее особенностях в современной России¹⁶. При этом важным представляется учет содержательной особенности современной модели жизненного цикла. В традиционном обществе существовал жестко заданный жизненный цикл, где каждому возрастному периоду соответствовало конкретное содержание деятельности. В настоящее время имеет место большая индивидуальная вариативность в выборе приоритетов, видов деятельности на различных этапах жизненного пути. Отметим, что закономерности в частоте и временной последовательности событий, характеристик и позиций в жизни человека в значительной степени обусловлены социальными структурами. Индивидуальность же жизненного пути состоит в последовательности действий и событий в различных сферах жизни и в институционализированных полях деятельности.

В заключение отметим, что для развития социологической теории важно разработать интерпретационную модель благополучия семьи, изменив контуры существующей парадигмы. Исследование благополучия семьи должно быть нацелено на анализ материальной, эмоциональной и социальной составляющих семейных отношений, включая пространственно-артефактную организацию повседневной жизни семьи, а также на раскрытие роли поколенческой трансмиссии в достижении такого благополучия. Однако это не означает очередного «навешивания ярлыков»: какие-то семьи заносятся в разряд благополучных семей, какие-то – в разряд неблагополучных. Комплексное институциональное исследование благополучия семьи, предлагаемое авторами статьи, по сути, является научной экспертизой собственных институциональных ресурсов (институционального потенциала) семьи в современном российском обществе для обеспечения ее благополучия, с разработкой соответствующей типологии семейного поведения.

Примечания

- ¹ См.: Бурова С. Н., Демидова А. В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «Социологические исследования» 1975–2006 гг. // Социс. 2008. № 12. С. 97–103.
- ² См.: Климова С. В. Семья в фокусе экономической социологии // Экономика. Социология. Право : альманах. Вып. 7. Саратов, 2009. С. 62–66.
- ³ См.: Барсукова С. Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств : опыт эмпирического исследования // Социс. 2003. № 8. С. 34–45.
- ⁴ См.: Латур Б. Когда вещи дают сдачи : возможный

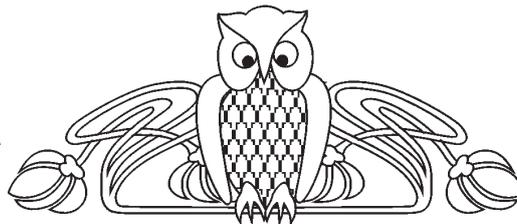

- вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестн. МГУ. Сер. Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
- ⁵ См.: Климova С. В. Подростковая преступность в зеркале социологической экспертизы // Социс. 2006. № 9. С. 110–113.
- ⁶ См.: Гурко Т. А., Орлова Н. А. Развитие личности подростков в разных типах семей // Социс. 2012. № 10. С. 99–108.
- ⁷ См.: Шевченко И. О., Шевченко П. В. Большая семья – какая она? // Социс. 2005. № 1. С. 95–101.
- ⁸ Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад Института социологии РАН. С. 125 // Электронные издания Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1413 (дата обращения: 09.04.2013). Исследование по готовности российского общества к модернизации было проведено в марте–апреле 2010 г. Институтом социологии РАН и охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ.
- ⁹ См.: Климova С. В. Социальный феномен любви // Социс. 2009. № 9. С. 79–88.
- ¹⁰ См.: Готово ли российское общество к модернизации? С. 117.
- ¹¹ См.: Климova С. В. Домашний труд в городской семье // Социс. 2012. № 4. С. 118–121.
- ¹² См.: Смелзер Н. Дж. Рациональное и амбивалентное в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 1. С. 22–46.
- ¹³ См.: Готово ли российское общество к модернизации? С. 123.
- ¹⁴ См.: Елютина М. Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социс. 2009. № 7. С. 101–109.
- ¹⁵ См.: Елютина М. Э. Супружеские отношения в позднем возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–92.
- ¹⁶ См.: Елютина М. Э. Социогеронтологические проблемы в контексте современного развития // Старость в современном российском обществе : интеробъективный и интересубъективный контексты / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов, 2010. С. 5–16.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК. 316.334.2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКЦИИ ШОУ-БИЗНЕСА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ (на примере г. Саратова)

М. В. Мошкунова

Саратовский государственный университет
E-mail: mmoshkunova@mail.ru

В статье рассматривается взаимосвязь особенностей потребления продукции шоу-бизнеса с социально-экономическими и демографическими характеристиками потребителей по результатам авторского социологического исследования, проведенного в г. Саратове в марте 2012 г.

Ключевые слова: шоу-бизнес, потребительское поведение, социальный портрет потребителя, социологическое исследование.

Social Portrait of the Consumer in the Sphere of Show of Business in the Big City (on the Example of Saratov)

М. V. Moshkunova

In article the interrelation of features of show business production consumption with social economic and demographic characteristics of consumers by results of the author's sociological research which has been carried out in Saratov in March, 2012 is considered.

Key words: show business, consumer behavior, social portrait of the consumer, sociological research.

Современное российское общество живет в условиях рыночной экономики, а значит, в условиях выбора потребляемых продуктов и ресурсов. Один из основных вопросов рыночной экономики – кто будет покупать выбранные товары и услуги? Изучение потребительского поведения позволяет ответить на этот вопрос. Потребительское поведение является формой экономического поведения человека и в полной мере отражает социальный статус группы и личности. Рыночные реформы привели к значительному расслоению российского общества как по уровню доходов, так и по уровню и качеству жизни. Оно дифференцировано по полу, возрасту, образованию, материальному положению, ценностным установкам, структуре и степени удовлетворения потребностей. Расслоение общества обуславливает специфику потребления в зависимости от социального статуса, положения в системе социально-трудовых отношений, величины и способа получения дохода.

Шоу-бизнес является одним из ярких феноменов современного общества. Определяясь в качестве одного из важных элементов современной социальной жизни, он становится своего рода индикатором происходящих в обществе

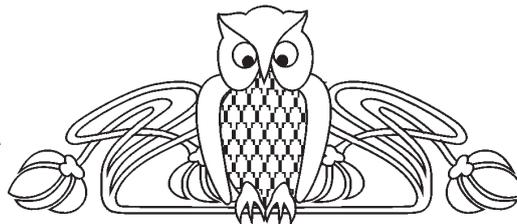

- вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестн. МГУ. Сер. Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
- ⁵ См.: Климova С. В. Подростковая преступность в зеркале социологической экспертизы // Социс. 2006. № 9. С. 110–113.
- ⁶ См.: Гурко Т. А., Орлова Н. А. Развитие личности подростков в разных типах семей // Социс. 2012. № 10. С. 99–108.
- ⁷ См.: Шевченко И. О., Шевченко П. В. Большая семья – какая она? // Социс. 2005. № 1. С. 95–101.
- ⁸ Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад Института социологии РАН. С. 125 // Электронные издания Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1413 (дата обращения: 09.04.2013). Исследование по готовности российского общества к модернизации было проведено в марте–апреле 2010 г. Институтом социологии РАН и охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ.
- ⁹ См.: Климova С. В. Социальный феномен любви // Социс. 2009. № 9. С. 79–88.
- ¹⁰ См.: Готово ли российское общество к модернизации? С. 117.
- ¹¹ См.: Климova С. В. Домашний труд в городской семье // Социс. 2012. № 4. С. 118–121.
- ¹² См.: Смелзер Н. Дж. Рациональное и амбивалентное в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 1. С. 22–46.
- ¹³ См.: Готово ли российское общество к модернизации? С. 123.
- ¹⁴ См.: Елютина М. Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социс. 2009. № 7. С. 101–109.
- ¹⁵ См.: Елютина М. Э. Супружеские отношения в позднем возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–92.
- ¹⁶ См.: Елютина М. Э. Социогеронтологические проблемы в контексте современного развития // Старость в современном российском обществе : интеробъективный и интересубъективный контексты / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов, 2010. С. 5–16.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК. 316.334.2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКЦИИ ШОУ-БИЗНЕСА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ (на примере г. Саратова)

М. В. Мошкунова

Саратовский государственный университет
E-mail: mmoshkunova@mail.ru

В статье рассматривается взаимосвязь особенностей потребления продукции шоу-бизнеса с социально-экономическими и демографическими характеристиками потребителей по результатам авторского социологического исследования, проведенного в г. Саратове в марте 2012 г.

Ключевые слова: шоу-бизнес, потребительское поведение, социальный портрет потребителя, социологическое исследование.

Social Portrait of the Consumer in the Sphere of Show of Business in the Big City (on the Example of Saratov)

M. V. Moshkunova

In article the interrelation of features of show business production consumption with social economic and demographic characteristics of consumers by results of the author's sociological research which has been carried out in Saratov in March, 2012 is considered.

Key words: show business, consumer behavior, social portrait of the consumer, sociological research.

Современное российское общество живет в условиях рыночной экономики, а значит, в условиях выбора потребляемых продуктов и ресурсов. Один из основных вопросов рыночной экономики – кто будет покупать выбранные товары и услуги? Изучение потребительского поведения позволяет ответить на этот вопрос. Потребительское поведение является формой экономического поведения человека и в полной мере отражает социальный статус группы и личности. Рыночные реформы привели к значительному расслоению российского общества как по уровню доходов, так и по уровню и качеству жизни. Оно дифференцировано по полу, возрасту, образованию, материальному положению, ценностным установкам, структуре и степени удовлетворения потребностей. Расслоение общества обуславливает специфику потребления в зависимости от социального статуса, положения в системе социально-трудовых отношений, величины и способа получения дохода.

Шоу-бизнес является одним из ярких феноменов современного общества. Определяясь в качестве одного из важных элементов современной социальной жизни, он становится своего рода индикатором происходящих в обществе

процессов. Необходимость обращения к теме шоу-бизнеса диктуется не только тем, что зрелищные мероприятия, транслируемые СМИ, являются зеркалом социальных и культурных тенденций. Сами массовые шоу – мощный фактор влияния на общественное сознание, в наши дни они в немалой степени формируют менталитет, оказывают мощное психологическое воздействие, создают поведенческие установки.

В связи с тем, что сфера подобного вида услуг представлена в Саратове преимущественно гастрольными концертами, театральными программами и шоу (основные площадки: театр оперы и балета, театр драмы, цирк), представляется целесообразным в качестве объекта исследования (потребителей в сфере шоу-бизнеса) рассматривать именно аудиторию таких выступлений.

Исследование потребительских предпочтений населения г. Саратова в сфере шоу-бизнеса было проведено методом массового опроса в период с 24 марта по 17 апреля 2012 г. Отбор респондентов производился по целевой выборке посетителей концертов приезжих артистов. В целом опрос состоял из трех этапов: интервьюирования посетителей концерта группы «Калинов мост» (всего 27,5% от всей выборки, или 86 чел.), поп-певца Димы Билана (34,2%, или 107 чел.) и певицы Лолиты

(38,3%, или 120 чел.). Первый концерт состоялся в здании театра оперы и балета (вместимость помещения – 1200 чел.), второй – в Саратовском цирке (2800 чел.), третий – в театре драмы (900 чел.). Из этого следует, что в ходе двух этапов опроса из трех выборочная совокупность превысила 5% генеральной совокупности, на концерте же Димы Билана было опрошено 4% генеральной совокупности, что, тем не менее, говорит в пользу репрезентативности полученных данных.

В основу выборочной совокупности было положено два критерия – территориальный (место проведения концерта/опроса, в качестве которых были выбраны основные концертные площадки г. Саратова) и жанр, в котором работают исполнители (рок-музыка, современная популярная музыка, популярная музыка 1990-х гг.), что также доказывает репрезентативность полученной эмпирической информации на уровне г. Саратова.

Анализ пожеланий респондентов относительно содержания концертов с учетом их социально-демографических характеристик позволил подтвердить наличие корреляции в данном случае. Так, три четверти всех опрошенных мужчин хотели бы посетить в будущем концерты рок-исполнителей, тогда как более 70% опрошенных женщин – поп-исполнителей (табл. 1).

Таблица 1

Влияние пола респондентов на их пожелания относительно гастрольных выступлений

Жанр		Пол респондента	
		Мужской	Женский
Рок-исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	33	15
	%	60,0	9,4
Рок-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	11	12
	%	20,0	7,5
Шансон	Частота	2	18
	%	3,6	11,3
Эстрадные исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	3	44
	%	5,5	27,7
Поп-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	4	42
	%	7,3	26,4
Поп-исполнители (начало творчества – XXI в.)	Частота	2	28
	%	3,6	17,6
Итого	Частота	55	159
	%	100,0	100,0

Возрастные характеристики не оказывают столь сильного воздействия на пожелания опрошенных. С некоторой осторожностью можно отметить, что в возрасте от 21 года и старше довольно активно высказывают желание о приезде рок-исполнителей, чье творчество началось еще в Советском Союзе; поклонники советской эстрады, как и поп-музыки 1990-х гг., отмечаются в основном в возрастной группе от 30 лет и старше;

наконец, поклонники поп-музыки XXI в. – самая юная группа младше 20 лет (табл. 2).

Полученные результаты позволяет сделать и некоторые интересные выводы относительно влияния уровня образования на интересующую переменную. Среди респондентов со средним образованием преобладают сторонники поп-музыки XXI в. (около трети всех опрошенных из этой группы), также заметно число поклон-

ников эстрады и рока еще советского времени. Среди имеющих среднее профессиональное образование преобладают поклонники поп-исполнителей времен Советского Союза и 1990-х гг. Респонденты с высшим и неполным высшим образованием являются сторонниками

тех же музыкальных направлений, но сюда добавляется еще и рок. Наконец, среди публики с послевузовским образованием – также поклонники поп-музыки советского времени и 1990-х гг., но здесь четко проявляется и группа слушателей шансона (табл. 3).

Таблица 2

Влияние возраста респондентов на их пожелания относительно гастрольных выступлений

Жанр		Возраст					
		20 лет и младше	От 21 до 30	От 31 до 40	От 41 до 50	От 51 до 60	Старше 60
Рок-исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	3	16	17	7	4	2
	%	9,4	22,2	27,0	24,1	26,7	25,0
Рок-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	2	8	9	2	2	1
	%	6,3	11,1	14,3	6,9	13,3	12,5
Шансон	Частота	3	8	5	3	0	1
	%	9,4	11,1	7,9	10,3	0,0	12,5
Эстрадные исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	6	13	14	9	4	2
	%	18,8	18,1	22,2	31,0	26,7	25,0
Поп-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	5	17	12	8	3	2
	%	15,6	23,6	19,0	27,6	20,0	25,0
Поп-исполнители (начало творчества – XXI в.)	Частота	13	10	6	0	2	0
	%	40,6	13,9	9,5	0,0	13,3	0,0
Итого	Частота	32	72	63	29	15	8
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3

Влияние уровня образования респондентов на их пожелания относительно гастрольных выступлений

Жанр		Уровень образования			
		Среднее общее	Среднее профессиональное	Неполное высшее, высшее	Послевузовское
Рок-исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	4	3	42	0
	%	19,0	16,7	24,0	0,0
Рок-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	0	2	22	0
	%	0,0	11,1	12,6	0,0
Шансон	Частота	3	0	16	1
	%	14,3	0,0	9,1	25,0
Эстрадные исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	5	5	36	2
	%	23,8	27,8	20,6	50,0
Поп-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	2	5	39	1
	%	9,5	27,8	22,3	25,0
Поп-исполнители (начало творчества – XXI в.)	Частота	7	3	20	0
	%	33,3	16,7	11,4	0,0
Итого	Частота	21	18	175	4
	%	100,0	100,0	100,0	100,0

Семейное положение на пожелания респондентов оказывает такое же влияние, как и выбор жанра концерта в реальных поведенческих практиках. Так, можно говорить о наличии двух четких закономерностей: во-первых, среди по-

клонников рок-музыки советского времени доминируют состоящие в браке, во-вторых, среди поклонников поп-музыки XXI в. – холостые, что, скорее всего, обусловлено влиянием возрастного фактора (табл. 4).

Таблица 4

Влияние семейного положения респондентов на их пожелания относительно гастрольных выступлений

Жанр		Семейное положение	
		Женат / замужем	Холост / не замужем
Рок-исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	31	18
	%	28,2	16,7
Рок-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	10	14
	%	9,1	13,0
Шансон	Частота	9	11
	%	8,2	10,2
Эстрадные исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	27	21
	%	24,5	19,4
Поп-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	27	20
	%	24,5	18,5
Поп-исполнители (начало творчества – XXI в.)	Частота	6	24
	%	5,5	22,2
Итого	Частота	110	108
	%	100,0	100,0

Что касается социально-профессионального положения опрошенных, то среди частных предпринимателей большинство ориентировано на посещение концертов рок- и эстрадных исполнителей с советского времени, занимающие руководящие должности, домохозяйки и пенсионеры

предпочитают советскую эстраду и поп-музыку 90-х, специалисты и рабочие – рок-исполнителей и поп-исполнителей 90-х, безработные – уже упомянутую рок-музыку, а также поп-музыку XXI в., наконец, среди учащихся преобладают предпочтения «попсы» XXI века (табл. 5).

Таблица 5

Влияние социально-профессионального статуса респондентов на их пожелания относительно гастрольных выступлений

Жанр		Социальное положение							
		Частный предприниматель	Руководитель	Специалист	Рабочий	Безработный	Домохозяйка	Пенсионер	Учащийся, студент
Рок-исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	5	3	22	11	3	2	0	3
	%	38,5	7,9	27,5	39,3	75,0	25,0	0,0	70,7
Рок-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	2	3	15	1	0	0	0	3
	%	15,4	7,9	18,8	3,6	0,0	0,0	0,0	70,7
Шансон	Частота	1	6	6	1	0	0	1	5
	%	7,7	15,8	7,5	3,6	0,0	0,0	11,1	12,8
Эстрадные исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	3	11	15	5	0	3	4	7
	%	23,1	28,9	18,8	17,9	0,0	37,5	44,4	17,9
Поп-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	1	10	16	7	0	3	3	7
	%	7,7	26,3	20,0	25,0	0,0	37,5	33,3	17,9
Поп-исполнители (начало творчества – XXI в.)	Частота	1	5	6	3	1	0	1	14
	%	7,7	13,2	7,5	10,7	25,0	0,0	11,1	35,9
Итого	Частота	13	38	80	28	4	8	9	39
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Наконец, обращение к такому фактору, как семейное материальное положение, не позволяет выявить каких-то однозначных тенденций. И среди поклонников рок-музыки, и среди поклон-

ников советской эстрады, равно как и поп-музыки 1990-х гг. и XXI в. практически с одинаковой частотой встречаются представители экономически благополучных и неблагополучных семей (табл. 6).

Таблица 6

Влияние материального положения семьи респондентов на их пожелания относительно гастрольных выступлений

Жанр		Доход на одного члена семьи в месяц					
		До 5 тыс. руб.	До 10 тыс. руб.	До 20 тыс. руб.	До 30 тыс. руб.	До 50 тыс. руб.	Свыше 50 тыс. руб.
Рок-исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	5	18	9	3	6	1
	%	22,7	25,4	16,4	16,7	35,3	14,3
Рок-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	2	6	6	3	1	1
	%	9,1	8,5	10,9	16,7	5,9	14,3
Шансон	Частота	3	7	5	1	1	1
	%	13,6	9,9	9,1	5,6	5,9	14,3
Эстрадные исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	3	18	13	4	3	2
	%	13,6	25,4	23,6	22,2	17,6	28,6
Поп-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	5	10	17	3	4	2
	%	22,7	14,1	30,9	16,7	23,5	28,6
Поп-исполнители (начало творчества – XXI в.)	Частота	4	12	5	4	2	0
	%	18,2	16,9	9,1	22,2	11,8	0,0
Итого	Частота	22	71	55	18	17	7
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Итак, исследование показало, что основными факторами, оказывающими влияние на потребительские предпочтения потребителей продукции

современного отечественного шоу-бизнеса в г. Саратове, являются их пол, образование и социально-профессиональный статус.

УДК 316.334.3(470+571)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ: ЗА И ПРОТИВ

В. А. Переходов

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: vitaliyperehodov@mail.ru

В статье рассматриваются различные точки зрения на институт социального контроля над государственной властью. Автор также уделяет внимание практике реализации социального контроля в России.

Ключевые слова: социальный контроль, государственная власть, народный контроль.

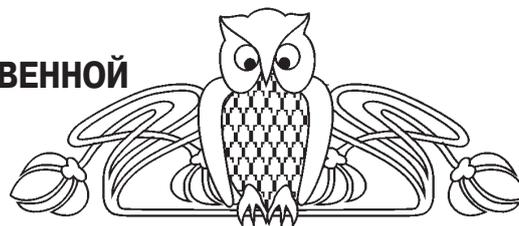
Social Control over the Government: Pros and Cons

V. A. Perekhodov

This article deals with different points of view on the institute of social control over the government. The author also pays attention to the practice of social control in Russia.

Key words: social control, government, public control.

Одним из главных направлений развития России является активное взаимодействие органов

государственной власти с институтами гражданского общества. В этом процессе важны контроль со стороны граждан за выполнением государственными органами своих обязанностей перед народом, исключение злоупотреблений властью, защита прав и свобод человека и гражданина, согласование общественных и государственных интересов.

В современных условиях роль и значение социального контроля над государственной властью многократно возрастают в связи с потребностями модернизации государственного управления, борьбы с коррупцией, повышения качества реализации государственных функций и оказания государственных услуг. Однако так ли важен социальный контроль над властью на самом деле? Не должно ли государство быть абсолютно свободным при реализации своих функций? И кто выступает противниками социального контроля над властью? Ответы на эти вопросы мы попытаемся дать в данной статье.

Для начала определимся с тем, что такое социальный контроль. Понятие «социальный кон-

Таблица 6

Влияние материального положения семьи респондентов на их пожелания относительно гастрольных выступлений

Жанр		Доход на одного члена семьи в месяц					
		До 5 тыс. руб.	До 10 тыс. руб.	До 20 тыс. руб.	До 30 тыс. руб.	До 50 тыс. руб.	Свыше 50 тыс. руб.
Рок-исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	5	18	9	3	6	1
	%	22,7	25,4	16,4	16,7	35,3	14,3
Рок-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	2	6	6	3	1	1
	%	9,1	8,5	10,9	16,7	5,9	14,3
Шансон	Частота	3	7	5	1	1	1
	%	13,6	9,9	9,1	5,6	5,9	14,3
Эстрадные исполнители (начало творчества – СССР)	Частота	3	18	13	4	3	2
	%	13,6	25,4	23,6	22,2	17,6	28,6
Поп-исполнители (начало творчества – 90-е гг. XX в.)	Частота	5	10	17	3	4	2
	%	22,7	14,1	30,9	16,7	23,5	28,6
Поп-исполнители (начало творчества – XXI в.)	Частота	4	12	5	4	2	0
	%	18,2	16,9	9,1	22,2	11,8	0,0
Итого	Частота	22	71	55	18	17	7
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Итак, исследование показало, что основными факторами, оказывающими влияние на потребительские предпочтения потребителей продукции

современного отечественного шоу-бизнеса в г. Саратове, являются их пол, образование и социально-профессиональный статус.

УДК 316.334.3(470+571)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ: ЗА И ПРОТИВ

В. А. Переходов

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: vitaliyperehodov@mail.ru

В статье рассматриваются различные точки зрения на институт социального контроля над государственной властью. Автор также уделяет внимание практике реализации социального контроля в России.

Ключевые слова: социальный контроль, государственная власть, народный контроль.

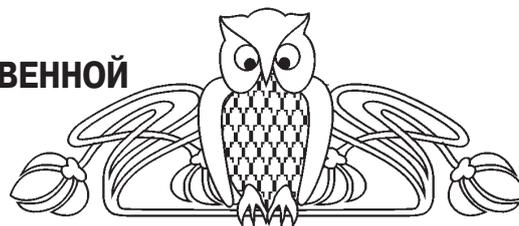
Social Control over the Government: Pros and Cons

V. A. Perekhodov

This article deals with different points of view on the institute of social control over the government. The author also pays attention to the practice of social control in Russia.

Key words: social control, government, public control.

Одним из главных направлений развития России является активное взаимодействие органов

государственной власти с институтами гражданского общества. В этом процессе важны контроль со стороны граждан за выполнением государственными органами своих обязанностей перед народом, исключение злоупотреблений властью, защита прав и свобод человека и гражданина, согласование общественных и государственных интересов.

В современных условиях роль и значение социального контроля над государственной властью многократно возрастают в связи с потребностями модернизации государственного управления, борьбы с коррупцией, повышения качества реализации государственных функций и оказания государственных услуг. Однако так ли важен социальный контроль над властью на самом деле? Не должно ли государство быть абсолютно свободным при реализации своих функций? И кто выступает противниками социального контроля над властью? Ответы на эти вопросы мы попытаемся дать в данной статье.

Для начала определимся с тем, что такое социальный контроль. Понятие «социальный кон-

троль» впервые употребил Г. Тард. Согласно Тарду, ключевая роль в политической социализации личности принадлежит социальному контролю, который выполняет специализированные функции в обществе по развитию общесоциальных норм, которые, в свою очередь, и создают базу власти¹. Сегодня социальный контроль понимается как способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие ее компонентов (индивидов, групп, общностей, отношений между ними, их деятельности и т. п.) посредством нормативного регулирования². Таким образом, на сегодняшний день социальный контроль рассматривается более широко: это уже способ регулирования поведения не только отдельных индивидов, но и всей социальной системы.

Ряд современных исследователей подразделяют социальный контроль на контроль общественный и государственный³. Однако, на наш взгляд, социальный контроль можно полностью отождествить с общественным. Государственный же контроль – это совершенно иной вид контроля, и к социальному контролю он не имеет никакого отношения. Об этом же говорит и этимология слова «социальный» (лат. *socius* – общественный). Общество же, в свою очередь, состоит из граждан, следовательно, тождественным будет являться и понятие «гражданский контроль». Итак, мы будем рассматривать понятия «социальный контроль», «общественный контроль» и «гражданский контроль» как синонимы.

История показывает, что те механизмы контроля над государством, которые содержатся внутри самого государства и которые должны помогать ему устранять дефекты системы и развиваться, не всегда достаточны для разрешения существующих в то или иное время проблем. Именно поэтому необходим социальный контроль над государственной властью, глобальная цель которого – создание правового общества, в котором органы власти служат исключительно общественным интересам и в высшей степени ответственны и подконтрольны обществу⁴.

К субъектам гражданского (социального, общественного) контроля относятся неправительственные объединения и отдельные индивиды, проявляющие гражданскую сознательность и гражданскую активность. Также к субъектам общественного контроля, на наш взгляд, можно отнести органы местного самоуправления, которые в идеале должны быть не продолжением государственной власти, а посредником между гражданским обществом и этой властью. Способствование общественному контролю и в целом развитию гражданского общества должно войти в перечень функций местных органов власти.

Помимо всего прочего, можно также выделить некоторые принципы осуществления социального контроля над властью. К ним относятся следующие: независимость контроля, его

справедливость, полнота, доступность, объективность, доказательность, открытость, публичность и динамичность.

Интерес к проблеме общественного контроля над властью проявляли еще древние мыслители. Так, китайский философ Конфуций, несмотря на то что жил в государстве с жесткой централизацией и сам придерживался централистских позиций, утверждал, что, каким бы сильным ни было государство, оно не сможет просуществовать долго без доверия народа.

Древнегреческий философ Платон, развивая идею божественно-объективного формирования общественных законов, в то же время подчеркивал важность общественных институтов контроля и упорядочения отношений в обществе.

Широкое распространение идея социального контроля над властью получила в Новое время. Большинство мыслителей в этот исторический период также говорили о необходимости социального контроля. Однако сущность этого явления они видели по-разному. Так, Т. Гоббс видел проявление гражданского контроля над властью в праве индивида воспротивиться воле государства в случае, если представители последнего, вопреки естественным законам, обяжут индивида убивать или калечить самого себя. В то же время Гоббс настаивал на подчинении индивида абсолютной власти государства⁵.

Ш. Л. Монтескье, подчеркивая, что общество не может существовать без правительства, тем не менее, придавал большое значение социальному контролю над властью. Основным механизмом осуществления такого контроля он считал закон⁶.

Другой французский мыслитель Ж. Ж. Руссо видел проявление гражданского контроля над властью во всенародных совещаниях. Он настаивал на необходимости проведения периодических собраний всего народа, которые никто не мог бы ни отменить, ни отсрочить. В определенный день общественность должна была собираться и решать насущные государственные вопросы⁷. Конечно, на сегодняшний день трудно представить всенародное собрание в какой-либо развитой стране мира. Однако идея Руссо вполне может быть реализована на муниципальном уровне. Именно на местах, в первую очередь, население должно участвовать в управлении и в контроле над властью.

На позициях необходимости общественного контроля над властью также стоял И. Кант. Он писал: «Гражданин должен обладать той же возможностью принуждать властвующих к точному и безусловному исполнению законов, которой обладают властвующие в отношении к гражданам»⁸.

Г. В. Ф. Гегель в своем труде «Философия права» говорил о том, что контроль, который осуществляет государство над своими ведомствами и чиновниками, не всегда является достаточным и эффективным. Именно поэтому контроль сверху должен дополняться контролем снизу⁹.

Не остались в стороне от изучения системы социального контроля над властью и российские исследователи. Причем этой проблематикой занимались не только ученые-теоретики, но и практики, активнейшие участники общественной жизни России. Так, руководитель Южного общества декабристов П. И. Пестель в своем программном документе «Русская правда» писал: «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждается для блага народного, а не народ существует для блага правительства»¹⁰. Эти слова – не просто выражение недовольства существующим на тот момент государственным строем, что, конечно же, проходило красной нитью в каждом документе декабристов, это и призыв к активным действиям, к построению системы общественного контроля над властью.

Н. Г. Чернышевский высказывал убежденность в том, что должностные лица не должны представлять собой некую касту людей, стоящую над всеми остальными. Он требовал, чтобы представители государственной администрации были полностью подчинены гражданам. Более того, каждый гражданин, по мнению Чернышевского, должен иметь право лично контролировать исполнение администрацией вверенных ей дел и требовать от должностных лиц отчет об их исполнении. Тех же чиновников, которые недобросовестно исполняют свои обязанности, каждый гражданин мог предать суду¹¹. В этом Н. Г. Чернышевский видел наивысшее проявление социального контроля над властью.

Представитель анархистского направления русской революционной мысли М. А. Бакунин считал, что отсутствие оппозиции и общественного контроля над властью неизбежно ведет к моральной развращенности тех, кто обладает этой властью¹².

Наиболее актуальной проблема социального контроля над государственной властью стала в последнее время. Это связано как с национальными, так и с международными процессами. Данная проблема на сегодняшний день волнует многих исследователей: социологов, юристов, политологов и т. д. Все они едины во мнении, что социальный контроль над властью необходим как воздух. Так, О. Н. Шерстобоев рассматривает общественный контроль за деятельностью субъектов государственной администрации как неотъемлемый элемент обеспечения законности и профилактики коррупции. Эффективный общественный контроль, по его мнению, способен повысить качество законов и иных нормативно-правовых актов, а также ответственность лиц, принимающих их¹³.

В. А. Беляев и Н. Ю. Бондарь видят значение социального контроля в ограничении власти и в предотвращении злоупотреблений ею. По их мнению, становление гражданского

общества должно сопровождаться расширением институтов общественного контроля, которые, не подменяя и не заменяя контрольной деятельности государственных органов, способны оказать им неоценимую помощь и поддержку в реализации государственной политики. Социальный контроль – важнейшее условие реализации принципа народовластия¹⁴.

Директор Центра исследований проблем гражданского общества И. Иваненко в своих исследованиях делает упор на законодательном закреплении механизмов социального контроля над государственной властью¹⁵. По его мнению, принятие Федерального закона «Об общественном контроле в Российской Федерации» даст серьезный толчок в разрешении системных проблем в сфере общественного контроля над властью, будет способствовать развитию процессов модернизации общественно-политической системы страны.

В. Г. Румянцева в своих исследованиях делает вывод о том, что механизм общественного контроля обеспечивает комплексный мониторинг, выявляющий и устраняющий различные нарушения в установленном социальном порядке, позволяющий привлечь к ответственности виновных в нарушении и возместить ущерб жертвам в соответствии с принципами справедливости и целесообразности данного социума¹⁶.

Таким образом, рассмотрев точки зрения исследователей разных исторических эпох и разных стран, мы можем сделать вывод о том, что все они без исключения говорили о необходимости социального (общественного, гражданского) контроля над властью. Однако название данной статьи «Социальный контроль над государственной властью: за и против». Кто же выступает против такого контроля?

Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, очевиден: против социального контроля выступают те, кто является объектом этого контроля, то есть представители государственной власти. В данном случае нельзя говорить обо всем государстве в целом, так как высшая государственная власть все же провозгласила путь на развитие институтов общественного контроля. Об этом говорил и Президент России В. В. Путин в своем очередном Послании Федеральному собранию. В частности, он обратил внимание на общественный контроль как механизм борьбы с коррупцией, поставил задачу содействия развитию общественного контроля¹⁷. Однако такая позиция главы государства не останавливает противников социального контроля, в лице которых часто выступают представители отдельных министерств, ведомств, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и т. д.

Так, относительно недавно Замоскворецкий районный суд города Москвы вынес достаточно сомнительное решение по спору между Министерством юстиции РФ и Центром антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси

Интернешнл-Россия». Спор начался после того, как в апреле 2011 г. ведомство провело антикоррупционную экспертизу поправок в Федеральный закон о госзакупках, а Центр затребовал текст этого заключения на общественный контроль. Минюст предоставить его отказался. Аргументы общественников о том, что такие документы в соответствии с Законом о доступе к информации должны предоставляться им по запросу, услышаны не были. Суд встал на сторону представителей исполнительной власти и отказал в удовлетворении иска Центру антикоррупционных исследований¹⁸.

Описанный случай далеко не единственный. Многие подобные ситуации просто не доходят до широкой общественности. Поэтому говорить о социальном порядке, описанном Н. Г. Чернышевским, когда любой гражданин ежеминутно может требовать у представителя государственной власти отчета о ведении каждого дела, пока явно не приходится.

Как видно из всего вышесказанного, на сегодняшний день в России назрела необходимость создания и развития институтов социального контроля над властью. Каковы же главные шаги в данном направлении? Должны ли мы опереться на зарубежный опыт (как это часто происходит сегодня) или необходимо заново создавать собственную, ни на что не похожую систему общественного контроля? На наш взгляд, ни первый, ни второй путь не являются идеальными. Зарубежный опыт нельзя в чистом, неизменном виде перенести на нашу российскую действительность. Да и сам по себе он не всегда является эффективным. Так, в развитых западных странах СМИ, общественные организации, партии и профсоюзы имеют право только требовать информацию, но не обязательно получать ее, поскольку степень секретности информации определяют представители государства. Такая система для России не подходит, ибо в таком случае любая информация о деятельности органов власти может быть засекречена. На строительство же абсолютно новой системы социального контроля над властью уйдет слишком много времени. Да и строить её опять же будет само государство, поэтому качество конечного продукта остается под вопросом.

Однако, говоря о социальном контроле над властью, не следует забывать наш исторический опыт – опыт общественного контроля, который использовался в Советской России. Советское общество и государство предложили свой вариант организации контроля, посредством чего был накоплен огромный опыт не только контрольно-ревизионной работы, но и привлечения и обучения страны делу управления государством.

Основы общественного контроля в СССР были заложены в Конституции СССР 1977 г. и в Законе «О народном контроле в СССР». В его основу были положены идеи В. И. Ленина о народном контроле и принципах его организации,

программные установки партии и положения Конституции о путях дальнейшего совершенствования социалистической демократии, об усилении народного контроля.

Народный контроль в СССР содержал черты общественных и государственных начал. Основными направлениями деятельности органов народного контроля являлись следующие: контроль за выполнением государственных планов экономического и социального развития и плановых заданий, выявление резервов народного хозяйства, повышение эффективности общественного производства и качества работы, внедрение в производство достижений науки и техники. Органы народного контроля были призваны добиваться экономичного использования трудовых и материальных ресурсов, денежних средств, рационального использования и улучшения охраны природных ресурсов, борьбы с нарушениями государственной дисциплины, проявлениями местничества, ведомственного подхода к делу, бесхозяйственностью и расточительством, волокитой и бюрократизмом, любыми попытками обмана государства, посягательства на социалистическую собственность¹⁹.

Наряду с охраной государственных интересов, интересов общественных организаций, к числу задач органов народного контроля относилась защита прав советских граждан от нарушений со стороны государственных и общественных органов, их должностных лиц. Народный контроль распространялся почти на все органы Советского государства: министерства, государственные комитеты, ведомства, отделы и управления исполкомов местных Советов народных депутатов, предприятия, учреждения и организации, их руководителей и других должностных лиц.

Руководители министерств и ведомств, предприятий и организаций обязаны были безотлагательно рассматривать предложения и рекомендации органов народного контроля, устранять вскрытые недостатки и в установленные сроки сообщать им о принятых мерах. Это важное условие – обеспечение результативности контроля.

Можно выделить следующие положительные стороны народного контроля, который практиковался в Советскую эпоху: во-первых, народный контроль в условиях советской действительности положительно повлиял на развитие экономики, укрепление государственной дисциплины; во-вторых, органы народного контроля в действительности оказывали существенное воздействие на функционирование органов власти; в-третьих, данный контроль был достаточно профессионален; в-четвертых, к кандидатам в народные контролеры предъявлялись определенные требования, которые касались, прежде всего, их морально-деловых качеств, общественной позиции и положения.

Нельзя не отметить и негативных тенденций советской системы народного контроля. Так, до-

минирующее положение партийно-государственного аппарата оказывало влияние на сущность контрольной деятельности, вследствие чего народный контроль зачастую становился элементом тотального государственного контроля над личностью. Помимо прочего, насаждаемые сверху политика и контроль в дальнейшем являлись барьером к проявлению инициатив. Негативной была и практика излишнего насаждения все новых и новых, дублировавших друг друга народных органов, количество которых к концу правления Советов выросло в разы, что привело со временем к падению эффективности народного контроля.

Таким образом, советская система народного контроля имела как свои плюсы, так и минусы. Однако, возвращаясь к поставленному выше вопросу, с чего нам необходимо начинать создание современной российской системы общественно-контроля над властью, мы можем ответить: с правильной оценки нашего исторического опыта, с адаптации положительных его сторон к современным условиям.

Итак, необходимость социального контроля над государственной властью на сегодняшний день не вызывает никаких сомнений. Слабость этого контроля – одна из причин модернизационных трудностей в России, сложностей ее культурного, социального, экономического и политического развития, которые приводят к росту деструктивных социально-политических и экономических явлений в жизни российского общества.

Однако трудности и препятствия возникают, как правило, не в понимании идеи социального контроля и его необходимости, а именно в практической реализации этой идеи, поскольку чрезвычайно трудно контролировать органы власти, в руках которых, по определению, и сосредоточена основная власть.

Мы можем предложить ряд идей по развитию социального контроля над государственной властью в России:

- законодательное закрепление основ социального контроля над властью. Проект Закона «Об общественном контроле в Российской Федерации» на сегодняшний день так и остается проектом. Необходима его скорейшая доработка и принятие;

- обеспечение свободы средств массовой информации. Нельзя сказать, что сегодня СМИ поставлены в какие-то жесткие цензурные рамки, однако контроль государственной власти над ними имеет место быть, и порой этот контроль превышает все допустимые пределы;

- создание института общественных уполномоченных, неподконтрольных и неподотчетных никому, кроме общества. Этот институт будет чем-то напоминать институт народных контролеров, используемый в Советском Союзе, однако отсутствие подчиненности общественных уполномоченных государству поможет избежать возникновения антидемократических тенденций;

- создание системы общественных трибуналов, которые на основе представленных доказательств будут выносить обвинительные заключения по преступлениям должностных лиц, привлеченных к ответственности официальными правоохранительными органами;

- превращение такого института, как Общественная палата, в реально действующий, независимый от государства орган. Подотчетность и подконтрольность Общественной палаты органам власти недопустима, ибо ее главная функция – контроль над этими органами;

- более активное использование сети Интернет в сфере контроля над властью: создание интернет-страниц общественных организаций, форумов, групп, объединяющих в единую информационную сеть всех, кто заинтересован в развитии социального контроля над властью;

- и, наконец, более активное сотрудничество граждан с органами местного самоуправления, которые в скором времени должны стать посредниками между гражданским обществом и государством, проводниками идей общественности. Представители органов местного самоуправления могут оказывать существенное воздействие на государство. Взаимодействие между государственной властью и местным самоуправлением должно принять форму взаимного контроля и взаимной ответственности.

Завершить данную статью нам хотелось бы словами мексиканского ученого Диего Валадеса: «... контроль над властью представляет необходимость для существования свободы»²⁰. А поскольку свобода в современном демократическом обществе является наивысшей ценностью, то и контроль над властью должен стать для нас жизненно важной необходимостью.

Примечания

- 1 См.: Незнамов В. В. Социальный контроль в развитии местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 22 с.
- 2 См.: Бабосов Е. М. Социология : энциклопедический словарь. М., 2009.
- 3 См.: Беляев В. П. Общественный контроль в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. С. 2–6.
- 4 См.: Гончаров А. А. Гражданский контроль над органами власти. М., 2010.
- 5 См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.
- 6 См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
- 7 См.: Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938.
- 8 Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравственности. М., 1995. С. 214.
- 9 См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

- ¹⁰ Пестель П. И. Русская Правда // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 3. С. 665.
- ¹¹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1950. Т. 5.
- ¹² См.: Бакунин М. А. Избранные сочинения : в 5 т. Пг. – М., 1921. Т. 5.
- ¹³ См.: Шерстобоев О. Н. Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 28–31.
- ¹⁴ См.: Бондарь Н. Ю. Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3. С. 3–7.
- ¹⁵ См.: Игорь Иваненко: «Общественный контроль над органами власти в РФ : актуальные проблемы и перспективы развития». URL: <http://strategiya-pmr.ru/?p=1191> (дата обращения: 01.12.2012).
- ¹⁶ См.: Румянцев В. Г. Общественный контроль за деятельностью государства : к теории вопроса // История государства и права. 2009. № 11. С. 42–45.
- ¹⁷ См.: Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://президент.рф/выступления/17118> (дата обращения: 23.12.2012).
- ¹⁸ См.: Государство против общественного антикоррупционного контроля? URL: <https://www.svobodainfo.org/ru/node/1949> (дата обращения: 01.12.2012).
- ¹⁹ См.: Полеиук А. С. Общественный контроль в структуре советской власти // История государства и права. 2011. № 20. С. 14–18.
- ²⁰ Валадес Д. Контроль над властью. М., 2006. С. 13.

УДК 316.342.6

ДОМОХОЗЯЙСТВО В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА

Е. В. Афанасьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Afanasevevgeniy@bk.ru

В статье анализируются сложные процессы формирования сельского социально-экономического пространства в условиях рыночно ориентированных трансформаций. Фиксируется появление новых субъектов социально-экономических отношений, которые изменяют характеристики сельского социально-экономического пространства. Особое внимание обращается на место и роль в этом процессе сельского домохозяйства.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство села, сельское домохозяйство, агрохолдинг.

The Household in the Social-Economical Space of the Modern Russian Country

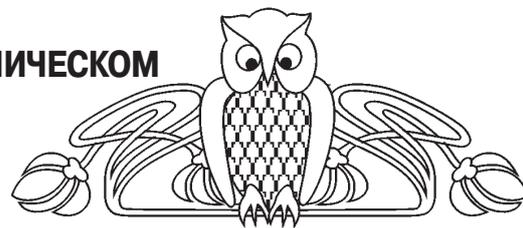
E. V. Afanasiev

In this article is analyzed complicated process of rural socio-economic space forming. This process takes place in the market transformation process. The new subjects of socio-economic relationships are fixed, which change characteristics of rural socio-economic space. A special attention is paid to the place and role of rural space, rural household and agricultural holding.

Key words: socio-economic rural space, rural household, agricultural holding.

Село традиционно рассматривается как составная часть социально-экономического пространства общества.

Уже в советское время специалисты фиксировали нарастание негативных процессов в сельской местности. В современной России положение не стало лучше. Больше того, ускоренное «рыноч-

ное» реформирование усугубило социально-экономическое состояние села.

Большинство специалистов констатируют: идет запустение сельской местности, оставление домов и целых деревень, что наиболее характерно для Нечерноземья. По расчетам Т. Нефедовой, ареалы с плотностью населения более 10 человек на кв. км сохранились лишь на 20% территории в пригородах крупных центров. А плотность населения менее 5 человек на кв. км отмечается на 41% территории (без Крайнего Севера). В 1959 г. таких территорий насчитывалось 17%¹.

Если говорить о Саратовской области, то на ее территории проживают 2564,8 тыс. чел., из них 660,8 тыс. – сельское население (26%)². По данным Федеральной службы государственной статистики, в регионе наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности сельского населения, а также снижения основных демографических показателей.

Низкий уровень рождаемости привел к резкому сокращению численности населения в возрасте моложе трудоспособного (до 15 лет) – с 2000 г. она сократилась более чем на четверть (28,1%). В то же время за счет вступления в трудоспособный возраст лиц, родившихся в середине 80-х гг. прошлого века, численность трудоспособного населения росла до 2006 г. (на 35,7 тыс. чел., или 2,2%). К началу же 2009 г. она уменьшилась на 26 тыс. человек (на 1,6%). По прогнозным оценкам Росстата, снижение численности населения в рабочих возрастах продолжится, что связано с вхождением в трудоспособный возраст малочисленных поколений, родившихся в конце прошлого и начале XXI в.

- ¹⁰ Пестель П. И. Русская Правда // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 3. С. 665.
- ¹¹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1950. Т. 5.
- ¹² См.: Бакунин М. А. Избранные сочинения : в 5 т. Пг. – М., 1921. Т. 5.
- ¹³ См.: Шерстобоев О. Н. Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 28–31.
- ¹⁴ См.: Бондарь Н. Ю. Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3. С. 3–7.
- ¹⁵ См.: Игорь Иваненко: «Общественный контроль над органами власти в РФ : актуальные проблемы и перспективы развития». URL: <http://strategiya-pmr.ru/?p=1191> (дата обращения: 01.12.2012).
- ¹⁶ См.: Румянцев В. Г. Общественный контроль за деятельностью государства : к теории вопроса // История государства и права. 2009. № 11. С. 42–45.
- ¹⁷ См.: Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://президент.рф/выступления/17118> (дата обращения: 23.12.2012).
- ¹⁸ См.: Государство против общественного антикоррупционного контроля? URL: <https://www.svobodainfo.org/ru/node/1949> (дата обращения: 01.12.2012).
- ¹⁹ См.: Полеиук А. С. Общественный контроль в структуре советской власти // История государства и права. 2011. № 20. С. 14–18.
- ²⁰ Валадес Д. Контроль над властью. М., 2006. С. 13.

УДК 316.342.6

ДОМОХОЗЯЙСТВО В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА

Е. В. Афанасьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Afanasevgeniy@bk.ru

В статье анализируются сложные процессы формирования сельского социально-экономического пространства в условиях рыночно ориентированных трансформаций. Фиксируется появление новых субъектов социально-экономических отношений, которые изменяют характеристики сельского социально-экономического пространства. Особое внимание обращается на место и роль в этом процессе сельского домохозяйства.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство села, сельское домохозяйство, агрохолдинг.

The Household in the Social-Economical Space of the Modern Russian Country

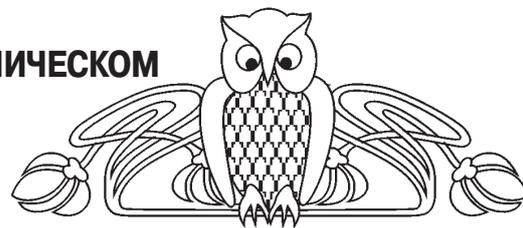
E. V. Afanasiev

In this article is analyzed complicated process of rural socio-economic space forming. This process takes place in the market transformation process. The new subjects of socio-economic relationships are fixed, which change characteristics of rural socio-economic space. A special attention is paid to the place and role of rural space, rural household and agricultural holding.

Key words: socio-economic rural space, rural household, agricultural holding.

Село традиционно рассматривается как составная часть социально-экономического пространства общества.

Уже в советское время специалисты фиксировали нарастание негативных процессов в сельской местности. В современной России положение не стало лучше. Больше того, ускоренное «рыноч-

ное» реформирование усугубило социально-экономическое состояние села.

Большинство специалистов констатируют: идет запустение сельской местности, оставление домов и целых деревень, что наиболее характерно для Нечерноземья. По расчетам Т. Нефедовой, ареалы с плотностью населения более 10 человек на кв. км сохранились лишь на 20% территории в пригородах крупных центров. А плотность населения менее 5 человек на кв. км отмечается на 41% территории (без Крайнего Севера). В 1959 г. таких территорий насчитывалось 17%¹.

Если говорить о Саратовской области, то на ее территории проживают 2564,8 тыс. чел., из них 660,8 тыс. – сельское население (26%)². По данным Федеральной службы государственной статистики, в регионе наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности сельского населения, а также снижения основных демографических показателей.

Низкий уровень рождаемости привел к резкому сокращению численности населения в возрасте моложе трудоспособного (до 15 лет) – с 2000 г. она сократилась более чем на четверть (28,1%). В то же время за счет вступления в трудоспособный возраст лиц, родившихся в середине 80-х гг. прошлого века, численность трудоспособного населения росла до 2006 г. (на 35,7 тыс. чел., или 2,2%). К началу же 2009 г. она уменьшилась на 26 тыс. человек (на 1,6%). По прогнозным оценкам Росстата, снижение численности населения в рабочих возрастах продолжится, что связано с вхождением в трудоспособный возраст малочисленных поколений, родившихся в конце прошлого и начале XXI в.

Одновременно наблюдается рост показателя смертности сельского населения, который за 2006–2009 гг. вырос на 10,3% и превышает показатель смертности городских жителей на 9%. Основными причинами смертности являются болезни системы кровообращения и новообразования, несчастные случаи, отравления, травмы³, что выступает важнейшим индикатором социально-экономического развития сельского населения и одновременно относительно низкого уровня качества жизни. Это приводит к тому, что численность трудоспособного сельского населения неуклонно сокращается. Наблюдается уменьшение численности молодежи на селе и общее увеличение возраста сельского населения. Село не только теряет население, но и стремительно стареет. Это подтверждает и авторское исследование.

В сложившейся международной практике население считается старым, если возрастная группа старше 65 лет составляет около 7%. Сокращение в структуре населения удельного веса подрастающего поколения в сочетании с опережающим ростом доли населения 60 лет и старше при одновременно резком сокращении поколения 50–59-летних означают ощутимое ухудшение условий труда и быта сельского населения; резкое снижение удельного веса сельского населения в перспективе; рост смертности, сокращение рождаемости, ускорение старения населения.

Переломить вышеобозначенные тенденции, придать новый импульс социально-экономическому развитию села можно, только опираясь на социально-экономические структуры и формы организации сельской жизни, являющиеся базисными. Современное социально-экономическое пространство села является результатом рыночного реформирования последних двадцати лет. За этот период была демонтирована система социально-экономической организации сельского пространства, с одной стороны, и на базе радикальных институциональных трансформаций появились новые социально-экономические субъекты, определяющие формат, состояние и тенденции развития сельского социально-экономического пространства, с другой.

На наш взгляд, важнейшей структурообразующей формой сельского социально-экономического пространства выступает сельское домохозяйство, интерпретируемое как «один человек, живущий самостоятельно, или группа людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, то есть полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства. Эти люди могут быть связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака, либо не быть родственниками, либо и теми, и другими»⁴. Как можно заметить, понятия «домохозяйство» и «семья» сопряжены, наиболее характерные признаки домохозяйства и семьи чаще всего совпадают, более того, семья

является ядром домохозяйства. Основные отличия сводятся к следующему: один человек может быть домохозяйством, но не может быть семьей, но и домохозяйство может состоять из людей, не связанных родственными отношениями.

Для понимания того, что такое домохозяйство, необходимо уточнить различие между деятельностью домохозяйства как более широким понятием и ведением домашнего хозяйства, домашней экономикой. Ведение домашнего хозяйства включает в себя хозяйственную деятельность внутри дома силами членов домохозяйства: поддержание в нормальном состоянии жилища и придомовой территории, приготовление пищи, уход за детьми и нетрудоспособными членами семьи и т. п. Деятельность же домохозяйства включает в себя как ведение домашнего хозяйства, так и внешнее взаимодействие членов домохозяйства с другими субъектами в интересах домохозяйства.

Домохозяйство может быть коллективным. К общественному домохозяйству относят лиц, проживающих в учреждениях постоянно или в течение длительного времени. Примеры таких домохозяйств: общежитие, школа-интернат, интернат для престарелых и другие институциональные заведения, монастыри и проч. Сюда же могут быть отнесены военнослужащие, проживающие в гарнизонах; долгосрочные пациенты в больницах; заключенные, отбывающие длительные сроки заключения, и т. п.

Современные исследователи считают, что все домохозяйства можно разделить на семейные, внесемейные и общественные⁵. Говоря о сельских домохозяйствах или дворохозяйствах, мы будем иметь в виду в рамках статьи только их семейные формы. Именно семейное домохозяйство, на наш взгляд, способно выступить основным инструментом «сшивания» социально-экономического пространства села в современных российских условиях. Такое понимание места и роли сельского домохозяйства и семьи разделяет, например, В. В. Пациорковский⁶. Но чтобы домохозяйство выступало в этом качестве, оно само должно быть в соответствующем состоянии.

Рассмотрим в этом ключе состояние современного российского сельского домохозяйства. Немного истории. В анализе генезиса домохозяйства, его развития представляется очевидной его связь с личным подсобным и семейным хозяйством населения.

В советское время личные подсобные хозяйства населения выступали как часть институциональной среды административно-командной экономики. Их клеймили как антипод модели социалистического хозяйства, по отношению к ним проводилась государственная политика жесткого административного регулирования и правового ограничения (например, устав колхоза регулировал норму содержания личного скота и землепользования в личном хозяйстве). В современных российских условиях внедрение в сельскую экономику

новых способов организации производства практически вытеснили формы личного подсобного хозяйства как утратившие смысл применительно к положению дел в сельской местности. Если ранее этот тип хозяйств давал 10–15% доходов сельской семьи, остальное зарабатывалось на общественном производстве на основе фиксированной ставки заработной платы, то сегодня даже по официальным данным натуральное потребление продуктов питания составляет в сельской местности более 75% общих расходов семей на питание. Это свидетельствует о резкой структурной перестройке в области формирования бюджета домохозяйства, а следовательно, о новом типе хозяйственного производства. Более того, повышение доходов сельских подворий во многих случаях не только приостановило падение уровня жизни, обусловленного падением трудовых доходов, но и способствовало заметному росту семейного благосостояния. Поэтому сегодня, на наш взгляд, следует говорить именно о домохозяйстве или сельском подворье, но никак не о личном подсобном хозяйстве. Из подсобного оно превратилось в основной способ обеспечения жизнедеятельности.

В связи с реформами в сельской экономике появился также новый тип домохозяйства – фермерство как особый тип предприятия. Исторически сложившееся и на определенных этапах отвергавшееся название сегодня зафиксировано в законодательстве признанием соответствующей организационно-правовой формы.

Несмотря на всю строгость критики фермерства и фермерского движения, которую можно было встретить в прессе этого периода, фермерство все же состоялось и отстояло свое право на существование как в экономическом, так и в социальном отношениях. В 1992 г. фермерство насчитывало 49 тыс. хозяйств, к 1994 г. оно сделало большой рывок и достигло численности 270 тыс. хозяйств. До 1996 г. его численность еще продолжала медленно расти (280,1 тыс.), однако это был предел возможностей в данных условиях, и в 1998 г. их количество составило 274,3, в 1999 г. – 270,2 и в 2000 г. – 261,1 тыс.⁷ Но затем начался процесс накопления потенциала, и в 2000 г. фермеры заметно меньшим числом обрабатывают уже не 12 млн га., как в 1996 г., а около 14 млн га (7%) пашни и производят примерно 3% общего объема сельхозпродукции⁸.

Сегодня сельское домохозяйство, называемое фермерским, переживает период расцвета. По данным Госкомстата, таких хозяйств в России на сегодняшний день насчитывается 265 тыс. В распоряжении фермеров находится около 17 млн га сельхозугодий. В 2002 г. на их долю пришлось 12% общего производства зерна в стране, около 20% семян подсолнечника, 7% сахарной свеклы, 2,6% крупного рогатого скота, 2,8% свиней, 9% овец и коз.

Наряду с фермерскими хозяйствами в последние годы получила развитие еще одна категория

сельских производств – товарные домохозяйства. Они возникли как результат расслоения сельского общества в 1993–1995 гг., но особенно набрали вес во второй половине 1990-х гг. Именно к этой группе относятся сельские товаропроизводители, которые сразу же получили выигрывать по результатам финансового кризиса 1998 г. за счет быстрого роста цен на производимую ими продукцию (мясо, молочные продукты, яйца и овощи) и повышения спроса на нее на колхозных рынках, связанного с сокращением импорта продуктов питания. В 2002 г. около 9,3 млн сельских домохозяйств (60%) вели устойчивое мелкотоварное хозяйство. При этом примерно половина из них, а именно 4,7 млн домохозяйств, производили основную часть сельхозпродукции на продажу. Такие хозяйства и составляют около 30% всех домохозяйств села (15,5 млн) и производят примерно 27% общего объема продукции сельского хозяйства⁹.

Отметим, что согласно принятому закону¹⁰, к категории фермерских хозяйств относятся только те хозяйства, которые прошли регистрацию в налоговой инспекции. Именно они попали в статистические отчеты. Можно предположить, что еще порядка 16 млн приусадебных хозяйств остались не учтенными. Это значительно раздвигает рамки фермерского движения, увеличивает его размах. На долю этих хозяйств в продовольственном балансе страны приходится весьма существенные результаты, особенно в производстве овощей и мясо-молочной продукции. Доход от реализации сельхозпродукции является основным средством существования для их владельцев.

Наряду с вышеназванными формами в аграрном секторе современной России сформировались и функционируют крупные сельхозпроизводители – действительные субъекты экономических отношений капиталистического типа. К их числу относятся, прежде всего, агрохолдинги. Совершенно очевидно, что присутствие агрохолдингов в экономике сельского хозяйства свидетельствует о вторжении индустриальных принципов производства в аграрный сектор. Агрохолдинги являются мощными вертикально интегрированными структурами, включающими в себя как производство и переработку, так и реализацию продукции. Естественно, все это требует больших средств. Они приходят в сельскую местность как инвесторы, заинтересованные в замыкании цикла путем смыкания процессов переработки и реализации сельхозпродукции с ее производством. И эта деятельность агрохолдингов является решающей в их оценке. По данным Института конъюнктуры аграрного рынка, к 2009 г. в России действовало около 200 агрохолдингов, которым принадлежит около 14,5 млн га сельхозугодий, в том числе 11,3 млн га пашни (около 10% ее общей площади), при этом они обеспечивали 20–25% объема производства в отрасли. Они закупали около 60% (по стоимости) средств химзащиты, 50% импортных

тракторов, 60% западных зерноуборочных комбайнов и 40% прицепной техники. В животноводстве роль агрохолдингов еще выше. Это понятно, так как крупные компании с их лоббистскими возможностями и связями, серьезными финансовыми ресурсами гораздо увереннее чувствуют себя в среде, где развитие любого бизнеса сопряжено со множеством административных барьеров¹¹. Но одновременно появляется ряд проблем, связанных с тем, что реальные собственники холдингов и их юридические адреса часто находятся не только вдали от сельской местности, но и вдали от многих регионов сельскохозяйственного производства. Нельзя не признать важную экономическую роль агрохолдингов, но их социальное и культурное значение для села не столь однозначно.

Состояние сельского социально-экономического пространства в современной России определяется местом и ролью всех вышеназванных форм. Сегодня, между тем, «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» исходит из приоритетности, в первую очередь, отраслевого подхода, заявляя в качестве одной из своих задач «обеспечение ускоренного развития приоритетных подотраслей сельского хозяйства»¹¹.

Данный принцип подхода даже не ставит вопроса о том, как решение этой чисто экономической задачи разложится по экономическим укладам и основным группам товаропроизводителей, а именно: сельским подворьям, фермерам, кооперативам и крупным хозяйствам, и остается за рамками целевых установок. В то время как развитие любого типа сельского домохозяйства нуждается в бережном курировании со стороны государства. Необходимо восстановить не только сельскохозяйственную систему домохозяйств семейного типа, но и утраченную за годы советской власти психологию земельного собственника, что, безусловно, требует значительного времени и усилий. Естественно, нельзя полагать, что мелко-товарное домохозяйство способно удовлетворить общественные потребности в сельскохозяйственной продукции. Тем не менее оно может и должно существовать в качестве одной из основных единиц в аграрном секторе. Мелкотоварное производство домохозяйств дополняет и страхует не только крупных и средних товаропроизводителей. Оно диверсифицирует источники доходов домо-

хозяйств, повышая тем самым устойчивость их развития, что выступает залогом сохранения и развития всего российского сельского социально-экономического пространства. Необходимо признать конструктивность разработки программ, направленных на создание благоприятных условий жизни крепких, устойчивых к происходящим изменениям сельских домохозяйств с большими семьями.

Примечания

- 1 См.: *Нефедова Т. Г.* Миграции в сельской местности и агропроизводство в староосвоенной части России. URL: http://migrocenter.ru/science/science019_3.ph (дата обращения: 17.09.2012).
- 2 См.: Агропромышленный комплекс Саратовской области // Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/minagro/npra/detail.php?ID=50783> (дата обращения: 17.09.2012).
- 3 См.: Анализ демографической ситуации и кадрового обеспечения АПК. URL: <http://sferi.ru/saratov-news/agr-saratov/2062-2011-06-06-07-21-06.html> (дата обращения: 17.09.2012).
- 4 Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. Т. 6. Число и состав домохозяйств / Федеральная служба государственной статистики. М., 2004. С. 446.
- 5 См.: *Можайкина Н. В.* Социально-экономическая сущность категории домохозяйства // Вестн. Междунар. Славянского ун-та. 2008. Т. 11, №1. С. 54–60.
- 6 См.: *Пацюрковский В. В.* Сельско-городская Россия. М., 2010.
- 7 См.: Сельское хозяйство в России, 2000. М., 2000. С. 88.
- 8 См.: Россия в цифрах, 2001. М., 2001. С. 198–199.
- 9 См.: Сельское хозяйство в России, 2000. С. 86.
- 10 О крестьянском (фермерском) хозяйстве : федер. закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ ; принят Гос. Думой 23 мая 2003 г. // Рос. газ. 2003. 17 июня.
- 11 См.: Журнал для руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий «Сельскохозяйственное обозрение. Ценовик». URL: http://www.tsenovik.ru/story/Statyi/Obzor/10_11/Obzor_2.pdf (дата обращения: 17.09.2012).
- 12 Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы : утв. постанов. Правительства РФ от 14 июля 2007 г. № 446. URL: http://www.rost.ru/agriculture/agriculture_doc2_31.doc (дата обращения: 17.09.2012).

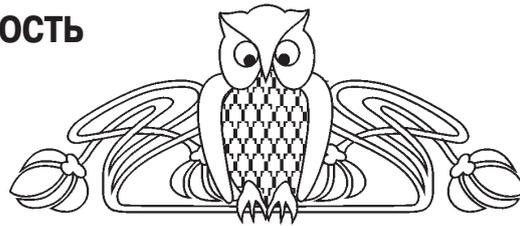

УДК 316.334.2 (470+571)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КОРПОРАЦИИ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

С. А. Чувилин

Саратовский государственный университет
E-mail: mtghunt@yandex.ru

В статье рассматриваются основные аспекты, актуальные вопросы социально-экономической безопасности корпораций, а также показаны принципиально новые пути ее обеспечения. Автор обращает внимание на теоретические пробелы в изучении социально-экономической безопасности. Основной акцент в статье делается на системный и комплексный подход в решении проблемы социально-экономической безопасности.

Ключевые слова: социально-экономическая безопасность, системный подход, корпорации, механизмы, технологии, принципы, меры обеспечения безопасности.

Social and Economic Safety of Corporation: System Approach

S. A. Chuvilin

In article the main aspects, topical issues of social and economic safety of corporations are considered, and also essentially new ways of its providing are shown. The author pays attention to theoretical gaps in studying of social-economic safety. The main emphasis in article is placed on a system and integrated approach in a solution of the problem of social and economic safety.

Key words: social and economic safety, system approach, corporations, mechanisms, technologies, principles, measures of safety.

Проблема планомерного развития корпораций с учетом их социально-экономической безопасности в настоящее время является важной по нескольким причинам. С одной стороны, в государственные корпорации включено достаточно большое количество предприятий, научно-исследовательских организаций и коммерческих компаний, имеющих стратегическое значение для развития экономики страны. С другой стороны, некоторые корпорации обладают частично государственной собственностью, и от их функционирования бюджет получает доходы. Поскольку корпорации представляют собой достаточно неоднозначное явление в современной экономике, их деятельность до настоящего времени остается малоисследованной. Такая ситуация только затрудняет обеспечение социально-экономической безопасности многих корпораций. В связи с этим наибольшую популярность и актуальность обретает необходимость поиска новых путей и методов обеспечения безопасности корпорации, так как механизмы межсекторного взаимодействия в этом направлении работают на настоящий момент недостаточно эффективно.

В условиях экономики переходного периода предприятия, получившие самостоятельность,

столкнулись с необходимостью принципиально новых подходов к обеспечению собственной социально-экономической безопасности, что потребовало коренного преобразования всей системы защиты интересов. Социально-экономическая безопасность в условиях функционирования различных форм собственности – государственной, коллективной и частной – уже не может быть обеспечена силами только государственных правоохранительных органов. На сегодняшний день российские правоохранительные органы в силу разных причин утратили способность решать возложенные на них задачи, то есть профессионально защищать интересы предприятий и корпораций. Произшло это отчасти по причине бесконечного реформирования органов и общего паралича, наступившего в результате коррупции.

Недостаточная разработанность исходных положений теории безопасности во многом объясняется отсутствием понятийного аппарата и рассогласованностью в его интерпретациях. В настоящее время сложились научные школы, сформировались теоретические и методологические знания, позволяющие проводить научные исследования и разрабатывать методические и практические рекомендации по повышению социально-экономической безопасности корпораций. Проблема оценки социально-экономической безопасности в последнее время приобрела особую актуальность. Однако, несмотря на большой интерес к ней отечественных и зарубежных ученых и практиков, следует отметить, что существующие разработки посвящены, в основном, различным аспектам национальной и региональной безопасности и в значительно меньшей степени – вопросам безопасности корпораций. Только ряд крупных корпораций предпринимает попытки защиты своих интересов собственными силами¹.

При складывающейся на современном российском рынке обстановке рассчитывать на эффективную защиту своих жизненно важных интересов предприниматель может лишь при следующих двух условиях: если он способен организовать процедурно ориентированный процесс, который, прежде всего, должен быть направлен на лишение потенциального противника информации о производственных и торговых возможностях и намерениях предприятия, главным образом, путем выявления и устранения индикаторов (то есть демаскирующих признаков, каналов

утечки информации), связанных с планированием и осуществлением предпринимательской деятельности; если в этом процессе будут участвовать все служащие предприятия, а не только его служба безопасности².

Современные исследования показывают, что многие корпорации, заинтересованные в обеспечении собственной безопасности, вынуждены сегодня действовать в пространстве, где нет достаточной нормативной базы, регламентирующей деятельность службы безопасности. Нет перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, системного подхода к организации социально-экономической безопасности, взаимодействия, налаженного информационно-аналитического сопровождения мер безопасности, квалифицированных кадров, практически отсутствуют научно обоснованные и проверенные практикой механизмы и технологии обеспечения безопасности.

Социально-экономическая безопасность любой корпорации должна быть представлена комплексно (организационно-правовые, социально-экономические, технологические и административные меры). Безопасность корпораций зависит от разных причин. В частности, ущерб интересам предпринимателя может быть нанесен в результате недобросовестных действий конкурентов, невыполнения партнерами, заказчиками, поставщиками, клиентами своих обязательств по оплате контрактов, поставке товаров, а также кризисных явлений в экономике, непредсказуемых изменений конъюнктуры рынка, стихийных бедствий, чрезвычайных происшествий, управленческой некомпетентности, социальной напряженности и, наконец, неблагоприятной экономической политики государства.

Следует помнить, что обеспечение социально-экономической безопасности корпораций – весьма сложная проблема, требующая системного подхода. Социально-экономическая безопасность – это не кратковременная мера, а весьма сложная проблема, требующая комплексного и системного подхода, пролонгированного во времени и включающего в себя следующие взаимосвязанные направления: защита от преступного мира; защита от нарушений закона с тем, чтобы самим не попасть под санкции; защита от недобросовестной конкуренции; защита от противоправных действий собственных сотрудников³.

Факторы, влияющие на уровень безопасности предприятия, могут быть внутренними и внешними, экономическими и внеэкономическими, объективными и субъективными. К внешним источникам угрозы социально-экономической безопасности можно отнести: неблагоприятную для предприятия экономическую политику государства, недобросовестную конкуренцию, кризисные явления в мировой экономике. Внутренними факторами выступают: кражи, грабежи, разбой, мошенничество, вымогательство, взяточничество,

злоупотребление служебным положением, должностной подлог⁴.

Развитие цивилизованного общества всецело зависит от безопасности деятельности людей, от условий, при которых осуществляются меры, обеспечивающие эту безопасность. Необходимо отметить, что современный этап становления российской экономики сопровождается ускорением процессов криминализации, переделом собственности, сращиванием криминальных структур с реальной сферой экономики, с утратой региональными органами управления контроля за крупными корпорациями регионов. Корпоративный характер управления ограничивает возможности регионов в регулировании деятельности крупных компаний, холдингов, имеющих корпоративные привилегии⁵.

Структура обеспечения социально-экономической безопасности корпораций, на наш взгляд, может быть представлена взаимосвязью нескольких блоков, одновременное действие которых призвано обеспечить достаточную безопасность. В первую очередь, это отлаженное приоритетное взаимодействие корпорации с субъектами внешней среды. Результатом функционирования этого механизма являются поступление необходимых для организации процесса производства ресурсов и информации в соответствии с системой приоритетных интересов предприятия, минимизация затрат на приобретение ресурсов в необходимом количестве и должного качества.

Второй по значимости блок – создание и реализация условий, обеспечивающих экономическую безопасность предприятия. Эти условия определены исходя из критерия социально-экономической безопасности и ее уровня. В качестве важнейших условий, учитываемых в структуре механизма обеспечения экономической безопасности предприятия, выбраны минимизация затрат предприятия, адаптация к нововведениям.

И, наконец, третий и не менее важный блок – это социальная составляющая безопасности, то есть формирование условий, при которых сотрудники будут заинтересованы в нарастании прибыли корпорации, в которой они работают, неразглашении закрытой корпоративной информации. Выбор сотрудником преступного поведения зависит от той системы ценностных ориентации, взглядов и социальных установок, которые она исповедует.

При этом специалисты выделяют несколько критериев надежности персонала предприятия: профессиональная, психологическая и моральная надежность. Анализ конкретных случаев угроз безопасности фирмы со стороны ее сотрудников показывает, что возникают они чаще всего благодаря следующим причинам: низкая квалификация; моральная неудовлетворенность работой; вредные привычки и др. Мотивация труда и лояльность фирме всегда обусловлены множеством переплетающихся мотивов. Одним важен высокий заработок, другим – карьера, третьим – социальная

защищенность, четвертым – престиж или возможность заниматься творческой работой.

Результат эффективного функционирования данного механизма позволит избежать ряда ошибок, связанных с обеспечением физической защиты персонала и имущества предприятия, обеспечением информационной безопасности, защиты коммерческой тайны⁶.

Системный подход в решении задач социально-экономической безопасности состоит в том, чтобы контролировать и пресекать утечку информации, которая даст конкурентам возможность предугадать действия руководителей корпорации. На настоящий момент у нас недостаточно проработаны такие необходимые для эффективной реализации системного подхода критерии, как: законодательная база, регулирующая основные отношения в сфере бизнеса; государственная программа борьбы с распространяющейся коррупцией в национальной экономике; эффективная национальная статистика и контроль⁷.

Универсальных рецептов, позволяющих полностью обезопасить фирму от негативных действий собственных сотрудников, пока еще нет, как нет и средств обеспечения стопроцентной безопасности. Однако есть возможность максимально снизить эту опасность, держать ее под контролем и избежать нежелательных последствий. Это – осознанная, организованная, последовательная и целенаправленная кадровая политика, составляющая столь же необходимое условие нормальной работы корпорации. Эта политика базируется на трех основных принципах: разумном отборе персонала с помощью современных методов; продуманной и грамотно построенной системе вознаграждения и служебного роста; организационной культуре, поддерживающей в фирме климат взаимоотношений, благоприятный для совместной работы персонала⁸.

Подчеркнем, что противоправные и иные негативные действия кадровых сотрудников не всегда связаны непосредственно со структурами организованной преступности и промышленным шпионажем. Причинами подобных проявлений могут быть всевозможные конфликтные и иные отрицательные жизненные ситуации, как правило, материального или психологического порядка, средством выхода из которых избирается совершение противоправных деяний.

Социально-экономическая безопасность корпорации должна обеспечиваться с помощью следующих режимов: конфиденциальности и защиты объектов интеллектуальной собственности, что составляет информационную безопасность; физической охраны, то есть обеспечения фи-

зической безопасности имущества и персонала предприятия.

Обеспечение социально-экономической безопасности – очень актуальная на сегодня проблема не только для России, но и для европейского сообщества. С точки зрения системного подхода социально-экономическая безопасность корпораций должна быть непрерывной и плановой, то есть осуществляться путем разработки планов действий по обеспечению защищенности организации всеми компонентами его структуры. Однако главным и наиболее эффективным механизмом по-прежнему остаются экономические рычаги по возмещению ущерба и предотвращению негативных последствий для корпораций⁹.

Следует осознать, что обеспечение экономической безопасности хозяйствующего субъекта – весьма обширная проблема, включающая в себя комплекс организационно-правовых, технико-технологических, административных, воспитательных, финансовых и специальных мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение угроз и посягательств на стабильность функционирования и развития предприятия.

Примечания

- 1 См.: *Шаваев А. Г.* Безопасность корпораций. Криминологические, уголовно-правовые и организационные проблемы. М., 2006. С. 26.
- 2 См.: *Олейников Е. А.* Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. акад. РАН А. Г. Гранберга. М., 1998. С. 54.
- 3 См.: *Бойков А. А.* Системный подход как методологическая основа организации безопасности предпринимательской деятельности в современной России // Безопасность как фактор устойчивого развития региона: материалы общерос. межвуз. науч. конф. М., 2006. С. 66.
- 4 См.: *Демидова Е.* Враждебные поглощения и защита от них в условиях корпоративного рынка России // *Вопр. экономики.* 2007. № 4. С. 76.
- 5 См.: *Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е. А. Олейникова.* М., 2007. С. 34.
- 6 См.: *Бойков А. А.* Указ. соч. С. 66.
- 7 См.: *Мухитов Н. М.* Возможности управления административным ущербом для обеспечения гармоничного развития государственной корпорации // *Управление в государственных корпорациях: сб. М., 2011. С. 14.*
- 8 См.: *Шаваев А. Г.* Указ. соч. С. 78.
- 9 См.: *Козлова А.* Экономическая безопасность как явление и понятие // *Власть.* 2009. № 1. С. 14.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32:316.4.051.2

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

А. В. Логинов, Н. И. Шестов*

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск

*Саратовский государственный университет

E-mail: loginov77@rambler.ru, nikshestov@mail.ru

В статье исследуются проблемы методологического плана, связанные с практической применимостью отдельных циклически-волновых теорий и процессом создания теорий фундаментального типа. На основе проведенного анализа авторами предлагается синергетическая концепция политического цикла, оцениваются возможности ее применения в процессе политического анализа и прогнозирования.

Ключевые слова: фундаментальные теории, теории среднего уровня, синергетическая модель политических циклов, сетевая структура, политическое прогнозирование.

The Applications of the Political Cycle Concept with the Use of the Synergetic Approach

A. V. Loginov, N. I. Shestov

The paper presents the methodological problems related to the practicality of the particular cycle-wave theories and to the process of constructing a fundamental theory. Based on the performed analysis the authors propose the synergetic concept of political cycles and investigate the possibility of its use for the political analysis and forecasting.

Key words: fundamental theory, middle level theory, synergetic model of political cycles, network structure, political forecasting.

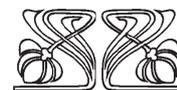
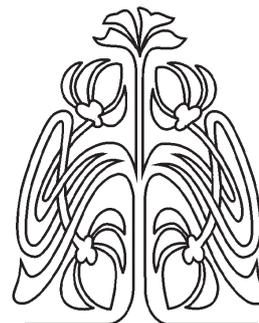
Одной из актуальных задач современной российской политологии является разработка теорий фундаментального типа, которые могли бы на уровне законов, закономерностей панорамно представить и объяснить, что происходит с российской модернизацией. В каком состоянии мы сегодня находимся и, главное, что нас ждет впереди?

На последних трех Всероссийских конгрессах политологов (октябрь 2006 г., ноябрь 2010 г., ноябрь 2012 г.) российские исследователи с завидной регулярностью констатируют, что период ученичества отечественной политической науки закончился, поэтому нужно выработать фундаментальные теории. Однако, несмотря на столь благие пожелания, эта проблема до сих пор не решается, она по-прежнему актуальна. Российский политологический дискурс сфокусирован преимущественно вокруг западных теорий или сосредоточен на стремлении использовать плоды русской политической мысли XIX–XX вв.

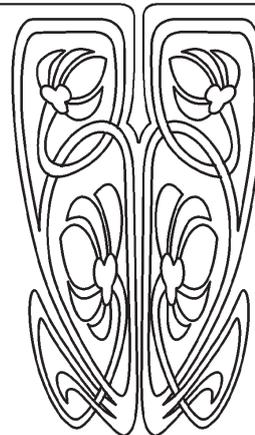
Не отрицая идеи преемственности научных изысканий, вместе с тем, можно констатировать условную применимость политических теорий, изложенных по отношению к иному политическому времени, а также теорий, предлагаемых в русле зарубежной традиции.

Таким образом, задача создания российских фундаментальных теорий поставлена, но не решается на протяжении длительного времени. Можем предположить, что причин этого несколько. Базовой причиной является низкая функциональность и практическая применимость предлагаемых в политической науке теорий.

Следовательно, основное требование – обязательное практическое приложение теоретических постулатов – реализуется далеко не всегда.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Другой причиной, очевидно, является тот факт, что когда создаются теории, любой их автор стремится повысить статус своей теории, ее значимость, функциональность. И он не всегда корректно определяет уровень концептуализации, поэтому зачастую наблюдается стремление создать как можно более широкую теорию, претендующую на фундаментальность, но на деле не являющуюся таковой.

Подобное стремление нередко приводит к тому, что, поставив задачу создания российских фундаментальных теорий, которые бы объясняли настоящее, а главное, будущее, исследователи берутся за решение задачи с обратного конца, то есть сразу с создания фундаментальных теорий. Можно, конечно, предположить, что часть российских исследователей по-прежнему руководствуется лозунгом либеральных реформаторов 1990-х гг. – «нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка», хотя в деле построения теорий фундаментального типа полезнее было бы взять за основу другой девиз – «при переходе большой реки нужно чувствовать камни».

Таким образом, не имея еще достаточного запаса теорий первичного и среднего уровня, мы сразу взялись за создание неких фундаментальных теорий. В результате то, что должно завершить общую картину, мы поставили в начало.

В процессе создания теорий фундаментального типа возникает немало соблазнов. Один из них – это стремление опереться на мудрость древних либо на аргументацию авторитетного исследователя. Взявшись «не с того конца», российские исследователи запали на стратегию легких решений, стратегию копирования уже имеющегося интеллектуального опыта (и древнего, и более нового).

Исследователей древности не вполне корректно критиковать за упрощенное видение уникальной политической реальности. Следует учитывать, что их политические представления были обусловлены сложившимся конкретным политическим укладом и социокультурным фоном того времени, когда предлагались соответствующие концепции¹. При анализе же современных концепций циклической динамики в политической науке будет большой ошибкой упрощенный подход, основанный на простой экстраполяции ранее предложенных циклических концепций на современную политическую реальность. Современные циклические теории должны всесторонне учитывать нарастающую сложность политической жизни в целом и политики в частности. Обнаруженные в рамках синергетики феномены случайности, сложности и необратимости постоянно должны приниматься во внимание при анализе политического процесса в рамках теорий, претендующих на фундаментальность.

И. Пригожин, И. Стенгерс в своей знаменитой книге «Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой» подчеркивали, что когда в науку «в

качестве объекта положительного знания входят случайность, сложность и необратимость, мы отходим от прежнего весьма наивного допущения о существовании прямой связи между нашим описанием мира и самим миром. Объективность... обретает более тонкое значение»².

Исследователи все чаще стали отмечать, что «линейно-эволюционистские парадигмальные схемы динамики политических систем, еще недавно столь популярные среди теоретиков модернизации и транзитологов, все нагляднее обнаруживают свою теоретическую несостоятельность и неадекватность современным мировым реалиям. За рубежом и в нашей стране появляется все больше работ, авторы которых основываются на различного рода волновых либо циклических концепциях политического развития. Вместе с тем с методологической точки зрения циклически-волновой подход к изучению политических изменений еще имеет немало слабых мест. В ряду наиболее острых проблем исследователи отмечают, во-первых, недостаточную разработанность критериев аналитического вычленения циклически-волновых процессов из всего многообразия социально-политических трансформаций, что нередко провоцирует острые дискуссии даже по поводу самого наличия соответствующих циклов; и, во-вторых, весьма скромные успехи политической науки в осмыслении причин и механизмов возникновения, относительно устойчивого воспроизводства и угасания подобных процессов в политической сфере. Иными словами, эти стороны политического до сих пор по большей части остаются скрытыми от взора исследователя»³.

Следует признать, что сегодня мы не имеем теории цикличности, которую бы можно было «приложить» к практике – политическому процессу в целом, к социальной или иной политике в частности. Проблема практической применимости теорий цикличности усугубляется еще и тем, что не достигнута необходимая степень инструментализации этих теорий, они малофункциональны, а некоторые из них вообще нефункциональны. В результате мы вынуждены пользоваться для нужд политологии экономическими, культурологическими и другими теориями, которые используют присущий их предмету научный инструментарий. Осознавая, что не совсем корректно инструментарий одной науки без корректировки автоматически использовать в другой науке, мы при этом не вполне осознаем, что речь идет даже не о фундаментальных теориях, а максимум о теориях среднего уровня.

В отличие от экономики, в политической сфере не все отношения носят овеществленный характер, и поэтому циклические модели в политике сложно верифицируемы. В результате цикличность может иметь совершенно разные временные режимы – одни скоротечны, другие более растянуты во времени. Отличие политических циклов в том, что часть из них характеризуется

более или менее четкими временными границами (например, электоральный цикл), но есть циклы, которые не вписываются в столь жесткие временные рамки (например, циклы политического развития). У последних также имеют место отдельные периоды условной протяженности, своя содержательная составляющая, и поэтому они могут протекать различно. Внутри этого цикла могут быть возвратно-поступательные циклы.

На основе комплексного анализа политического процесса нами была разработана циклическая модель (рисунок), состоящая из пяти стадий, которые гипотетически проходит политическая система: 1) *рождение* (созидание новых идей); 2) *рост* (распространение идей); 3) *зрелость* (реализация государственной идеи и стабилизация); 4) *подведение итогов* (унификация); 5) *переход* (накопление ресурсов и новый кризис).

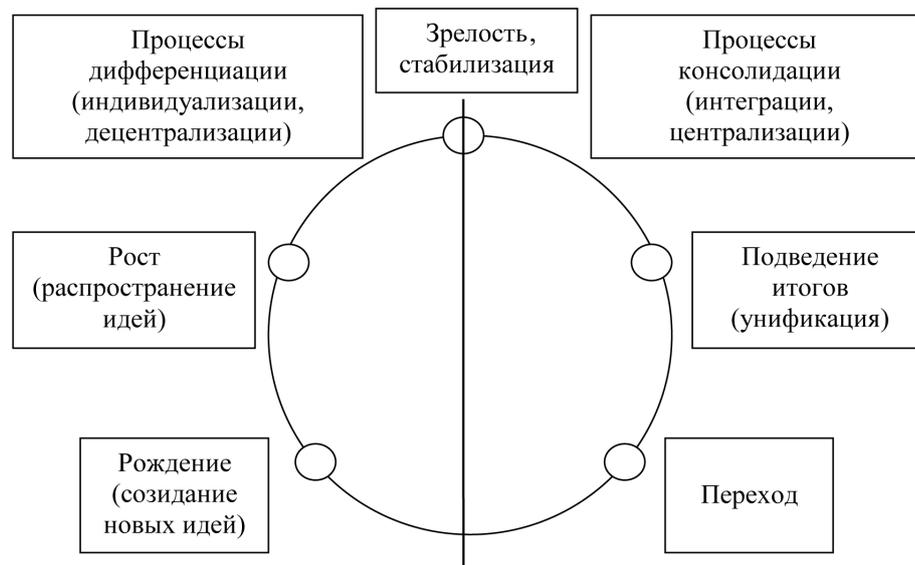

Схема циклического развития политической системы

Механизм функционирования политической системы в рамках представленной нами модели состоит в следующем. На каждом новом этапе развития система вбирает в себя весь опыт предыдущего этапа, ускоренно повторяя его в малом цикле, – в этом состоит преимущество развития. Схема же накопления опыта и перехода на качественно новый уровень повторяется – и в этом проявляется подобие. Предпосылки для перехода системы на следующий этап начинают формироваться внутри предыдущего и представляют собой результирующий вектор всего процесса функционирования системы на ранее пройденных этапах.

Схему циклического развития политической системы условно можно разделить на две относительно равные половины.

Предложенная нами выше схематическая конструкция исходит из диаметральной противоположности процессов развития политической системы в рамках начальных стадий (рождение и рост) и завершающих стадий (унификация и переход). При этом поворотной (переходной) точкой служит стадия стабилизации. На основе системного рассмотрения политических процессов в рамках описанной нами циклической конструкции мы пришли к выводу, что в процессе развития системы происходит чередование процессов *дифференциации* и *консолидации*, и наиболее четко эти процессы отслеживаются в рамках двух начальных и завершающих стадий.

При этом в данном случае речь идет не о резком переходе (скачке) системы от дифференциации к консолидации, а о плавном (преимущественно волнообразном) переходе. Одна из таких концепций – это концепция повышательных и понижающих волн Н. Д. Кондратьева⁴.

Так, повышательная волна соответствует процессам *дифференциации* в рамках предложенной нами модели. Если исходить из образных аналогий, то повышательную волну системы можно сравнить с «вдохом», когда происходит забор энергии. Многообразные процессы, в основе которых лежит дифференциация, соответствуют внутренней логике этого образа: обновление системы новыми идеями; вовлечение в мировое сообщество новых регионов, связанные с этим географические и другие открытия во многих сферах и множество подобных процессов. Если исходить из предложенной нами циклической конструкции, *сектор дифференциации* (см. рисунок) включает в себя: стадию *рождения политической системы нового типа* и сопутствующие этому процессы обновления институтов власти, активного политического лидерства, реализации возможностей для политического, экономического, культурного и социального разнообразия, а также сопровождающие эти процессы локальные конфликты; стадию *роста и распространения идей* и сопутствующие этой стадии процессы информационного обновления, развития идео-

логии, предложенной лидером, экономической экспансии, космополитизма и др.

Понижительная волна соответствует процессам *консолидации*. Если исходить из образных аналогий, то повышательную волну системы можно сравнить с «выдохом», или периодом отдачи энергии, использования ранее накопленного потенциала с целью получения системного результата. Многообразные процессы, характерные для консолидации, соответствуют внутренней логике этого образа: замедление инновационного обновления; эксплуатация ранее разведанных ресурсов; постепенное исчерпание системой внутренних возможностей для дальнейшего развития; процессы централизации и др. подобные процессы. *Сектор консолидации* (см. рисунок) включает в себя: стадию *унификации* и сопутствующие ей процессы автоматизации действующих механизмов, более ярко выраженного сплочения во всех сферах (унификации законодательства, монополизации), резкого уменьшения разнообразия жизненных укладов, глобализации, к концу цикла снижения управляемости в силу повышения кризисности развития во всех сферах; стадию *перехода* и сопутствующие этой стадии процессы: при грамотном использовании правящей элитой внутренних ресурсов предыдущих этапов цикла происходит максимальное накопление ресурсов и их использование для развития новой системы («богатое социальное государство»); при нарушении циклических принципов старая политическая система уходит в прошлое, активно разрушаясь.

Стадия *стабилизации*, как было отмечено выше, находится посередине, образуя поворотную точку между дифференциацией и консолидацией. Внутренняя логика этого цикла тесно связана с процессом системного «переваривания», реализацией сгенерированных на предыдущей стадии идей, это некая «точка образного равновесия», в рамках которой происходят фиксация достигнутого результата и одновременная стабилизация наблюдаемых на предыдущей стадии процессов.

Рассмотренная нами конструкция вполне применима и к процессам внутри мировой политической системы.

Мы полагаем, что локальные вооруженные конфликты нередко сопровождают процессы *становления* миросистемы в двух начальных стадиях в рамках повышательной волны, а наиболее масштабные военные конфликты, в которые нередко вовлекаются большие государства, происходят между стадиями унификации и перехода в рамках понижательной волны. На последнем цикле локальные вооруженные конфликты нередко обостряются, быстро множатся, в них вовлекаются большие государства. Подчас они приобретают глобальный характер.

В предложенной выше модели следует также обратить внимание на взаимосвязь *творческого принципа* и *принципа сохранения*. При описании концепции политического цикла мы обращали

внимание на две составляющие циклического развития, одна из которых определяется процессами дифференциации, другая – процессами консолидации.

Если в основе дифференциации лежит творческий принцип, то в основе консолидации находится принцип сохранения. Из данной схематической конструкции можно сделать вывод, что в процессе перехода системы к стадии унификации, когда мы наблюдаем вполне закономерный рост валового национального продукта, иных ресурсных возможностей государства, возникает и потребность в активизации творческих начал общества (отсюда запрос на инновационную деятельность). Для поддержания национальной безопасности важен фактор гармоничного соотношения творческого принципа и принципа сохранения. В условиях перехода системы на стадию унификации принцип сохранения становится ведущим.

На стадии рождения и роста системы мы наблюдаем процесс усиления влияния принципа творчества, нередко в ущерб принципу сохранения. Поэтому творческая идеология этого периода должна быть сбалансирована авторитарным (охранительным) началом. И наоборот, на стадии унификации и перехода доминируют рутинные практики принципа сохранения, и поэтому система нуждается в активизации творческого начала, духовной составляющей общественного развития. На стадии стабилизации мы, как правило, наблюдаем более или менее сбалансированное сочетание двух ведущих принципов развития. В данный период важны инновации в режиме политической преемственности. Одновременно с этим стадия стабилизации – это некая точка перехода от доминирования творческого принципа к доминированию принципа сохранения. Поэтому именно в этой точке закладываются дальнейшие стратегические тренды развития политической системы. На этой стадии необходимо создать творческий задел для дальнейшего гармоничного сочетания принципов творчества и сохранения.

Отдельно следует сказать о влиянии на политический процесс микропроцессов.

По мнению М. В. Ильина, «особой методологической задачей является разработка способов концептуализации смены ритмов, в т.ч. сохранения “старых” циклов в новой ритмике. Кроме того, возникает проблема сочетания (взаимоналожения, включения) циклов неодинакового масштаба и в силу этого неодинаковой природы: гиперциклов, мегациклов, макроциклов и, наконец, микроциклов. Весьма вероятно, что было бы удобнее по-разному использовать образы волн и циклов. Первые уместнее относить к повседневной политической динамике, вторые – к крупным этапам политической истории или даже к эволюционным ступеням политического развития»⁵.

Очевидно, что каждый цикл включает в себя микроциклы. Их природа та же, что и у больших циклов. Отличие в том, что по фактору времени,

если рассматривать относительно больших циклов, они более скоротечны. Пять аналогичных большим циклам микроциклов эволюционно (на уровне микропроцессов) подготавливают систему к более заметным мезопроцессам. Последние предопределяют макропроцессы. Эта схема замыкается в бесконечности. Поэтому вся длина «спирали развития» политических форм нашему взору не видна. Мы всегда можем наблюдать лишь какой-то отдельный ее отрезок. Именно локальный временной отрезок мы обычно и подвергаем комплексному политическому анализу.

Для большей достоверности результата важен учет больших отрезков спирали развития политической системы. Однако процесс выбора длины временного отрезка, как правило, определяется исследовательскими задачами. Фактор присутствия в циклах микроциклов нередко сбивает исследователя с правильного пути в процессе политического анализа ситуации. Поэтому можно предположить, что для грамотного отделения процессов микроцикличности от макроциклов необходимо последовательный анализ и тех, и других.

Поскольку любой цикл имеет свои ресурсные возможности и ограничения, соответствующие внутренней логике (или внутреннему принципу) цикла, то можно предположить, что также имеется определенная степень свободы выбора одного из вариантов дальнейшего развития системы. Такое пространство обычно открывается на стыке циклов, когда еще решение не принято, предпосылки не сложились и нужно удержаться от действия.

Гораздо сложнее управлять ситуацией, когда сформировались все необходимые предпосылки для перехода на следующий этап цикла. В этой ситуации уже явно вырисовывается сложившийся тренд, соответствующий одному из возможных сценариев развития ситуации. Когда же ситуация еще дальше развивается, то становится очевидным процесс уменьшения вариативности принимаемых решений.

На каждом таком временном переходе, вероятно, в какой-то мере возникает ситуация бифуркации. С позиций синергетики переходный момент – это область «вблизи точек бифуркаций». Состояние системной неустойчивости предоставляет возможность выбора из нескольких вариантов будущего развития системы. Так, характеризуя общие закономерности динамики систем, И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: «Траектория, по которой эволюционирует система при изменении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей вблизи точек бифуркаций, где перед системой открывается возможность выбора одного или нескольких вариантов будущего»⁶. Учитывая явление «вложенности» циклов, мы можем предположить, что состояние бифуркации характерно не только для цикла перехода системы от одного типа к другому (когда система приобретает новое качество), но и для ситуации перехода (без заметного

изменения ее качества) с одного этапа цикла на другой. Поэтому явление бифуркации мы можем наблюдать (хотя и недостаточно отчетливо) и на уровне микроциклов, которые подготавливают систему к более масштабным и очевидным для исследовательского взора сдвигам. Вероятно, в состоянии бифуркации, возникающем на стыке циклов, открывается пространство, когда становится возможным выбор одного из вариантов развития ситуации.

Любой из возможных вариантов дальнейшего развития всегда продиктован ведущим принципом (или внутренней логикой) того этапа цикла, к которому переходит система. Выбор одного из таких вариантов в какой-то мере связан и с процессом предыдущих (уже состоявшихся) выборов (элемент преемственности), а также с новым этапом цикла, на который переходит система.

Отсюда можно предположить, что при переходе на стыке этапов цикла всегда есть общая тенденция (или тренд), которая характеризует внутреннюю логику нового цикла, и несколько вариантов развития ситуации в рамках заданного циклического тренда. В каждом из имеющихся вариантов содержится сценарий дальнейшего развития ситуации. Последний формируется из сложения состояний подсистемных составляющих и циклического тренда. Для более точного прогноза необходим учет микро-, мезо- и макрофакторов, связанных с циклическими процессами соответствующего уровня. Последнее обстоятельство значительно усложняет процесс прогнозирования. Невозможность полного учета этих процессов приводит к тому, что точность любого прогноза всегда относительна.

В данной связи Н. Д. Кондратьев справедливо отмечал, что «проблема объяснения больших циклов на данной ступени знаний представляется необычайно трудной. Если мы не располагаем вполне разработанными методами простого обнаружения циклов, то, конечно, еще труднее дать их объяснение»⁷. Очевидно, это связано с тем, что предлагаемая исследователями методология не всегда органична состоянию эмпирической базы.

Таким образом, в настоящее время необходимо четко определиться с политологическим пониманием цикла. Очевидно также, что имеется целый ряд противоречий (несстыковок) между экономическим и политологическим, философским и политологическим пониманием цикличности, что, в свою очередь, требует разработки специфического политологического понятийного аппарата, связанного с цикличностью.

Многообразие концепций цикличности и моделей циклов, предлагаемых исследователями различных отраслей научного знания, далеко не случайно. Это связано с указанными выше противоречиями.

Модель цикла в политической сфере нередко принимает форму «гроверной шайбы», где «концы» цикла вроде бы сомкнуты, но в реальности

имеется очевидный *перекос (несовпадение)*, от которого, в свою очередь, берет свое начало новый политический цикл. Наша задача – объяснить феномен «перекоса» в начальных и завершающих фазах цикла, когда зачастую формируются отношения, диаметрально противоположные друг другу. В результате возникает конфликт, и в этом конфликте образуется источник нового цикла (меньшего или большего размера). То есть мы имеем не просто «диалектическую спираль развития», мы имеем цикл, который еще зачастую порождает ряд других циклов большего или меньшего масштаба. При этом циклы постоянно накладываются друг на друга, образуя сложную ткань, имеющую «сетевую» структуру.

Циклическая сетевая структура имеет все признаки системности, она образует «ткань» политического пространства в форме «кольчужной сетки» или «кольчатого доспеха», который сплетен из железных колец и выполняет защитные функции. В кольчуге представлены кольца с разрывами, но, несмотря на это, при обычных обстоятельствах она сохраняет свою прочность и относительную эластичность. При наличии определенной совокупности обстоятельств прочность утрачивается. Это происходит, когда рядом находятся два кольца с разрывами и в эту точку наносится удар стрелой или копьем.

То есть речь применительно к нашему объекту исследования идет о том, что предьявляется внешний или внутренний «вызов» национальной политической системе, который провоцирует некую катастрофичность в динамике политического процесса. Благодаря мощному и направленному действию прочная «кольчужная сеть» рвется в определенном месте. При этом рвется самая прочная кольчуга, поэтому их в древности плели в два-три ряда, чтобы минимизировать варианты совпадения зон склепки у колец.

Если и дальше использовать образные аналогии, то саму политику по выполняемым функциям можно уподобить «щиту». Если рассматривать культуру как некий «защитный панцирь» или слой, то политика будет выполнять функцию «щита», за которым может укрыться легионер. Ключевой вопрос формулируется так: *может ли достойно противостоять внешним и внутренним вызовам современный «щит российской политики» в той конфигурации «кольчужной сетки», которая у политической системы сейчас имеется?*

Внутренние механизмы этого процесса в определенной мере можно объяснить, используя законы синергетики и теории сетевого общества. «Кольчужная сетка» может сжиматься, растягиваться, и вот этот момент эластичности хорошо описывается в критериях синергетики.

Поэтому одна из центральных задач нашего исследования состоит в том, чтобы разработать и предложить синергетическую модель политических циклов и попытаться объяснить с точки зрения синергетики и ряда других теорий, каким

образом большие и малые циклы, имея собственную динамику, «сплетаются» в эту общую «сеть»; попытаться показать, каким образом происходят «совмещения колец» и какие политические действия, решения следует предпринять, чтобы не допустить разрывов, предотвратить катастрофичность в динамике политического процесса.

Большие и малые циклы – это некая сетевая структура, состоящая из элементов (отдельных циклов), причем каждый из них вполне самостоятелен и самодостаточен. Взаимодействие этих циклов, моменты их наложения друг на друга мы зачастую даже не замечаем, а начинаем замечать, когда весьма прочная «кольчужная ткань» по какой-то причине разрывается.

Можно использовать предложенную выше синергетическую модель политических циклов также и в глобальном аспекте. В политическом пространстве каждая страна, каждый регион, каждый этнос, каждая элитарная группа – это своего рода «кольцо, вплетенное в общую сеть», и все они вращаются по собственным траекториям. Бывает так, что какие-то «разрывы» у этих колец совпали, и вот тут наблюдается упомянутая выше катастрофичность в динамике политического процесса и прочная «ткань» политической системы «рвется».

Еще одна из задач нашей работы заключается в том, чтобы продемонстрировать возможности предложенной в работе методологии при анализе политического процесса в целом, сделав акцент на этапах цикла и его сетевой структуре, и социальной политики в частности. Для этого считаем необходимым включить социальную политику в свой объяснительный блок.

Основываясь на тезисе, что современная политика – это сетевая политика, мы полагаем, что для анализа ее функционирования нужна разработанная концепция, апеллирующая к сетевым образам, к сетевой логике. Если сама реальная политика представляет собой «кольчужную сетку», то социальная политика в нее вплетена как «большое кольцо». Но в этом кольце есть еще свое внутреннее плетение. Основная цель анализа – показать ее внутреннюю структуру и определить возможные «точки разрывов».

Предложенная выше синергетическая модель политических циклов имеет определенный выход на практику через сферу политического прогнозирования. Если мы при помощи синергетики этот образ приведем в некое логическое состояние, то есть объясним эти моменты сжатия, растяжения, деформации циклов, то тогда сможем с помощью этой системы составить прогноз развития политической ситуации на перспективу. При этом следует учитывать многофакторность и сложность современной политики.

Центральная задача в рамках предложенной выше циклической конструкции и методологии – попытаться обнаружить в структуре политического пространства и в структуре политического

времени на основе анализа имеющегося эмпирического материала те критические зоны, где «кольца» российской политики попадают «спайками» друг напротив друга, сделав акцент на возможной катастрофичности подобного сценария и его последствиях.

Примером практического применения данной методологии может быть анализ состояния социальной политики путем выделения потенциально критических для политической системы участков цикла.

Так, например, если рассматривать современную социальную политику России, то внутренними циклами в ней будут: 1) цикл, связанный с мобилизацией общественных ресурсов; 2) цикл, ориентированный на удовлетворение потребительских интересов общества.

Данная сетевая структура до определенного момента достаточно функциональна. Помимо прочих факторов это становится возможным благодаря тому, что цены на природные ресурсы весьма высоки и у государства по-прежнему имеются необходимые и достаточные материальные активы. В результате «сеть социальной политики» сохраняет свою прочность и эластичность. При этом упомянутым выше циклам удастся благополучно «проскакать» критические точки возможных «разрывов».

Однако если предположить, что в определенный момент «спайки колец» оказываются друг напротив друга, то внешний вызов может спровоцировать необратимую катастрофичность национальной политической системы. Например, произойдет очередная революция в нефтедобывающей стране или, наоборот, ситуация стабилизируется и цены на нефть упадут. И в какой-то момент окажется, что государство, набрав большой объем социальных обязательств, не в состоянии будет их выполнить. Это как раз та ситуация, когда две «спайки колец» оказываются друг напротив друга.

Подобная ситуация наблюдалась на стадии распада СССР, когда огромные социальные программы были «завязаны под нефтяную трубу»; и как только в мире началось падение цен на нефть, во многом спровоцированное искусственно нашими геополитическими противниками, – удар был нанесен в эту «спайку колец», и вся «кольчужная сетка», «броня» советской власти быстро «расползлась». В этот период многие элементы «политической сети», которые, подобно циклическим

структурам, ранее двигались в фоновом режиме по своим траекториям (например, региональные элиты, которые раньше были в одной «сетке» с федеральной элитой), сами стали «распаивать» национальную политическую сеть. В результате страна столкнулась с сепаратизмом, который выразился в так называемом параде суверенитетов. Эта ситуация характеризовалась тем, что региональные элиты фактически стали функционировать в самостоятельном циклическом режиме.

Приведенный выше пример применения предложенной нами методологии свидетельствует об ее эмпирических возможностях. Мы осознаем, что представленная здесь теоретическая модель имеет определенные противоречия. Вместе с тем ее достоинством является попытка всестороннего учета феноменов случайности, сложности и необратимости, что вполне соответствует современным представлениям синергетики. Помимо этого в ней принимается во внимание и сетевой характер современной политики. Последовательная разработка данной методологии позволит преодолеть схематизм и описательность в процессе политического анализа, создать необходимую основу для разработки теорий фундаментального типа.

Статья опубликована при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 12-03-00211 «Политическая циклистика и систематика: проблемы методологии и практического применения»).

Примечания

- 1 См.: Логинов А. В. Теория циклов в политических учениях IV– начала XIX века // Экономическая история. 2012. № 3. С. 62–71.
- 2 Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой : пер. с англ. / под общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова : 6-е изд. М., 2008. С. 59.
- 3 Волны и циклы политического развития. Заочный круглый стол // Полис. 2002. № 4. С. 18.
- 4 См.: Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002.
- 5 Ильин М. В. Волны памяти versus сюжеты развития // Полис. 2002. № 4. С. 35.
- 6 Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 227–228.
- 7 Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Указ. соч. С. 387.

УДК 321.015

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЛАВЫ РЕГИОНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Р. Ф. Гарипов, О. И. Зазнаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: political.science@mail.ru

В статье с политологических позиций анализируются меры и основания политической ответственности главы российского региона в контексте возврата к прямым выборам высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, рассматривается соотношение между политической и конституционной ответственностью главы региона. Дается авторское видение проблемы привлечения высшего должностного лица субъекта РФ к политической ответственности.

Ключевые слова: политическая ответственность, конституционная ответственность, субъект Российской Федерации, высшее должностное лицо, организация государственной власти, законодательный (представительный) орган.

The Political Responsibility of a Head of Region in Contemporary Russia

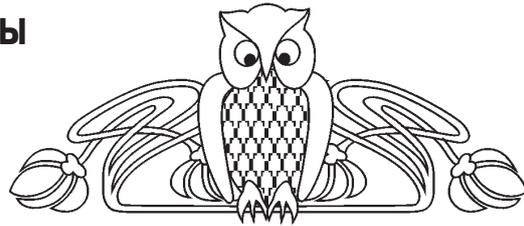
R. F. Garipov, O. I. Zaznaev

In article from political science positions punishments and bases of political responsibility of a head of Russia's regions are analysed in the context of the return of direct elections of the supreme officials of the subjects of the Russian Federation. The interrelation between political and constitutional responsibility are considered. The article gives the authors' view on the problem of political responsibility of supreme officials in Russia.

Keywords: political responsibility, constitutional responsibility, subject of the Russian Federation, supreme official, organization of state power, legislative body.

В 2012 г. на федеральном уровне были пересмотрены концептуальные основы политического статуса руководителя субъекта Российской Федерации. Произошел возврат к прямым выборам глав российских регионов, вновь появилась возможность их отзыва избирателями, были изменены положения, касающиеся оснований и порядка их смещения с должности. Тем самым актуализировался вопрос о политической ответственности губернаторов перед федеральным центром, регионом и гражданами. Анализ этой проблемы посвящена данная статья. Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, что представляет собой сегодня в России политическая ответственность главы региона, в каких формах она реализуется, как соотносится с конституционной ответственностью и что нужно сделать для ее оптимизации.

Прежде чем говорить об ответственности главы региона, необходимо определиться с самим понятием политической ответственности. Несмотря на частое использование в научной литературе и политической практике понятия «политическая

ответственность», единого взгляда на то, что представляет собой эта категория, нет. Одни авторы говорят о тождестве политической и юридической ответственности, что находит свое выражение, в частности, в концепции «политизации» конституционно-правовой ответственности¹. Другие рассматривают политическую ответственность как самостоятельный вид социальной ответственности, имеющей отличительные особенности². Последняя позиция нам представляется справедливой: политическую и юридическую ответственность следует разграничивать.

Основанием юридической ответственности является негативная оценка деятельности субъектов с позиции права, в то время как основанием политической ответственности – оценка с позиции политической целесообразности (например, выражение недоверия правительству парламентом, отзыв депутата). В монографии «Ответственность по советскому законодательству», ставшей классической в теории юридической ответственности, ее авторы М. Х. Фарукшин и И. С. Самощенко справедливо пишут о том, что политическая ответственность наступает в связи с нарушением политических норм, политических принципов, несоблюдением политических программ партий³, а конституционная ответственность – в связи с нарушением правовых норм (например, отстранение от должности президента за нарушение Конституции).

Субъектами политической ответственности являются не только государственные органы и должностные лица, но и политические партии, политические лидеры⁴. Действительно, в условиях демократии правящая партия политически ответственна перед избирателями, которые на очередных выборах путем голосования будут оценивать ее деятельность за время нахождения у власти. Еще один важный момент, различающий два вида ответственности, заключается в том, что политическая ответственность «наступает не только за виновные действия, но и за неумелость, опрометчивость, колебания и т. д.»⁵. Действительно, политическая ответственность отличается от конституционной тем, что для ее осуществления не требуется вины. Если президент отправляет правительство или министра в отставку по политическим соображениям, то «вины» правительства или министра не требуется: государственный служащий высшего ранга «виноват» во всем, что

связано так или иначе с его деятельностью, даже если обывателю кажется, что он «не виноват». Разграничение конституционной и политической ответственности важно и с практической точки зрения: необходимо избегать превращения конституционной ответственности из правового института в инструмент политической борьбы.

Проблема политической ответственности чрезвычайно остро стояла в СССР и стоит сегодня в России и постсоветских странах⁶, когда ошибочные решения и просчеты в политике не стали основаниями для смещения лидеров со своих постов. На региональном уровне сегодня также важно обеспечить реализацию принципа политической ответственности акторов, среди которых наиболее значимый – глава региона.

Под политической ответственностью высшего должностного лица субъекта Федерации мы понимаем его обязанности претерпеть определенные неблагоприятные последствия за свои действия и бездействия, связанные с осуществлением им государственной власти⁷. Политический компонент этого понятия связан, прежде всего, с профессиональной деятельностью главы региона, исходя из чего, основанием такой ответственности является нарушение порядка осуществления государственно-властных полномочий. При этом, в отличие от юридической ответственности, неблагоприятные последствия для руководителя субъекта Федерации наступают не за нарушение правовых норм, а за неисполнение политических предписаний, например, в случае отрешения его от должности в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации или выражением недоверия со стороны законодательного органа региона.

Политические обязанности главы региона не могут быть прописаны в законе, а значит, иметь установленные государством меры их исполнения, поскольку формируются и осуществляются в процессе реализации государственной политики. Справедливо, что действующее законодательство не вмешивается в данную область, оставляя на усмотрение уполномоченных субъектов (Президента Российской Федерации, законодательного органа субъекта Российской Федерации)⁸ негативную или позитивную оценку политической деятельности губернатора. Выражение недоверия является субъективным актом, зависящим от качества работы главы, его политической ориентации в реализации указаний и рекомендаций правящей власти, совпадения его политических предпочтений с федеральным центром по базовым вопросам развития подведомственной ему территории и т. п. С другой стороны, неопределенность законодательных формулировок может превратить утрату доверия в политический инструмент воздействия на высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации.

Сегодня высшее должностное лицо субъекта РФ не по своей воле прекращает свои полномочия в следующих случаях (за скобками мы оставляем

иные случаи отставки, не связанные с инициативой субъектов права, такие как смерть, отставка по собственному желанию, признание судом недееспособным или частично дееспособным и другие, указанные в федеральном законодательстве):

– отрешение его от должности Президентом РФ в связи с выражением ему недоверия со стороны регионального парламента как за ненадлежащее исполнение им своих обязанностей, так и в связи с изданием им актов, противоречащих закону, или иным грубым правонарушением, если это повлекло за собой массовое нарушение прав и свобод граждан;

– отрешение его от должности Президентом РФ в связи с утратой доверия Президента РФ, при этом основаниями для утраты доверия являются выявление в его отношении фактов коррупции или неурегулирование конфликта интересов;

– отзыв его избирателями на основании нарушения им законодательства, неоднократного грубого без уважительных причин неисполнения им своих обязанностей, установленного судом.

Рассмотрим эти меры ответственности губернатора подробнее и определим, к какому типу ответственности они относятся – юридической (конституционной) или политической.

Законодательное собрание субъекта Федерации вправе выразить недоверие региональному главе «за ненадлежащее исполнение им своих обязанностей». Хотя понятие «обязанность» является юридическим понятием, все же следует констатировать, что это основание синонимично обычному политическому основанию – «за плохую работу», поскольку оценку губернатору «ставит» региональный парламент «на глазок», без юридической экспертизы. Однако два обстоятельства снижают эффективность недоверия законодательного собрания. Первое – наличие «санкции» со стороны Президента РФ. Согласно закону решение регионального парламента направляется на рассмотрение Президента Российской Федерации для решения вопроса об отрешении регионального лидера от должности, то есть последнее слово остается за президентом. Второе – расклад политических сил на уровне регионов, в большинстве которых доминирующие позиции в парламенте занимает одна партия.

В этих условиях не спасает положения другое основание недоверия региональному главе – издание им актов, противоречащих закону, или иное грубое правонарушение, если это повлекло за собой массовое нарушение прав и свобод граждан. Нет сомнения в том, что эта форма ответственности является юридической и не связана с оценкой текущей деятельности губернатора на своем посту.

На наш взгляд, не вполне понятно наличие в законе такого основания для отрешения от должности Президентом РФ регионального лидера, как выявление в его отношении фактов коррупции. Безусловно, наличие таких фактов должно вести к

немедленному реагированию правоохранительных органов, возбуждению уголовного дела и привлечению к уголовной ответственности. Однако обращает на себя внимание то, что Президент РФ выражает недоверие главе без вступления в законную силу приговора суда. Получается, что фактам коррупции регионального главы не дана надлежащая юридическая оценка, и о них Президент Российской Федерации узнает по сообщениям средств массовой информации, мнениям других политиков, жалобам населения и т. п. Определяющим в применении «коррупционного основания» отрешения от должности главы региона является не доказанные факты коррупции, а мнение Президента России о *возможных* коррупционных составляющих в деятельности руководителя субъекта РФ.

Получается, что недоверие главы Российского государства становится формой признания коррупции главы региона и не требует правовых оснований, несмотря на то, что коррупция является видом уголовно наказуемого деяния и предполагает неотвратимость наказания. Президент Российской Федерации не должен аргументировать юридически отрешение главы региона от должности, что автоматически, если следовать логике закона, приравнивается к наличию коррупционного факта в деятельности руководителя субъекта Федерации. Поэтому, по нашему мнению, принудительное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации Президентом РФ в случае выявления в отношении него фактов коррупции следует считать мерой не юридической, а политической ответственности. Юридическая ответственность главы региона наступает тогда, когда он за «факты коррупции» (соответствующим образом квалифицированные) будет нести уголовное наказание.

Действующее законодательство позволяет Президенту Российской Федерации высказывать недоверие руководителю субъекта Федерации не только за его участие в коррупционной деятельности, но и за неурегулирование конфликта интересов⁹. В этой связи в законе обнаруживается логическое противоречие. С одной стороны, сам факт коррупции, послуживший основанием высказывания недоверия к главе региона, может не иметь юридического содержания. С другой стороны, конфликт интересов, базирующийся на коррупционной деятельности, должен строго соответствовать правовым критериям, закрепленным в специальном законодательстве. К таковым относятся само понимание конфликта интересов и юридические обязанности соответствующих лиц, в том числе главы региона, в их предупреждении и разрешении. Ключевой особенностью подобных конфликтов выступает личная заинтересованность государственного или муниципального служащего в получении доходов и иных материальных благ при осуществлении своей профессиональной деятельности. Это означает, что при реализации такого конфликта имеет место факт коррупции.

Глава региона, являясь одновременно главой исполнительной власти в субъекте Российской Федерации, обязан не допускать конфликта интересов подчиненных ему должностных лиц и государственных служащих. Вполне очевидно, что знать о наличии подобных конфликтов руководитель региона фактически не в состоянии и перекладывает данную функцию на глав соответствующих органов и подразделений в системе исполнительной власти субъекта Федерации. В свою очередь, должностные лица, которые непосредственно должны исполнять такое поручение главы региона, в силу обширности штата региональных государственных служащих определяют конкретных лиц, которые в конечном итоге и должны контролировать подобное явление. Любая халатность в одном из элементов такой системы антикоррупционного контроля является основанием для смещения главы региона с занимаемой им должности даже при том обстоятельстве, что он не мог физически предотвратить конфликт интересов. На наш взгляд, логичнее было бы понимать норму о конфликте интересов как явное наличие конфликта интересов главы региона с третьими лицами при наличии вины губернатора в неурегулировании такого конфликта. В этом случае, на наш взгляд, данное основание отвечало бы принципу справедливости в привлечении главы региона к ответственности. Вместе с тем в настоящее время конфликт интересов выступает, на наш взгляд, политическим основанием для лишения высшего должностного лица субъекта Федерации полномочий.

Сегодня полномочия главы региона могут быть прекращены также в связи с отзывом его избирателями. Действующий закон указывает на основания, позволяющие применить данную меру: нарушение региональным главой законодательства, неоднократное грубое без уважительных причин неисполнение им своих обязанностей, установленное судом. Обращает на себя внимание то, что нарушения, которые служат отправной точкой для инициирования процедуры отзыва губернатора избирателями, должны быть подтверждены судом. По нашему мнению, такие нарушения можно считать серьезными уже в силу того обстоятельства, что они становятся предметом судебного разбирательства. Поэтому говорить о политической составляющей при реализации отзыва избирателями, следуя логике федерального законодательства, нельзя.

Субъект Федерации обязан принять свой закон об отзыве высшего должностного лица региона. Однако в законодательстве не вполне точно сформулирована возможность субъектов Федерации устанавливать дополнительные основания для отрешения от должности главы региона. Обладают ли регионы самостоятельностью при формулировании оснований для отзыва высшего должностного лица субъекта Федерации избирателями? Или обязаны дублировать в собственном

законодательном акте указанные на федеральном уровне два основания? Текст закона № 184-ФЗ дает возможность ответить на эти вопросы двояко.

В европейской практике отзыва избирателями должностных лиц основной акцент делается не на допущенных ими нарушениях законов, а на игнорирование с их стороны собственных предвыборных программ и политических обещаний. Это в полной мере согласуется и с природой, и с назначением института отзыва, поскольку именно избиратели, а не государственные органы способны объективно оценить эффективность политической деятельности избранного ими должностного лица. В России же федеральное законодательство предписывает начинать процедуру отзыва при правонарушениях главы региона. Но очевидно, что для такого рода процедуры участие избирателей не нужно.

По нашему мнению, институт отзыва главы региона избирателями имеет смысл только в том случае, если избиратели выражают свое недовольство работой губернатора, не дожидаясь очередных выборов. Это особенно важно в контексте существования сильного губернаторства в России, слабых региональных парламентов и их зависимости от одной партии¹⁰. Однако действующее федеральное законодательство ставит избирателей в зависимость от решений судебных органов по вопросам установления основания для отзыва руководителя региона.

В свете изложенного, по нашему мнению, целесообразно при принятии на региональном уровне законодательных актов об отзыве избирателями главы региона устанавливать дополнительные политические основания, среди которых обязательно должно присутствовать несоответствие деятельности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации своей предвыборной политической программе. При этом данное основание не должно быть поставлено в зависимость от усмотрения судебных органов, поскольку является исключительной прерогативой избирателей.

Таким образом, следует констатировать, что на региональном уровне происходит подмена юридической ответственности политической (при выражении недоверия со стороны регионального

парламента в случае выявления в отношении руководителя субъекта Федерации фактов коррупции или неурегулирования конфликта интересов), а также отмечается нехватка политического основания для отзыва губернатора избирателями. Следовательно, существует «коридор возможностей» для оптимизации ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Примечания

- ¹ См.: *Авакьян С. А.* Конституционная нелегитимность. Опус первый : исход Конституционного Суда РФ из столицы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 1. С. 2 ; *Кондрашев А. А.* Позитивная ответственность органов государственной власти в конституционном законодательстве Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 8. С. 7 ; *Кузько А. В.* Политический характер конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14. С. 31–34.
- ² См.: *Ишеев К. А.* Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации / под ред. П. П. Сергуна. Саратов, 2010. С. 28 ; *Липатов Э. Г.* Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества / под ред. В. В. Володина. Саратов, 2009. С. 85.
- ³ См.: *Самощенко И. С., Фарукишин М. Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 34.
- ⁴ Там же. С. 35.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Зазнаев О. И.* Дефекты форм правления стран СНГ // Политэкс. 2008. № 4. С. 7–17.
- ⁷ См.: *Гарипов Р. Ф.* Деликтоспособность как правовая категория / под науч. ред. О. И. Зазнаева. Казань, 2011. С. 22.
- ⁸ См.: Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005 ; 2012. № 19, ст. 2274.
- ⁹ Там же. П. п. «г» п. 1 ст. 19.
- ¹⁰ См.: *Зазнаев О. И.* Организация государственной власти в Республике Татарстан : проблемы и противоречия // Политэкс. 2010. № 2. С. 14–16.

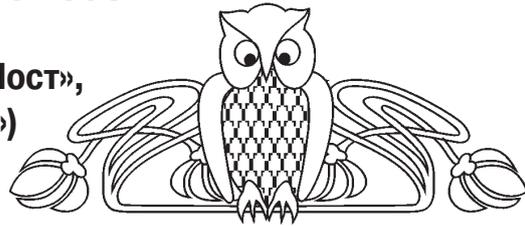

УДК 321.015

ЭФФЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ АУДИТОРИИ (на примере освещения «Акта Магнитского» газетами «Вашингтон Пост», «Лос-Анджелес Таймс» и «Нью-Йорк Таймс»)

А. А. Казаков

Саратовский государственный университет
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Статья посвящена тому, как ведущие печатные издания США – «Вашингтон Пост», «Лос-Анджелес Таймс» и «Нью-Йорк Таймс» – использовали механизмы установления повестки дня и фрейминга при освещении так называемого акта Магнитского.

Ключевые слова: акт Магнитского, установление повестки дня, фрейминг, «Вашингтон Пост», «Лос-Анджелес Таймс», «Нью-Йорк Таймс».

Media-effects Used by «The Washington Post», «The Los-Angeles Times» and «The New-York Times»: a Case of a So-Called «Magnitsky Act»

A. A. Kazakov

This article is about the ways how the leading American newspapers – «The Washington Post», «The Los-Angeles Times» and «The New-York Times» – used agenda-setting and framing-effects while covering Russian-American relations after a so-called «Magnitsky Act» had been passed.

Key words: Magnitsky Act, agenda-setting, framing, «The Washington Post», «The Los-Angeles Times», «The New-York Times».

Самым резонансным событием в рамках российско-американских отношений конца 2012 – начала 2013 г., безусловно, стал конфликт, инициированный принятием так называемого акта Магнитского. Фамилия этого умершего еще в 2009 г. человека стала вдруг едва ли не самой часто упоминаемой в прессе. В каком контексте С. Магнитский фигурировал в отечественном медиа-пространстве, более или менее известно. Куда меньше информации о том, как трактовалась история его смерти в США.

Чтобы разобраться в этом, мы решили проанализировать содержание публикаций одних из самых влиятельных американских ежедневных газет: «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс» и «Лос-Анджелес Таймс». Проанализировать сквозь призму эффектов массовой коммуникации на политическое сознание аудитории. Заметим, что на сегодняшний день подобный исследовательский ракурс более развит в западной, прежде всего американской, политической науке. Одна из немногих отечественных работ, в которых хотя бы косвенно затрагивается данный сюжет, принадлежит перу признанного специалиста в сфере политической коммуникативистики М. Назарова¹. В ней российский ученый со ссылками на своих

западных коллег дает краткую характеристику таким концепциям эффектов массовой коммуникации, как установление пунктов повестки дня, «спираль молчания», теории информационного дефицита, модель зависимости эффектов массовой коммуникации и подход «полезности и удовлетворения потребностей»².

Исходя из целей данного исследования, считаем целесообразным использовать упомянутый выше концепт повестки дня, а также модель фрейминга.

Теория установления повестки дня начала разрабатываться еще в шестидесятые годы прошлого века³. Однако свое логическое завершение подобный подход к роли средств массовой информации в формировании общественного сознания нашел в работах М. МакКомбса и Д. Шоу. Основываясь на результатах проведенного ими в городе Чапел Хилл (Северная Каролина) социологического исследования, ученые сформулировали теорию установления повестки дня. Ее суть заключается в том, что именно массмедиа определяют значимость политических событий и формируют перечень наиболее важных для социума тем – общественную повестку дня. Иными словами, люди узнают о происходящем в мире политики преимущественно из средств массовой информации и определяют значимость конкретных событий, исходя из того, какое внимание уделяется им со стороны массмедиа⁴.

Фрейминг (от англ. *frame* – рамка; формулировать) представляет собой процесс, в ходе которого средства массовой информации, пытаясь сделать изложение материала более понятным для собственной аудитории, иногда намеренно упрощают суть описываемых событий, опускают отдельные якобы несущественные подробности и предлагают собственные, не всегда объективные трактовки и интерпретации. В отличие от процесса установления повестки дня, фрейминг предполагает, что воздействие на аудиторию в требуемом для автора коммуникационного сообщения направлении осуществляется не вследствие увеличения частоты упоминания той или иной «темы», а за счет определенных терминологических и семантических особенностей ее преподнесения⁵.

Отбор публикаций для последующего анализа на предмет наличия в них фрейминг-эффектов и влияния данных медиа-текстов на установление повестки дня осуществлялся следующим образом. На официальных сайтах «Вашингтон Пост», «Лос-Анджелес Таймс» и «Нью-Йорк Таймс» в строках поиска мы писали *Magnitsky* и отбирали из всего массива найденных по данному запросу материалов лишь те статьи, что были опубли-

кованы в печатных версиях этих газет в период с 16 ноября 2012 г. (когда так называемый акт Магнитского был принят Палатой представителей американского Конгресса) по 16 января 2013 г. включительно. В итоге получили, что в общей сложности за два месяца в трех названных газетах вышло 42 публикации, в которых хотя бы раз упоминалась фамилия скончавшегося в Бутырской тюрьме адвоката (рис. 1).

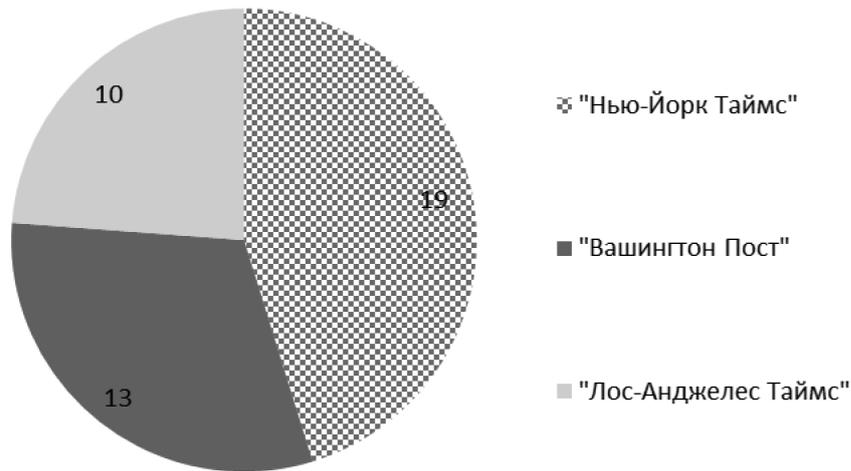

Рис. 1. Распределение отобранных статей по газетам (шт.)

Как видим, больше других к интересующей нас тематике обращалась «Нью-Йорк Таймс», на долю которой пришлось чуть менее половины всех статей о «деле Магнитского». Количественный анализ отобранных материалов показал также

и то, что данное издание не только чаще двух других касалось этого сюжета, но и в среднем каждый раз уделяло ему чуть больше внимания. Объем этого внимания мы посчитали возможным измерить в знаках (рис. 2).

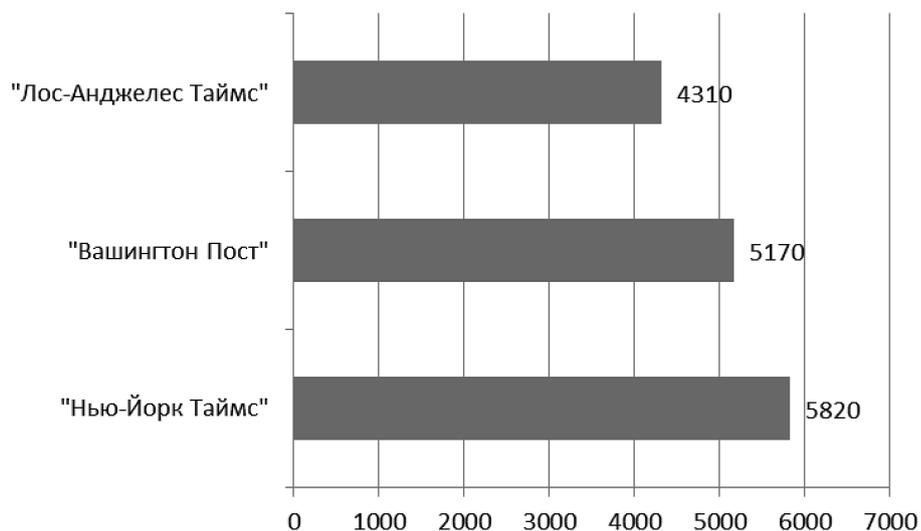

Рис. 2. Средний объем статей с упоминанием С. Магнитского (в знаках)

На протяжении двух месяцев – с момента принятия законопроекта нижней палатой американского парламента и до окончательного прояснения параметров российского «ответа» – статьи

с упоминанием С. Магнитского выходили не равномерно, а своеобразными «волнами», которые были вызваны отдельными информационными поводами (рис. 3).

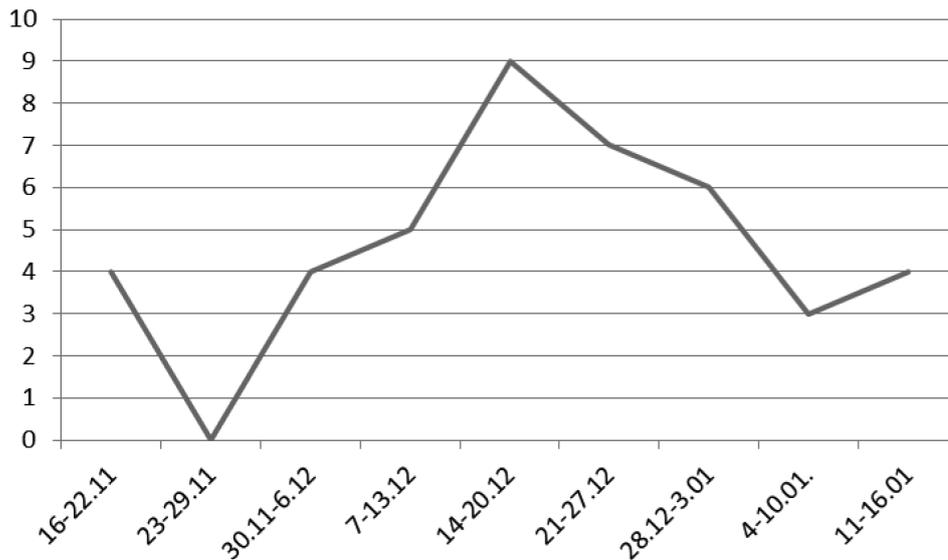

Рис. 3. Динамика количества статей с упоминанием «акта Магнитского» (шт. за неделю)

Так, первый всплеск внимания к данному сюжету был связан с самим фактом принятия законопроекта Палатой представителей. В тот момент (16–22 ноября) читателям объяснялось, кто такой С. Магнитский и в чем суть законопроекта, названного его именем⁶. Вторая (самая мощная) волна захлестнула собой практически весь декабрь и в основном была посвящена описанию реакции Москвы на подписанный Б. Обамой закон⁷. Наконец, третий наплыв публикаций пришелся на период с 6 по 14 января, когда большинство статей с упоминанием Магнитского касались прошедших в российской столице уличных акций несогласных с «законом Димы Яковлева»⁸. Вообще, необходимо отметить, что как только Москва заявила о готовности отреагировать на принятие не дружественного ей акта, лавина доля публикаций с упоминанием Магнитского, в первую очередь, была посвящена уже не столько «делу» погибшего адвоката, сколько ответным мерам России – прежде всего запрету на усыновление сирот американцами.

На наш взгляд, все упомянутые выше количественные характеристики освещения американскими изданиями акта Магнитского иллюстрируют потенциал влияния конкретных средств массовой информации на установление повестки дня, а точнее – на место конкретного сюжета, в нашем случае – дела погибшего в российской тюрьме адвоката, в этой самой повестке. Согласно данной концепции, чем чаще та или иная газета обращалась к данному сюжету, чем больше внимания она ему уделяла, тем более значимой для ее аудитории должна быть эта «тема».

Теперь о том, *что и как* по всем этим поводам писалось. Иными словами, о применявшихся американскими газетами технологиях фрейминга. Начнем с того, что едва ли не в каждой статье с разной степенью подробности излагалась

история последних лет жизни С. Магнитского. При этом красной нитью неизменно проходила мысль о том, что адвокат был посажен в СИЗО за то, что раскрыл финансовую аферу российских чиновников и полицейских, в результате которой государственный бюджет недосчитался порядка 230 млн долл. В заключении «борца с коррупцией» (corruption-fighting lawyer) нещадно били, пытали и никак не реагировали на его просьбы о предоставлении медицинской помощи⁹. В результате человек умер. Единственный, кого попытались привлечь за это к ответственности – главный врач «Бутырки» Дмитрий Крылатов, – по представлению государственного обвинителя впоследствии был признан невиновным¹⁰.

В самом начале рассматриваемого нами периода подробности этой драмы шли в тесной увязке с разъяснением сути отмененной вместе с принятием акта Магнитского поправки Джексона – Вэника. И здесь также присутствовала своя «генеральная линия»: ограничения на торговлю с Россией были сняты не потому, что давно исчезли основания, по которым эта древняя (существовавшая с 1974 г.) поправка была принята, а потому, что после вступления России в ВТО она (поправка) стала мешать американскому бизнесу¹¹. «Вашингтон Пост» однажды даже позволил себе в редакционной статье заявить о том, что, вообще-то, поправка Джексона – Вэника еще вполне могла бы существовать, так как с возвращением Путина на пост президента ситуация с правами человека в России снова значительно ухудшилась¹². Словом, если бы не интересы американских компаний, отмена пресловутой поправки, видимо, еще долго оставалась бы в повестке дня отношений России и США.

Закон, предусматривающий наложение визовых и финансовых ограничений на россиян, причастных, по мнению американцев, к смерти

С. Магнитского, поначалу рассматривался изданиями как «новая глава в глобальном лидерстве США в борьбе за права человека». Объявлялось, что он был принят в защиту «магнитских» по всему миру и что совсем скоро Канада и Европа примут аналогичные нормативные акты¹³. Однако когда стало понятно, каким образом Россия решила ответить на принятие не дружественного ей акта, теоретико-идеалистические рассуждения о мировой борьбе за права человека сменились в американских изданиях вполне приземленной реакцией на запрет усыновлять сирот из России (с неперменной, правда, отсылкой к «делу Магнитского»).

В ход пошли самые различные манипуляционные приемы, которые журналисты обычно используют в ходе информационных войн и которые мы также считаем возможным отнести к числу фрэйминг-эффектов. Например, трогательные рассказы об усыновлениях, которые вот-вот должны были состояться, но после принятия запрета повисли в воздухе¹⁴ (раскопали даже историю, как один ребенок не пришелся по душе ни одной из 22 присматривавшихся к нему российских семей, зато понравился американской паре, но той не хватило совсем немного времени, чтобы успеть усыновить его до введения запрета¹⁵).

Еще один механизм воздействия на аудиторию – оперирование большим количеством цифр. Согласно приводившимся данным, американцы усыновляют наших сирот чаще, чем кто-либо из иностранцев. За последние 20 лет за океан уехали жить около 60 тысяч маленьких россиян, из которых погибли только 19. При этом за тот же промежуток времени в России от рук родителей умерли 1200¹⁶. Но от какого общего количества, разумеется, не уточнялось.

В качестве отдельного приема фрэйминга можно также рассматривать и использовавшиеся американскими журналистами цитаты. Стоит отметить, что каждому из трех анализированных изданий был присущ собственный стиль цитирования. Так, например, обращаясь к прямой речи российских граждан, «Вашингтон Пост» старался чередовать мнения сторонников и противников акта Магнитского и закона о запрете усыновления российских детей американцами¹⁷. «Нью-Йорк Таймс», если и цитировал россиян, то в основном тех, чье мнение совпадало с позицией автора статьи¹⁸. Обратная картина была характерна для «Лос-Анджелес Таймс», значительно чаще приводившего прямую речь пророссийски настроенных людей¹⁹.

В целом же, если абстрагироваться от конкретных технологий, можно с уверенностью констатировать, что все три издания разделяли общую позицию, согласно которой С. Магнитский незаслуженно пострадал за правду, а Россия в лице Путина решила отомстить США за акт Магнитского, но при этом выбрала самый неподходящий для этого способ – лишила своих сирот права на лучшую жизнь в Америке.

В качестве примера приведем лишь некоторые из эпитетов, которыми наделяли «закон Димы Яковлева» «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс» и «Лос-Анджелес Таймс»: демонстрация бездушия; путинский антиамериканизм; мерзкая и манипулятивная природа дискуссий о запрете усыновлений; месть за акт Магнитского; усиливающаяся враждебность России по отношению к США; выстрел себе в ногу (a case of Russia shooting itself in the foot); законопроект мести; игра в политику с сиротами; око за око, зуб за зуб; циничный и жестокий ответ; самое антиамериканское действие Путина; каннибальский акт.

Однако, вместе с тем, тональность большинства статей по данной проблематике была у газет различной. Так же, как и в случае с цитатами, «Нью-Йорк Таймс» отличался наиболее критическим и порой даже агрессивным отношением к политике России, для «Вашингтон Пост» был характерен чуть более умеренный подход, а для «Лос-Анджелес Таймс» – наиболее лояльный и сдержанный.

Таким образом, проанализировав характер освещения американскими изданиями проблематики, связанной с принятием акта Магнитского, можно сделать вывод о том, что все они в той или иной степени использовали целый комплекс средств воздействия на читателей. Условно эти приемы могут быть объединены в два больших блока. Первый – установление повестки дня – предполагает механизмы, ориентированные, в первую очередь, на то, чтобы конкретный сюжет прочно вошел в сознание аудитории: чтобы люди были в курсе основной фабулы событий в рамках данного сюжета, знали основных его действующих лиц, хронологию и т. д. В нашем случае подобный эффект достигался преимущественно за счет увеличения частоты упоминания акта Магнитского в «Вашингтон Пост», «Лос-Анджелес Таймс» и «Нью-Йорк Таймс», а также за счет обращения к данной проблеме даже в тех публикациях, основной темой которых были совершенно иные аспекты российско-американских отношений.

Второй блок приемов объединяет в себе механизмы, которые в западной политической коммуникативистике принято считать проявлениями фрэйминга – воздействия на аудиторию в требуемом автору медиа-текста направлении. Применительно к акту Магнитского в качестве таковых американские газеты особенно часто использовали следующие средства: фокусирование внимания читателя на определенных, как правило, «выгодных» изданию аспектах; выстраивание сугубо «авторских» причинно-следственных связей; оперирование большим количеством «красноречивых» цифр; использование эмоционально окрашенной лексики; апелляция к конкретным «трогательным» историям из жизни и мнению соответствующим образом отобранных «экспертов».

Нужно признать, что за рамками данного исследования остался вопрос о том, какой эффект имели на аудиторию публикации, в которых использовались все эти технологии. Стали ли американцы считать «дело Магнитского» важным и заслуживающим внимания? Изменилось ли их отношение к участникам этой истории по сравнению с тем, что они думали по этому поводу прежде? Очевидно, что для ответа на эти вопросы недостаточно оперирования исключительно концептами фрейминга и установления повестки дня. Необходимо проводить отдельное исследование по изучению мнения представителей читательских аудиторий этих газет. В западной политологии результаты действия фрейминга и установления повестки дня, проявляющиеся в изменении мнения аудитории по тому или иному поводу, принято называть праймингом.

В этой связи мы полагаем, что использование подобной трехчленной структуры – «установление повестки дня + фрейминг = прайминг» – обладает определенным исследовательским потенциалом. Рассмотрение эффектов воздействия материалов средств массовой информации на аудиторию в таком ракурсе, на наш взгляд, способно не только упорядочить сам процесс анализа, но и привести к весьма значимым научным результатам. В этом плане существует объективная потребность в продолжении изучения возможностей адаптации каждого из трех упомянутых выше концептов к российской политической теории и практике. Проведение частных эмпирических мини-исследований в формате case-study, по нашему мнению, является шагом в этом направлении.

Примечания

- 1 См.: Назаров М. Массовая коммуникация и общество: Введение в теорию и исследования. М., 2010.
- 2 Там же. С. 306–315.
- 3 См., например: Cohen B. C. The press and foreign policy. Princeton : Princeton University Press, 1963. P. 20 ; Lang K., Lang G. E.. The mass media and voting. N.Y. : Free Press, 1966. P. 466.
- 4 См.: McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly, 1972. Vol. 36. P. 176–185.
- 5 См.: Entman R. M.. Framing : Towards clarification of a fractured paradigm // J. of Communication. 1993. Vol. 43. P. 51–58 ; Scheufele D. A. Framing as a theory of media effects // J. of Communication, 1999. Vol. 49. P. 101–120.
- 6 См., например: Peters J. W. House Passes Russia Trade Bill With Eye on Right Abuses. URL: <http://www.nytimes.com/2012/11/17/world/americas/house-votes-to-increase-trade-with-russia.html?gwh=D4D86762E0B2DFCE0115AF3988CF578F> (дата обращения: 29.01.2013) ; Englung W. Russia chafes as House passes Magnitsky Act. URL: http://www.washingtonpost.com/world/europe/russia-chafes-as-house-passes-magnitsky-bill/2012/11/16/b589e544-300f-11e2-a30e-5ca76eecc857_story.html (дата обращения: 29.01.2013).

- 7 См., например: Editorial «Russian Orphans as Political Pawns». URL: <http://www.nytimes.com/2012/12/22/opinion/russian-orphans-as-political-pawns.html> (дата обращения: 29.01.2013) ; Loiko S. Russia bill aims to punish Americans accused of rights violations. URL: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/la-fg-russia-sanctions-20121215,0,3351700.story> (дата обращения: 29.01.2013).
- 8 См., например: Hill J. Russian Rally Against Ban in a Revival of Anti-Kremlin Protests. URL: <http://www.nytimes.com/2013/01/14/world/europe/thousands-of-russians-rally-against-adoption-ban.html> (дата обращения: 29.01.2013) ; Lally K. Russian protesters support US adoptions. URL: http://www.washingtonpost.com/world/russian-protesters-support-us-adoptions/2013/01/13/82953a22-5d9f-11e2-9940-6fc488f3fed_story.html (дата обращения: 29.01.2013).
- 9 См., например: Barry E. Russia Looks Askance at Corruption Drive. URL: <http://www.nytimes.com/2012/11/18/world/europe/russia-looks-askance-at-corruption-drive.html?pagewanted=all&gwh=3A29B6ABEF3CCD930DEA1B56CEBF9734> (дата обращения: 29.01.2013) ; Lally K. Magnitsky law sets off human rights fight between Russia and US politicians. URL: http://www.washingtonpost.com/world/europe/magnitsky-law-sets-off-human-rights-fight-between-russia-and-us-politicians/2012/12/07/f9d25642-4085-11e2-bca3-aadc9b7e29c5_story.html (дата обращения: 29.01.2013).
- 10 См., например: Kramer A. E. Russian Acquittal Escalates Human Rights Feud with US. URL: <http://www.nytimes.com/2012/12/29/world/europe/russian-acquittal-escalates-human-rights-feud-with-us.html> (дата обращения: 29.01.2013) ; Herszenhorn D. M. Russian Prosecutor Seeks Acquittal in Jail Death of Lawyer. URL: http://www.nytimes.com/2012/12/25/world/europe/russian-prosecutor-seeks-acquittal-in-magnitskys-death.html?_r=0 (дата обращения: 29.01.2013).
- 11 См., например: Peters J. W. Op. cit. ; Englung W. Op. cit.
- 12 См.: Editorial Board «Targeting Russia's offenders». URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/targeting-russia's-offenders/2012/11/18/05f90d0a-3035-11e2-ac4a-33b8b41fb531_story.html (дата обращения: 29.01.2013).
- 13 См.: Lally K., Englung W. Russia fumes as US Senate passes Magnitsky law aimed at human rights. URL: http://www.washingtonpost.com/world/europe/us-passes-magnitsky-bill-aimed-at-russia/2012/12/06/262a5bba-3fd5-11e2-bca3-aadc9b7e29c5_story.html (дата обращения: 29.01.2013).
- 14 См., например: Herszenhorn D. M., Kramer A. E. Russian Adoption Ban Brings Uncertainty and Outrage. URL: <http://www.nytimes.com/2012/12/29/world/europe/russian-adoption-ban-brings-uncertainty-and-outrage.html> (дата обращения: 29.01.2013) ; Loiko S. Russia bans adoptions of orphans by US couples. URL: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/la-fg-russia-adoption-20121229,0,5556921.story> (дата обращения: 29.01.2013).
- 15 См.: Englung W., Bahrapour T. Russia's ban on US adoptions devastates American families. URL: <http://www.washingtonpost.com/world/europe/russia-set-to>

- ban-us-adoptions/2012/12/27/fd49c542-504f-11e2-8b49-64675006147f_story.html (дата обращения: 29.01.2013).
- ¹⁶ См., например: *Herszenhorn D. M., Eckholm E.* Putin Signs Bill That Bars US Adoptions, Upending Families. URL: http://www.nytimes.com/2012/12/28/world/europe/putin-to-sign-ban-on-us-adoptions-of-russian-children.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 29.01.2013); *Loiko S.* Russia's Putin leans toward signing ban on US adoptions URL: <http://www.latimes.com/news/world/worldnow/la-fg-wn-putin-adoptions-20121227,0,753242.story> (дата обращения: 29.01.2013).
- ¹⁷ См., например: *Birnbaum M.* Russia advances law to ban US Adoptions. URL: http://www.washingtonpost.com/world/europe/russia-advances-law-to-ban-us-adoptions/2012/12/19/a0279238-49f4-11e2-ad54-580638ede391_story.html (дата обращения: 29.01.2013); *Englung W.* Op. cit.

- ¹⁸ См.: *Herszenhorn D. M.* Russia : Lower House Approves Ban on US Adoptions. URL: <http://www.nytimes.com/2012/12/22/world/europe/russian-parliament-gives-final-approval-to-us-adoption-ban.html> (дата обращения: 29.01.2013); *Barry E.* In Russia, a Trendy Activism Against Putin Loses Its Moment. URL: <http://www.nytimes.com/2013/01/06/world/europe/in-russia-a-trendy-activism-against-putin-loses-its-moment.html?pagewanted=all> (дата обращения: 29.01.2013).
- ¹⁹ См., например: *Loiko S.* Russia bill to ban US adoptions of Russian children advances. URL: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/la-fg-russia-us-adoptions-20121220,0,3690767.story> (дата обращения: 29.01.2013); *Loiko S.* Russian president expects to sign ban on US adoptions. URL: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/la-fg-russia-adoptions-20121228,0,7616144.story> (дата обращения: 29.01.2013).

УДК 32. 001

ФАКТОРЫ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

А. С. Федотов

Саратовский социально-экономический институт
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
E-mail: as.1953.ru@yandex.ru

В статье обосновывается необходимость мобилизующей модернизации современной России. Выделяются группы факторов, обуславливающие реализацию именно мобилизационного проекта. Доказывается, что развитие в условиях глобализации требует выработки новой модели модернизации, основанной на культурно-цивилизационном генотипе российского общества.

Ключевые слова: модернизация, классическая модернизация, глобализация, мобилизационная модернизация.

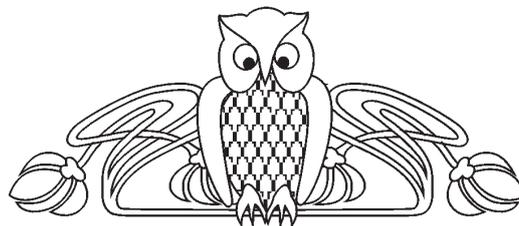
Factors Mobilization the Modernization of Russia

A. S. Fedotov

The article substantiates the necessity of mobilizing modernization in modern Russia. Highlights of the group of factors, which owe it was the realization of mobilization of the project. It is proved that the development in conditions of globalization requires the elaboration of a new model of modernization, based on a cultural-civilizational genotype of the Russian society.

Key words: upgrading, classical upgrading, globalization, mobilization modernization.

В современных условиях попытка реализовать любой модернизационный проект в России неизбежно будет определяться тремя группами факторов, связанных с недавним прошлым, актуальным настоящим и возможным будущим страны. Все факторы в своей совокупности представляют собой объективное настоящее и находятся в сложной и противоречивой взаимосвязи. Отношения между ними многообразны и вклю-

чают в себя причинно-следственные связи, отношения части и целого, отношения определенной иерархии и, главное, соответствия сложившимся обстоятельствам. Взаимозависимость проявляется и в том, что указанные факторы воздействуют друг на друга, взаимообуславливают друг друга, постоянно порождают какие-то переходные, смешанные формы социальных отношений. Но в любом случае данная взаимозависимость выступает интегрирующим моментом, объединяющим факторы и их следствия в определенный тип целостности.

Сама по себе модернизация в общем плане может быть определена как процесс позитивных изменений государства и общества, основанный на экономических, политических и культурных нововведениях, ведущих к смене или модификации типа экономической структуры, политической организации общества и в конечном счете к повышению благосостояния людей¹. Но это самое общее понимание модернизации, которое с равным успехом может быть применено в классических теориях модернизации, теориях догоняющей модернизации и современных теориях национальной модернизации. Оно крайне абстрактно и ничего не может сказать о содержательных изменениях в конкретном обществе на конкретном этапе его развития. Поэтому, когда мы говорим о трех группах факторов модернизации современной России, то связываем первую из них с теми преобразованиями, которые осуществлялись в стране в 1990-х гг. по радикальным либеральным лекалам

ban-us-adoptions/2012/12/27/fd49c542-504f-11e2-8b49-64675006147f_story.html (дата обращения: 29.01.2013).

¹⁶ См., например: *Herszenhorn D. M., Eckholm E.* Putin Signs Bill That Bars US Adoptions, Upending Families. URL: http://www.nytimes.com/2012/12/28/world/europe/putin-to-sign-ban-on-us-adoptions-of-russian-children.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 29.01.2013); *Loiko S.* Russia's Putin leans toward signing ban on US adoptions URL: <http://www.latimes.com/news/world/worldnow/la-fg-wn-putin-adoptions-20121227,0,753242.story> (дата обращения: 29.01.2013).

¹⁷ См., например: *Birnbaum M.* Russia advances law to ban US Adoptions. URL: http://www.washingtonpost.com/world/europe/russia-advances-law-to-ban-us-adoptions/2012/12/19/a0279238-49f4-11e2-ad54-580638ede391_story.html (дата обращения: 29.01.2013); *Englung W.* Op. cit.

¹⁸ См.: *Herszenhorn D. M.* Russia : Lower House Approves Ban on US Adoptions. URL: <http://www.nytimes.com/2012/12/22/world/europe/russian-parliament-gives-final-approval-to-us-adoption-ban.html> (дата обращения: 29.01.2013); *Barry E.* In Russia, a Trendy Activism Against Putin Loses Its Moment. URL: <http://www.nytimes.com/2013/01/06/world/europe/in-russia-a-trendy-activism-against-putin-loses-its-moment.html?pagewanted=all> (дата обращения: 29.01.2013).

¹⁹ См., например: *Loiko S.* Russia bill to ban US adoptions of Russian children advances. URL: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/la-fg-russia-us-adoptions-20121220,0,3690767.story> (дата обращения: 29.01.2013); *Loiko S.* Russian president expects to sign ban on US adoptions. URL: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/la-fg-russia-adoptions-20121228,0,7616144.story> (дата обращения: 29.01.2013).

УДК 32. 001

ФАКТОРЫ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

А. С. Федотов

Саратовский социально-экономический институт
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
E-mail: as.1953.ru@yandex.ru

В статье обосновывается необходимость мобилизующей модернизации современной России. Выделяются группы факторов, обуславливающие реализацию именно мобилизационного проекта. Доказывается, что развитие в условиях глобализации требует выработки новой модели модернизации, основанной на культурно-цивилизационном генотипе российского общества.

Ключевые слова: модернизация, классическая модернизация, глобализация, мобилизационная модернизация.

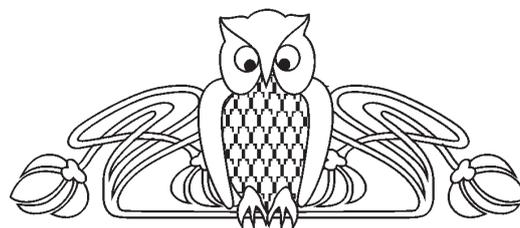
Factors Mobilization the Modernization of Russia

A. S. Fedotov

The article substantiates the necessity of mobilizing modernization in modern Russia. Highlights of the group of factors, which owe it was the realization of mobilization of the project. It is proved that the development in conditions of globalization requires the elaboration of a new model of modernization, based on a cultural-civilizational genotype of the Russian society.

Key words: upgrading, classical upgrading, globalization, mobilization modernization.

В современных условиях попытка реализовать любой модернизационный проект в России неизбежно будет определяться тремя группами факторов, связанных с недавним прошлым, актуальным настоящим и возможным будущим страны. Все факторы в своей совокупности представляют собой объективное настоящее и находятся в сложной и противоречивой взаимозависимости. Отношения между ними многообразны и вклю-

чают в себя причинно-следственные связи, отношения части и целого, отношения определенной иерархии и, главное, соответствия сложившимся обстоятельствам. Взаимозависимость проявляется и в том, что указанные факторы воздействуют друг на друга, взаимообуславливают друг друга, постоянно порождают какие-то переходные, смешанные формы социальных отношений. Но в любом случае данная взаимозависимость выступает интегрирующим моментом, объединяющим факторы и их следствия в определенный тип целостности.

Сама по себе модернизация в общем плане может быть определена как процесс позитивных изменений государства и общества, основанный на экономических, политических и культурных нововведениях, ведущих к смене или модификации типа экономической структуры, политической организации общества и в конечном счете к повышению благосостояния людей¹. Но это самое общее понимание модернизации, которое с равным успехом может быть применено в классических теориях модернизации, теориях догоняющей модернизации и современных теориях национальной модернизации. Оно крайне абстрактно и ничего не может сказать о содержательных изменениях в конкретном обществе на конкретном этапе его развития. Поэтому, когда мы говорим о трех группах факторов модернизации современной России, то связываем первую из них с теми преобразованиями, которые осуществлялись в стране в 1990-х гг. по радикальным либеральным лекалам

и которые по своим результатам привели государство и общество к крайне тяжелым социальным последствиям. В то же время нельзя сказать, что эти преобразования уже завершились, что российский политический класс полностью от них отказался. Скорее, наоборот, по многим важнейшим аспектам жизнедеятельности общества они активно продолжаются (например, бюджетная политика, промышленная политика, социальная политика). Иначе говоря, первая группа факторов есть сегодня не только результат, но все еще и продолжающийся процесс реализации явно не удавшейся классической модели модернизации страны в 1990-е гг. Именно в этом основное противоречие и главная сложность дня сегодняшнего.

Вторая группа факторов, чье воздействие на модернизационные процессы также будет непосредственным, является не просто продолжением провальных преобразований 1990-х гг., их результатом, но и новым системным качеством сложившегося за последнюю четверть века социально-политического строя как некой целостности, которая по большинству своих параметров является явным препятствием для эффективного социально-экономического развития страны. В этой группе факторов, можно сказать, концентрируется весь негатив сегодняшнего дня, выражающийся в утрате многих ключевых технологий индустриального развития, в запрешенном уровне социальной дифференциации, в расколе общества по самым разным основаниям, в неэффективности государственного аппарата, в вывозе капитала за границу и многом другом. Иначе говоря, к настоящему моменту разрушены традиционные общественные связи, произошла атомизация общества, у большинства сформировался чисто потребительский индивидуализм, резко упала социальная активность людей и в целом сформировалась атмосфера общественной апатии.

Третья группа факторов связана с геополитическими изменениями, которые развернулись в последние десятилетия и наиболее полно проявляются в процессах глобализации мирового развития. Развитие любой страны в настоящее время происходит уже в рамках глобального мирового сообщества с его сложившимися универсальными политическими, экономическими и культурными связями между народами и государствами. Возникшая глобальная система сложна и многогранна, поскольку в нее вовлечены народы и государства, стоящие на разных уровнях социально-экономического развития, имеющие свои национальные культуры и традиции. Именно глобальная социально-экономическая многоукладность порождает сегодня основные противоречия как мирового, так и внутреннего развития государств и объективно ужесточает конкуренцию конкретных национальных и региональных общностей. Специфика наших дней проявляется и в том, что развитие процессов глобализации уже системно оформилось, и сама глобализация уже не

является спонтанной и нерегулируемой. Сегодня процессы глобализации направляются международными политико-экономическими структурами и организациями, деятельность которых является определяющей для формирования общих условий мирового развития. Данные структуры, с одной стороны, противостоят любой национальной обособленности, любой национальной самостоятельности, а с другой, жестко контролируют параметры включения конкретной страны в процессы глобализации. Соответственно, и современные интеграционные процессы имеют сложный, противоречивый и конфликтный характер, связанный с общемировой модернизацией, которая в настоящее время является принципиально незавершенной, поскольку направлена на поддержание постоянной конкурентоспособности любой страны.

В контексте изложенного четко проявляется специфика каждой из групп факторов, обусловленная особенностью доминирующей задачи, связанной с преодолением указанных факторов и их последствий в процессе развертывания модернизации.

В 1990-е гг. в России была применена классическая модель модернизации, ориентированная на достижения Запада с неизбежной при этом вестернизацией всей общественной жизни страны. Основной упор был сделан на введение политических институтов, аналогичных западной модели. Но очень быстро стало понятно, что политическая модернизация не гарантирует от демодернизационных процессов в области культуры и экономики². И сам термин «модернизация» был постепенно заменен на понятие «трансформация» в рамках сформировавшегося направления транзитологии с ее двумя базовыми элементами – демократизацией политической системы и развитием рыночного хозяйства. В конечном итоге теоретическое осмысление шло в направлении уменьшения четкости целей развития страны. Отрицательные результаты реализации положений классической теории модернизации, основанные на простом заимствовании западного опыта и его переносе в совершенно иную социокультурную действительность, были вполне закономерными, поскольку Россия представляет собой иной культурно-цивилизационный субстрат. И если формально в политической области были институционализированы западные структуры представительной демократии, то в экономической области не были даже институционально воспроизведены образцы современных западных экономик. Но и в политической сфере, несмотря на всю значительность и радикальность преобразований, вновь введенные институты демонстрируют свою полную несостоятельность.

Таким образом, перенос на российскую почву западных социальных институтов закончился провалом с точки зрения их функционального назначения, даже в наиболее успешной области пре-

образований – политической. Разделения властей так и не достигнуто, безраздельно доминирует исполнительная ветвь власти; политические партии так и не стали посредниками между гражданским обществом и государственной властью, не стали механизмом формирования новых политических элит и в целом не выполняют своих традиционных функций в условиях представительной демократии. Политика в России так и не достигла открытости, зависимости от мнений граждан, хотя формальная институционализация представительной демократии и произошла.

В области экономики результатом этой попытки модернизации явились деиндустриализация страны, развал сельского хозяйства, колоссальный разрыв в уровне доходов, размывание индустриальных социально-профессиональных групп, развертывание процессов депопуляции населения. Экономическая реформа означала, прежде всего, приватизацию промышленных предприятий. И уже к 1997 г. негосударственные предприятия составляли 95,6% от общего числа предприятий в стране. За это же время произошло расчленение крупных государственных предприятий: если в 1990 г. в РСФСР имелось 26,9 тыс. промышленных предприятий с 23,1 млн человек промышленно-производственного потенциала, то в 2001 г. – 155 тыс. предприятий с вдвое меньшей численностью работников – 13,3 млн человек³. Наглядным примером деградации реального сектора экономики может являться гражданское машиностроение, в котором производство, без учета легковых автомобилей, сократилось к 1999 г. по сравнению с 1991 г. в шесть раз⁴. В целом, в результате реформ в области экономики страна оказалась отброшенной на десятилетия назад. Для преодоления этой группы факторов России понадобится реиндустриализация, поскольку переход к современным технологическим укладам возможен лишь на основе высокоразвитых предыдущих технологических укладов. С социальной точки зрения реиндустриализация экономики позволит большинству населения включиться в привычные, традиционные для него виды экономической деятельности, восстановить трудовую мотивацию и создать задел для будущих высокотехнологических инноваций.

Пока же российское экономическое развитие характеризуется тем, что страна занимает первое место в мире по доле внутренней торговли в ВВП, которая сейчас составляет 27% от его общего объема (к примеру, в США эта доля составляет 17%, в Китае – 9%). Естественно, что торговля в целом не в состоянии обеспечить развитие России, и почти 30% внутренней торговли в ВВП страны свидетельствует лишь о глубокой деградации экономики⁵. Более того, сложившаяся бюджетная система России не только не обеспечивает потребности развития экономики, но, наоборот, выступает прямым препятствием такого развития. По данным Т. Гуровой и А. Ивантера

за 2011 г., деньги забираются из реальной экономики и переводятся в Резервный фонд, который, в свою очередь, вкладывает их в западные банки и в облигации казначейства США со средней доходностью 2,66% годовых в долларах, тогда как рыночные займы, привлекаемые Минфином для формирования Резервного фонда, обходятся ему в 3,25–5,63% в долларах⁶.

Но самая острая проблема страны – это имущественное, социальное расслоение населения. По данным Росстата, в 2010 г. в крайней нищете в России жило 13,4% населения с доходами ниже 3422 руб. в месяц. В нищете пребывало 27,8% с доходом от 3422 руб. до 7400 руб. В бедности – 38,8% населения с доходом от 7400 руб. до 17 тыс. рублей. На уровне среднего достатка жило 7,3% с доходом от 25 до 50 тыс. рублей. К состоятельным относились граждане с доходом от 50 до 75 тыс. руб. (1,1%). Иначе говоря, нищие и бедные составляли 80% населения России, то есть почти 113 млн человек. В то же время состояние 100 российских валютных миллиардеров оценивалось в 520 млрд долларов. Доходы самых бедных и самых богатых жителей России различались в 800 раз⁷. Эта дифференциация по уровню доходов в докладе Global Enabling Trade Report в октябре 2012 г. выглядела следующим образом. На долю самых богатых – 1% россиян – приходился 71% различных объектов – в два раза больше, чем в США, в Европе, в Китае, и в четыре раза больше, чем в Японии. 96 российских миллиардеров владели 30% всех личных активов российских граждан – этот показатель в 15 раз выше общемирового⁸. Данная дифференциация является определяющей для различий фактически во всех других областях жизни российского общества. Имущественные группы населения различаются нормами и ценностями, моделями поведения, отношением к жизни, культурой, уровнем напряженности повседневной жизни и т. д. И как считают социологи ИС РАН, подавляющее большинство россиян живут в состоянии стресса, с постоянным ощущением напряженной и сложной окружающей действительности.

Таким образом, в области экономики господствует торгово-финансовый капитал на базе мощного теневого сектора, и государство в большинстве случаев ведет себя как групповой, корпоративный институт, преследующий свои, а не общественные цели. В политической сфере сложилась сверхпрезидентская республика, в которой президент и его аппарат являются единственной политической силой, а другие акторы политики, выражающие групповые интересы (группы давления, клиенты, региональные элиты и т. д.), борются за близость к президенту и его окружению. В целом же из всего многообразия политико-экономических феноменов складывается единая реальность, формируется сложноорганизованное целое. Это проявляется в общей упорядоченности, охватывающей всю социальную

систему, и относительной однотипности поведения большинства ее элементов. Таким образом, социально-политический режим современной России уже системно оформился и представляет собой целостность, которая способна обеспечить процесс самовоспроизводства в соответствии со своими доминирующими интересами. Поэтому главная задача в условиях поляризации и маргинализации общества заключается не только в том, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, но и нащупать тот общий каркас основных ценностей большинства, который позволит государству все же сыграть интегрирующую роль в обществе. И этот «каркас» связан, по нашему мнению, с социальным содержанием развития страны.

Сложившиеся обстоятельства делают необходимым выдвинуть на первый план проблемы ценностного обоснования проводимых преобразований, учета в качестве критериев их эффективности социальных издержек, а также их способности интегрировать общество и дать ему реальные мотивационные цели действия. Иначе говоря, для модернизационного развития страны необходим инновационный настрой всего общества, его готовность принимать нововведения, его заинтересованность в них. Именно социальная составляющая модернизации может способствовать мобилизации рядового человека на серьезные изменения в своей и общественной жизни. Вместе с тем преодоление узкокорпоративных интересов, доминирующих в настоящее время и порождающих большинство современных противоречий страны, делает маловероятным эволюционное демократическое развитие. Скорее, наоборот, оно настоятельно требует сильной авторитарной власти, поскольку у общества и государства достаточно много проблем, и они слишком сложны, чтобы преодолеть их в процессе углубления демократии. К тому же массовое сознание сейчас ориентировано на порядок, на достижение равенства всех перед законом и поэтому будет только приветствовать установление сильной авторитарной власти в интересах большинства, действующей на подавление кланового, клиентелистского сознания в элитных группах. Иной социальной базы внутри страны у современной власти нет, она разрушена, и никаким образом при сохранении существующих условий эту базу восстановить невозможно. В то же время, выражая интересы большинства, новая авторитарная власть тем самым будет работать на развитие реальной демократии в стране.

Третья группа факторов, влияющих на современное развитие России, связана с тем, что для подавляющего большинства стран, в том числе и России, сложившаяся ситуация в мире резко актуализирует проблему сохранения своего политического и экономического суверенитета, достижения конкурентоспособности, поскольку конкурентоспособность превратилась в показатель состоятельности и государства, и общества в целом. Но это не значит, что глобализация есть

окончательное утверждение западных ценностей, Запада как такового над национальными интересами не западных стран. Государства, действующие в системе глобального капитализма, тем не менее, сохраняют и преследуют собственные интересы. Да и сами изменения в современном мире, которые связаны с тем, что в глобальную экономику успешно включились мощные азиатские и латиноамериканские страны, создали возможность осваивать достижения не только Запада, но и Востока. В сложившихся обстоятельствах для России, прежде всего, важно выявление факторов социального развития, способных вывести общество из кризисного состояния, обеспечить процесс самовыстраивания социальной системы в соответствии как с внутренним потенциалом общества, так и с требованиями современного мира.

Особенность ситуации проявляется и в амбивалентности онтологических параметров глобализации и их воздействии на Россию. Концептуальное понимание модернизации начала XXI в. предполагает анализ реальной взаимозависимости не только технологических и экономических, но и, главное, культурно-цивилизационных параметров модернизационных процессов. Модернизация как процесс постоянной инновационной деятельности в настоящее время осуществляется с целью обеспечения устойчивости социальной системы под воздействием разнородных факторов внутреннего и внешнего развития. Этот процесс в современных условиях, как уже отмечалось, имеет принципиально незавершенный характер и предполагает опору на традиционные социокультурные и социально-психологические качества людей, сформированные тысячелетней историей, как значимый ресурс в решении актуальных модернизационных задач общества. И как показывают успешные модернизации последних десятилетий, она эффективна лишь на основе сочетания позитивных внешних заимствований со своими собственными методами, способами решения проблем, адекватных культуре общества⁹. Определяющим моментом во всем этом выступает вопрос о том, как российскому обществу в ходе социальных реформ распорядиться наследством, вытекающим из всей национальной жизни и воплощением которого всегда была российская государственность?

Данная модель модернизации, предполагающая освоение преимуществ многих стран, и не только западных, выступает как национальная модернизация. Она характеризуется множеством вариантов преобразований, различия между которыми трактуются как закономерные, обусловленные спецификой модернизирующихся стран, и поэтому не признает какого-то единого образца модернизации. В данном понимании модернизации нет «незавершенной» или «неуспешной модернизации», для нее характерными являются по-разному модернизированные страны. В современных условиях каждое общество, каждая страна

уже сама решает, какая модернизация ей нужна. И в этом контексте страны опираются на свою культурно-цивилизационную основу, на способность конкурировать с Западом по каким-то конкретным направлениям, а не догонять его по всем параметрам развития¹⁰. Другими словами, это включение в модернизационные процессы не только вопросов экономического, технологического и политического развития, но, в первую очередь, параметров культурно-цивилизационных.

Таким образом, приступать к реальной модернизации страны в современных условиях возможно только при наличии мобилизующего стратегического субъекта с чрезвычайными полномочиями. Поэтому реализация потребностей современной России по-прежнему зависит от определяющей, организующей и направляющей деятельности государства. Причем деятельности как мобилизационного процесса, четко нацеленного на преодоление отставания страны от лидеров и конкурентов. Поскольку, чтобы «сохраниться как государству, ничего лучшего, чем мобилизация, сверхнапряжения сил и ресурсов, история не придумала»¹¹. В современной России не самые лучшие условия для «модернизационного рывка», который столь необходим стране, но возможен лишь на основе изменения властью своей стратегической линии, связанной с пониманием того, что рыночное стимулирование, рыночная мотивация по своей природе не могут быть стратегическими основами модернизации, поскольку представляют собой краткосрочные механизмы стимулирования. Когда речь идет о национальном развитии, никакой бизнес нигде и никогда такого целеполагания выстроить не может, это всегда была задача государственной стратегии. Поэтому трактовка нынешней российской модернизации как неизбежно мобилизационной, на наш взгляд, является наиболее адекватной существующей действительности.

В сложившейся ситуации реальная модернизация страны без мобилизации общества и государства, без достижения компромисса интересов массовых и элитарных слоев в современных условиях невозможна. Реальная интеграция России в мировое сообщество возможна лишь при условии ее успешной внутренней консолидации на основе синтеза «традиции» и «современности». Мобилизующая модернизация, спасающая локальные общества от ассимиляции, повышающая его конкурентоспособность, осуществляется не с целью периферийной интеграции в цивилизацию-образец, а проводится государством за счет собственных ресурсов и с целью повышения конкурентоспособности собственного культурно-исторического типа.

В современных условиях проблема модернизации также состоит и в том, что модернизация опирается на иные, чем прежде, ресурсы: не только на административно-силовые структуры и ресурсы государства, но и на создаваемую им

систему поддержки, стимулов и поощрений по достижению социальных целей. В этом смысле модернизационный проект развития предполагает активное подключение к решению задач модернизации массовых социальных групп общества на началах партнерства с властью. В этих условиях помимо жесткого социального порядка, резко ограничивающего паразитический сегмент российского капитализма, и максимального подавления всех реальных и потенциальных конкурирующих механизмов властного влияния на общество (криминалитета, коррупции, региональных клановых структур и т. д.) большое значение имеет и понимание того, что эффективность и результативность государственной власти в новых условиях определяется человеческим капиталом, технологической культурой, уровнем образования и т. п. качествами населения страны. Соответственно, усиление государства за счет большинства народа, которое было реальным в XIX и даже в первой половине XX в., сегодня, в условиях нового столетия, когда принципиально меняются основные источники общественного богатства, уже просто невозможно. Но возможна эффективная реализация долгосрочной национальной стратегии системной модернизации на основе введение жестко-иерархического механизма государственного управления, способного эффективно контролировать систему общенациональной ответственности. Иными словами, в современных условиях без мобилизующей функции государства стране не обойтись, поскольку именно государство является главным субъектом как осуществления дискретных технологических перемен в рамках определенных секторов национальной экономики, так и соответствующих специфических институциональных преобразований в других областях.

Примечания

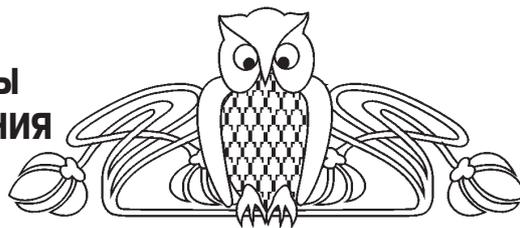
- 1 См.: Яницкий О. Н. Модернизация в России и вокруг // Социс. 2011. № 5. С. 136.
- 2 См.: Федотова В. Г., Федотова Н. Н. Социологи о российской модернизации // Полис. 2011. № 5. С. 184.
- 3 См.: Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга : Экономические реформы в России. М., 2004. С. 147.
- 4 Там же. С. 169.
- 5 См.: Наложённая реальность // Эксперт. 2012. № 47. С. 17.
- 6 См.: Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Там же. С. 26.
- 7 См.: Попова Н. Конфискация in gem : свет в конце туннеля? // Аргументы недели. 2010. 2 дек.
- 8 См.: Примаков Е. М. Сила идей и образов // Аргументы недели. 2012. 6 дек.
- 9 См.: Федотова В. Г., Федотова Н. Н. Указ. соч. С. 185.
- 10 См.: Федотова В. Г. Новые идеи в социальной теории // Социс. 2011. № 11. С. 20.
- 11 Яницкий О. Н. Указ. соч. С. 145.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 32.01

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ И ЭЛЕМЕНТНОЙ БАЗЫ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

А. В. Афонасова

Саратовский государственный университет
E-mail: alena-mv@mail.ru

В статье рассматриваются различные трактовки понятия политического проектирования, основные структурные элементы его различных моделей, основные параметры и характеристики, функции и ключевые факторы их подготовки, управления и реализации.

Ключевые слова: политическое проектирование, субъекты политического проектирования, модель политического проектирования, структура модели политического проекта.

The Problem of Notion and Elementary Basis of Political Designing Model

A. V. Afonassova

This paper is about different views on the notion of political designing, main structural elements of its models, key parameters and features, functions and focal factors of their preparation, management, and realization.

Key words: political designing, subjects of political designing, model of political designing, structure of the model of political designing.

Хотя методология проектного менеджмента носит универсальный характер, любая предметная сфера, в которой осуществляется управление проектами, обладает собственной спецификой, без учета которой невозможен эффективный менеджмент. Такое положение дел предполагает, что во всех предметных сферах необходима разработка на основе общей методологии управления проектами конкретных структурных управленческих моделей, учитывающих особенности этих областей.

Рассматривая вопрос об управлении политическими проектами, мы сталкиваемся с необходимостью учета как специфики политики в целом, так и особенностей политического управления в различных сферах общественной жизни. Речь идет о том, что при создании структурных моделей политических проектов необходима идентификация в качестве абстрактных элементов структурной модели базовых составляющих конкретного политического процесса. В современной научной литературе существует большое количество различных моделей политических процессов, однако они часто пересекаются в существенных моментах и нередко отличаются – в основном, используемой терминологией, но не принципиальными подходами к анализу¹.

Политическое проектирование стало научной и практической проблемой относительно недавно. Еще в 70-е гг. XX столетия большинство предпочитало говорить о социально-политическом планировании, программно-целевых методах, нововведениях и т. д. Но появление класса новых сложных задач в сфере политики, экономики, социальных отношений, культуры среди прочих типов социальной деятельности способствовало выделению политического проектирования как особой разновидности политических технологий. В самом общем плане под политическим проектированием «понимается научно-теоретическая и одновременно предметная практическая деятельность по созданию проектов развития социальных систем, институтов, социальных объектов, их свойств и отношений на основе политического предвидения, прогнозирования и планирования социальных качеств и свойств, являющихся значимой социальной потребностью»².

Любой политический процесс может быть рассмотрен как минимум на основе четырех измерений: «1) участвующие в нем акторы; 2) правила и процедуры, согласно которым взаимодействуют политические акторы; 3) ресурсы, доступные политическим акторам; 4) стратегии, которые используют акторы»³. Соответственно эти составляющие неизбежно должны учитываться при создании структурной модели любого политического проекта.

Однако следует учитывать, что приведенная модель не является универсальной и достаточной для решения, например, задачи декомпозиции (расчленения) сложных политических проектов и создания структурной модели путем идентификации его абстрактных элементов. Важнейшей категорией проектного управления является также понятие «цель проекта», которое определяет направленность политических преобразований. Понятие «ресурсы» всегда носит конкретный характер, поэтому его содержание может быть существенно различным. Это предопределяет специфику использования данного понятия в каждом конкретном случае. Например, в проекте создания новых рабочих мест ресурсы будут иметь четко обозначенный и измеряемый конкретными показателями смысл и характеристики, а в идеологических политических проектах смысл

трудноизмеримых ресурсов, их содержание и характеристики будут принципиально иными.

В учебной и научной литературе по политическому менеджменту проводится различие между двумя категориями политического проектирования – «субъект проекта» и «акторы проекта». «Субъектом проекта» может считаться физическое или юридическое лицо, которое обладает в рамках данной политической системы и политической структуры легитимным мандатом инициировать какой-либо политический проект. «Акторами проекта» являются участники политического процесса, которые могут влиять на политический проект как в позитивном, так и в негативном отношении. Допустима ситуация, когда в рамках исключительно жесткой, моноцентричной политической системы понятия «субъект проекта» и «акторы проекта» целиком и полностью совпадут, но подобная ситуация не является единственной.

В политической сфере речь идет об управлении процессами, значимыми для больших социальных групп или всего общества. Поэтому проблема управления политическими проектами практически всегда связана с проблемой его легитимации в глазах политического сообщества, в котором он осуществляется. Таким образом, структурная модель политического проекта требует включения в нее компонента «легитимация проекта».

Любой политический проект предполагает определенную форму организации и определенную форму управления ресурсами и действиями участвующих в нем людей. Поэтому анализ политических проектов требует учета такой составляющей, как «организация и управление проектом». При этом необходимо учитывать, что исторически сменявшие друг друга формы организации и управления проектами сильно отличались друг от друга по степени сложности и специализированности конкретных управленческих структур, выполняющих отдельные функции управления. Тем самым при декомпозиции модели важно оценивать такую характеристику, как степень сложности и дифференциации функций политического проектирования.

На основе вышесказанного можно предложить расширенную структурную модель политического проекта, основанную на условной идентификации абстрактных элементов проекта. В состав этой модели войдут следующие элементы, которые в совокупности образуют матрицу подготовки и реализации (соответственно и анализа) конкретных политических проектов:

- субъект и акторы политического проекта;
- социальный объект политического проекта;
- ресурсы политического проекта;
- цель и конкретные задачи политического проекта;
- стратегия и тактика политического проекта;
- план и этапы воплощения политического проекта;
- процедуры и правила политического проекта;

- организация и текущее управление политическим проектом;
- легитимация политического проекта;
- информационно-коммуникационное обеспечение политического проекта;
- преодоление социальной среды;
- контроль за осуществлением политического проекта;
- корректировка политического проекта.

Независимо от степени сложности и дифференциации структур управления проектом исследователи выделяют «четыре базовые и три интегрирующие функции управления проектами»⁴. К числу базовых функций управления проектами относятся: «управление предметной областью проекта; управление качеством проекта; управление временем проекта; управление стоимостью проекта»⁵. Наряду с этим проводится анализ и трех интегрирующих функций управления проектами: «управление рисками проекта; управление человеческим ресурсом проекта; управление коммуникациями проекта»⁶. Исследование политических проектов, так же как и любых других, требует изучения того, как в рамках того или иного типа политических проектов осуществляются организация и управление всеми этими функциями.

Выделение данных функций оправдано тем, что на их основе определяются такие важнейшие критерии оценки проекта, как:

- техническая осуществимость (определяемая предметной областью проекта и качеством проекта);
- конкурентоспособность (определяемая качеством, временем и стоимостью проекта);
- трудоемкость (усилия, затрачиваемые на проект, измеряемые временем и стоимостью проекта);
- жизнеспособность (определяемая предметной областью, стоимостью и рисками проекта);
- эффективность осуществления проекта (определяемая человеческим ресурсом, средствами коммуникаций, системой материально-технического обеспечения проекта)⁷.

Предметная область проекта – это цели проекта, задачи и работы, которые нужно выполнить для их достижения. Поскольку цели, задачи, работы, их объемы и другие элементы предметной области проекта в процессе его жизненного цикла претерпевают изменения, то возникает необходимость управления предметной областью проекта, чтобы планировать изменения, контролировать их проведение и воздействие на сроки, расходы и другие характеристики проекта. Управление предметной областью и заключается в управлении этими изменениями и осуществляется через процессы определения целей, разработки концепции, планирования, учета, контроля выполнения и завершения проекта.

Для любого проекта должны быть установлены требования или стандарты качества резуль-

татов, по которым оценивается успешность завершения проекта. Определение этих требований, их контроль и поддержка на протяжении «жизни» проекта требует осуществления управления качеством. Управление качеством должно с начала осуществления проекта обеспечивать достижение запланированного в концепции проекта качества. Управление качеством реализуется «через установление требований и стандартов к качеству результатов проекта, обеспечение выполнения этих требований в процессе реализации проекта через систему контроля и поддержки»⁸.

Проект предполагает период времени для реализации. Время – это важнейший, но, к сожалению, «негибкий» ресурс. Все работы и взаимодействие всех участников должны быть спланированы, контролироваться, при этом должны своевременно приниматься меры для ликвидации или предотвращения нежелательных отклонений от установленных сроков. Все это составляет функцию управления временем. Данная функция тесно связана с функцией управления предметной областью и включает в себя определение продолжительности, сроков начала и завершения проекта, его частей, важнейших (контрольных) событий и каждой из выполняемых работ. Функция управления временем «реализуется посредством процессов временного анализа проекта и его частей, календарного планирования работ, контроля графиков выполнения работ, их актуализации и корректировки»⁹.

Каждый проект имеет также установленный бюджет, но далеко не каждый проект завершается в рамках бюджета. Для того чтобы этого не случилось, необходимо управление стоимостью. Стоимость тесно связана со временем, но в отличие от него является гибким ресурсом. Функция управления стоимостью включает в себя предварительную оценку расходов, связанных с проектом, определение сметы расходов, источников финансирования и бюджета проекта, планирование денежных потоков, прогнозирование доходов и прибылей, контроль за расходом и поступлением средств и принятие решений в случаях превышения расходов и других отклонений от финансовых планов. Главной задачей управления стоимостью является соблюдение бюджетных рамок проекта и получение запланированной прибыли от его осуществления. Методы и техники управления стоимостью проекта широко освещены в специальной литературе¹⁰.

Проекты осуществляются, прежде всего, с помощью людей, их умения и возможностей. В течение жизни проекта требуется разное количество специалистов, с разной квалификацией, на различные периоды времени. Ядро этих специалистов образует команду проекта. Таким образом, в проекте возникает круг обязанностей, связанный: с подбором людей, распределением обязанностей и ответственности, организацией эффективной работы команды, планированием и

контролем их работы и т. д. Все это требует управления человеческим ресурсом проекта. Функции управления человеческим ресурсом включают в себя: определение потребности, численного и квалификационного состава на все периоды времени осуществления проекта, планирование и распределение работников по рабочим местам, организация обучения и повышения квалификации, определение ответственности, создание условий и благоприятной атмосферы для коллективной работы, предупреждение и разрешение возникающих конфликтов и т. п. Управление человеческим ресурсом должно быть направлено на оптимальное использование этого ресурса для достижения целей проекта.

В процессе выполнения проекта требуются тщательный контроль состояния хода работ и других элементов проекта, прогноз достижения результатов, а также обеспечение благоприятной для проекта информационной среды. Масштабы, сложность проекта, его окружение, количество участников и заинтересованных сторон порождают большое число взаимосвязей и потоков информации. Для контроля состояния проекта и его окружения необходимо иметь обратную информационную связь. Своевременное реагирование на информацию об изменении окружения проекта, поступающую по обратной связи, называется общественными связями. В совокупности все эти действия составляют управление коммуникациями, которое охватывает процессы разработки, организации и контроля процесса информационного обмена с помощью разнообразных средств для удовлетворения потребностей участников проекта. В эти функции управления обычно включаются процессы сбора, передачи, переработки, сортировки, отображения и интерпретации информации, необходимой и достаточной для всех участников проекта и его окружения.

Осуществление проекта связано с неопределенностью многих элементов, вероятностным характером протекания процессов, а значит, и определенным риском воздействия на проект и его элементы непредвиденных событий, которые могут нанести определенный ущерб и препятствовать достижению целей¹¹. Риск подвержены в той или иной мере все проекты и большинство аспектов проектов, такие как финансовый, технический, организационный (связанный с возможными нарушениями сроков) и др. Уровень риска проекта можно снизить путем принятия специальных мер. Совокупность действий и процедур, связанных с определением и снижением уровня риска в проекте, определено как функция управления риском. Управление рисками можно охарактеризовать как «искусство и формальные методы определения, анализа, оценки, предупреждения возникновения, принятия мер по снижению степени риска на протяжении жизни проекта и распределения возможного ущерба от риска между участниками проекта»¹². Методы и

техники управления рисками широко освещены в специальной литературе¹³.

Рассмотренные основные функции управления проектами реализуются в течение жизненного цикла проекта по замкнутому контуру управления, последовательно проходя процессы управления, такие как планирование, организация, координация, оперативное управление, контроль, анализ, регулирование. Упомянутые методы и способы служат для предварительной координации, ориентированной на будущее. При текущей координации работ следует учитывать отклонения действительного прогресса проекта от заданного. Это задачи оперативного управления проектами. Здесь требуется определение достигнутого прогресса проекта на текущий момент, установленной системы отчетности и эффективной коммуникации, чтобы информировать всех заинтересованных лиц о состоянии проекта.

Поэтому зависимость политического проектирования от качества политической коммуникации является его существенной особенностью, поскольку характер коммуникаций, не меньше, чем экономические и политические факторы, определяет современную социальную структуру и ее динамику. Стимулирование же со стороны органов власти переноса взаимоотношений «власть – общество» в коммуникационно-виртуальную среду способствует зарождению принципиально новых связей в политическом пространстве.

Как представляется, при осуществлении политического проектирования целесообразно учитывать теоретико-методологические основы синергетического подхода, ориентированного на многовариантность, многофакторность и непредсказуемость социально-политического и социально-экономического развития общества. В то же время политическое проектирование объективно немислимо без планирования. Полагаем, что планирование как форма политического проектирования позволяет целенаправленно значительно уменьшить конфликтный потенциал в самой власти и в обществе. Особенностью политического проектирования является его субъектная ограниченность небольшим, довольно замкнутым кругом политической элиты, имеющей необходимый объем информации, знаний и соответствующих ресурсов, в том числе политической власти. Тем не менее, по данным эпитолога О. Н. Крыштановской, основные субъекты политического проектирования, прежде всего элиты и так называемый политический класс создают специализированные структуры, занимающиеся политическим проектированием (различные аналитические агентства, фонды, группы экспертов, специалистов и т. д.)¹⁴. Очевидно, что проектирование за счет привлечения различных профильных специалистов и специализированных учреждений, а также СМИ, институтов гражданского общества объективно создает предпосылки для значительного приближения принимаемых политических решений к

наиболее злободневным и социально значимым проблемам.

Политическое проектирование в современной России должно быть направлено на поиск модели эффективного соблюдения национальных интересов в нашей стране в соответствии с ее культурными традициями. Поэтому в современных условиях для государственной власти недопустимо игнорирование общенациональных интересов, которые не могут быть сведены к сумме частных и корпоративных. Поэтому, полагаем, государственный интерес будет еще относительно долгое время главенствующим в нашей стране при организации политического проектирования. Однако при этом и интересы иных, негосударственных субъектов должны быть не менее приоритетными для органов государственной власти.

Примечания

- ¹ См.: Бурков В. Н., Ириков В. К. Модели и методы управления организационными системами. М., 1994; Голубков Е. И. Системный анализ как методологическая основа принятия решений // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 3. С. 95–115; Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис. 2003. № 1. С. 159–170; № 2. С. 164–173; Ларичев О. Н. Теория и методы принятия решений: учебник. М., 2000; Маслов В. П. Моделирование политических процессов и роль личности в истории // Социс. 2005. № 10. С. 75–82; Ожиганов Э. Н. Моделирование и анализ политических процессов: учеб. пособие. М., 2006; Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М., 1998.
- ² Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование. Ростов н/Д, 2001. С. 3.
- ³ Гельман В. Я. Трансформации и режимы. Неопределенность и ее последствия // Россия регионов. Трансформация политических режимов / под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова. М., 2000. С. 19.
- ⁴ Листратов К. Е. Теоретико-методологические основы управления политическими проектами. М., 2007. С. 33.
- ⁵ Там же. С. 34.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Пархоменко Е. Л., Герасимов Б. И., Пархоменко Л. В. Качество инновационного продукта / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б. И. Герасимова. Тамбов, 2005. URL: <http://window.edu.ru/resource/120/38120/files/tstu2005-170.pdf> (дата обращения: 09.03.2013).
- ⁸ Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / под ред. А. И. Селиванова. М., 2005. С. 134.
- ⁹ Твириова Ю. А. Политическая коммуникация как фактор трансформации политической системы современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2003. С. 14.
- ¹⁰ См., например: Туронок С. Г. Политический анализ: курс лекций. М., 2005. С. 233.
- ¹¹ См.: Ефременко Д. В. Принятие политических решений в обществе риска: проблемы трансформа-

ции различных социальных рисков в политический риск // Политическое управление и публичная политика XXI века / Рос. ассоц. полит. науки ; редкол. : О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.) [и др.]. М., 2008. С. 55–68.

¹² Листратов К. Е. Управление политическими проектами : теория, методология, реальная политика // Вестн.

МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6. С. 66.

¹³ См., например: Расторгуев В. Н. Культура политического планирования // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 4. С. 45.

¹⁴ См.: Крыштановская О. Н. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 63–79.

УДК 329.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: СООТНЕСЕНИЕ КОНЦЕПТОВ

Б. А. Жедь

Ульяновский государственный университет
E-mail: zhed88@mail.ru

В статье автор рассмотрел теоретико-методологические основания соотнесения двух важнейших концептов современной политологии – политической конкуренции и социальной стабильности, и обосновал объективную обусловленность скачкообразного характера конкурентной борьбы между основными субъектами политики постсоветской России.

Ключевые слова: теоретические концепты, политическая конкуренция, социально-политическая стабильность, динамика конкуренции, политическая элита, имитация конкуренции.

Political Competitiveness and Problem of Social Stability: Correlation of Concepts

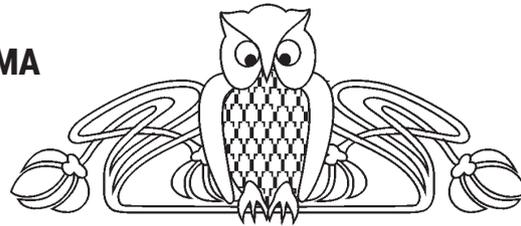
B. A. Zhed

Theoretical and methodological bases for correlation of two principal concepts of the modern political science – political competitiveness and social stability – are considered in this paper. The author substantiated the objective causality of uneven character of rival struggle between main political subjects in post-soviet Russia.

Key words: theoretical concepts, political competitiveness, social and political stability, dynamics of competitiveness, political elite, imitation of competitiveness.

Одной из важнейших проблем политической науки является проблема соответствия наших современных теоретических знаний о свойствах и смысле политической конкуренции реальному состоянию тех политических процессов, в которых эта конкуренция себя обнаруживает.

В рамках данной статьи попытаемся обосновать ряд предположений, которые в перспективе представляють определенную рабочую гипотезу нашего диссертационного исследования. Первое заключается в том, что динамика развития процесса конкуренции определяется не только объективными свойствами предмета конкуренции (его потенциальной пригодностью на роль ресурса политики), но и субъективным отношением к этому предмету (возведением его в ценность) участников конкурентного процесса, уровнем понимания

ими своего места в политике, своих интересов и возможностей. Исходя из такого предположения, можно объяснить скачкообразный, неровный характер конкурентной борьбы между субъектами российской политики (партиями, государственными структурами и оппозиционными массовыми движениями) на протяжении последних двух десятилетий, когда резкие ее обострения в связи с выборами президента и Законодательного собрания, принятием Конституции сменялись периодами апатии политических противников, отсутствием у них готовности и способности использовать для целей политической конкуренции консолидацию вокруг действующих властных структур.

Второе предположение состоит в том, что на протяжении последних двух десятилетий существенно изменился предмет конкуренции. В основе своей, естественно, он остался неизменным – обладание политической властью, но проявились существенные детали. В начале 1990-х гг. проблема власти интересовала элиты и контрэлиты, в первую очередь, как проблема средств **приобретения** контроля за имеющимися ресурсами государства и общества, как проблема средств раздела советского наследства в экономике, политике, культуре. Соответственно, напряженность политической конкуренции в России была достаточно высока. Но уже к середине 1990-х гг. на первый план вышел интерес конкурирующих политических сил к политической власти как средству **перераспределения и удержания** ранее приобретенных различными элитами и контрэлитами ресурсов. В результате напряженность политической конкуренции стала несколько спадать, но одновременно произошло перемещение наиболее активных зон конкурентной борьбы с уровня федерального политического пространства на уровень регионального. Это вызвало пресловутый «парад региональных суверенитетов» 1990-х гг., сопровождавшийся возрастанием роли имитационных действий региональных лидеров и в целом политических элит регионов.

С начала же 2000-х гг., в связи с оформлением общей ориентации внутрироссийской политики на

ции различных социальных рисков в политический риск // Политическое управление и публичная политика XXI века / Рос. ассоц. полит. науки ; редкол. : О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.) [и др.]. М., 2008. С. 55–68.

¹² Листратов К. Е. Управление политическими проектами : теория, методология, реальная политика // Вестн.

МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6. С. 66.

¹³ См., например: Расторгуев В. Н. Культура политического планирования // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 4. С. 45.

¹⁴ См.: Крыштановская О. Н. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 63–79.

УДК 329.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: СООТНЕСЕНИЕ КОНЦЕПТОВ

Б. А. Жедь

Ульяновский государственный университет
E-mail: zhed88@mail.ru

В статье автор рассмотрел теоретико-методологические основания соотнесения двух важнейших концептов современной политологии – политической конкуренции и социальной стабильности, и обосновал объективную обусловленность скачкообразного характера конкурентной борьбы между основными субъектами политики постсоветской России.

Ключевые слова: теоретические концепты, политическая конкуренция, социально-политическая стабильность, динамика конкуренции, политическая элита, имитация конкуренции.

Political Competitiveness and Problem of Social Stability: Correlation of Concepts

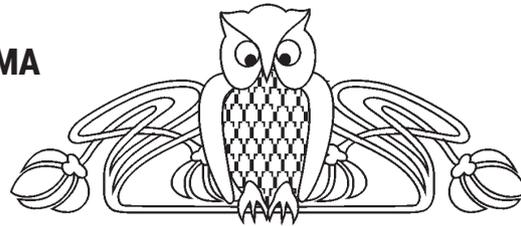
B. A. Zhed

Theoretical and methodological bases for correlation of two principal concepts of the modern political science – political competitiveness and social stability – are considered in this paper. The author substantiated the objective causality of uneven character of rival struggle between main political subjects in post-soviet Russia.

Key words: theoretical concepts, political competitiveness, social and political stability, dynamics of competitiveness, political elite, imitation of competitiveness.

Одной из важнейших проблем политической науки является проблема соответствия наших современных теоретических знаний о свойствах и смысле политической конкуренции реальному состоянию тех политических процессов, в которых эта конкуренция себя обнаруживает.

В рамках данной статьи попытаемся обосновать ряд предположений, которые в перспективе представляють определенную рабочую гипотезу нашего диссертационного исследования. Первое заключается в том, что динамика развития процесса конкуренции определяется не только объективными свойствами предмета конкуренции (его потенциальной пригодностью на роль ресурса политики), но и субъективным отношением к этому предмету (возведением его в ценность) участников конкурентного процесса, уровнем понимания

ими своего места в политике, своих интересов и возможностей. Исходя из такого предположения, можно объяснить скачкообразный, неровный характер конкурентной борьбы между субъектами российской политики (партиями, государственными структурами и оппозиционными массовыми движениями) на протяжении последних двух десятилетий, когда резкие ее обострения в связи с выборами президента и Законодательного собрания, принятием Конституции сменялись периодами апатии политических противников, отсутствием у них готовности и способности использовать для целей политической конкуренции консолидацию вокруг действующих властных структур.

Второе предположение состоит в том, что на протяжении последних двух десятилетий существенно изменился предмет конкуренции. В основе своей, естественно, он остался неизменным – обладание политической властью, но проявились существенные детали. В начале 1990-х гг. проблема власти интересовала элиты и контрэлиты, в первую очередь, как проблема средств **приобретения** контроля за имеющимися ресурсами государства и общества, как проблема средств раздела советского наследства в экономике, политике, культуре. Соответственно, напряженность политической конкуренции в России была достаточно высока. Но уже к середине 1990-х гг. на первый план вышел интерес конкурирующих политических сил к политической власти как средству **перераспределения и удержания** ранее приобретенных различными элитами и контрэлитами ресурсов. В результате напряженность политической конкуренции стала несколько спадать, но одновременно произошло перемещение наиболее активных зон конкурентной борьбы с уровня федерального политического пространства на уровень регионального. Это вызвало пресловутый «парад региональных суверенитетов» 1990-х гг., сопровождавшийся возрастанием роли имитационных действий региональных лидеров и в целом политических элит регионов.

С начала же 2000-х гг., в связи с оформлением общей ориентации внутрироссийской политики на

реализацию стратегий инновационного развития страны и ее модернизации, власть как предмет конкуренции стала интересовать противостоящие политические силы преимущественно в качестве средства **приобретения новых ресурсов** из ряда тех, что общество и государство стали вкладывать в инновационные и модернизационные программы.

Предварительный анализ ряда публикаций дает основание предположить, что эти объективные сдвиги в логике соперничества субъектов российской политики не были учтены на концептуальном уровне. Достаточно высокий общий интерес отечественных исследователей к освоению зарубежного опыта политической конкуренции помешал концентрации их внимания в политической науке на моментах изменчивости свойств самой конкурентной среды в российской политике, на динамике условий и правил осуществления конкурентных отношений ее субъектов. В реальном процессе политической конкуренции в России наука выделяла в качестве предмета своего внимания, прежде всего, те аспекты и характеристики, тенденции и противоречия, которые имели свои позитивные или негативные аналоги в зарубежной политической теории и практике, которые соответствовали или же, напротив, не соответствовали стандартам конкуренции между субъектами либерально-демократической политики. Данные проблемы рассматривались, прежде всего, через призму взаимоотношений власти и оппозиции в постсоветской России¹.

Анализ литературы показал, что отечественные специалисты акцент делают на том, что политическая конкуренция представляет собой, в первую очередь, важный индикатор состояния и общей направленности политического процесса в постсоветской России. На это, как правило, сориентирован анализ региональных электоральных процессов, процессов ротации элит и партийной жизни². Тут, действительно, напряженность и конструктивность (деструктивность) конкурентной борьбы говорит о многом в плане, например, осознания региональными элитами и региональным электоратом ближайших целей политики, доступных ресурсов политического участия и собственных интересов политического участия. Механизмы и процедуры политической конкуренции многое, более, чем что-либо другое в политике (демократической и недемократической в равной степени), говорят о специфике базовых, цивилизационных основ политической жизни данных государства и общества.

Механизмы и характер политической конкуренции воплощают в себе общую меру политичности конкретной социальной системы, то, что образно можно определить как «генетику» политического процесса в ней. Наблюдая за этой «генетикой», исследователь может со значительной степенью достоверности судить о потенциале прогресса данной системы, о вероятных рисках ее взаимодействий с другими системами. Это именно

своеобразная «генетика» политического процесса, поскольку речь идет об искренней и устойчивой уверенности его субъектов, что те способы и средства, которыми они пользуются при конкуренции со своими политическими оппонентами, являются наиболее естественными и эффективными для достижения практических результатов политики. В этих конкурентных механизмах и процедурах, как в зеркале, отражаются основные специфические свойства доминирующей политической культуры и доминирующих идентичностей субъектов политики, мера их (пользуясь выражением Ф.-В. Ницше, «воля к власти»).

Наблюдение за работой этих механизмов и состоянием этих процедур создает как раз то фактическое основание, от которого исследователи часто отталкиваются при оценке свойств политической культуры граждан, их политических идентичностей. И общая оценка исследователем конкурентного потенциала политики задает в данном случае и общий ракурс видения им самых разных реалий политической жизни. Например, Г. М. Михалева, рассматривая роль оппозиции и характер ее деятельности в современной России, делает очень широкие обобщения о том, что «современная политическая система России имеет закрытый, клановый характер, ключевые позиции в бизнесе и власти монополизированы правящей группой. Возможности влияния граждан и групп интересов на решения властей всех уровней минимизированы. Доступ к власти для них практически закрыт. Партии в свою очередь не выполняют важнейших функций, связанных с представительством интересов социальных групп, формулированием альтернативных политических курсов и обеспечением взаимодействия общества и власти»³.

Изучение литературы по данной проблематике показало, что сегодня в России, как и во многих развитых странах мира, быстрыми темпами идет формализация легитимных средств и способов политической конкуренции, сужение реальных пространств тех политических коммуникаций, в которых она могла бы быть полноценно осуществлена. Сужается спектр реально функционирующих партий и общественных движений, и сама их активность приобретает все более формальный характер, обнаруживает себя преимущественно в период избирательных кампаний⁴.

Под влиянием процессов глобализации (особенно в социокультурной и информационно-коммуникационной сферах), затрагивающих российскую политическую сферу, сужается спектр возможностей различных политических субъектов использовать для нужд политической конкуренции такой важнейший в прежние времена для демократических систем ресурс, как политическая культура электората и властных элит. Политическая культура не столько унифицируется, сколько фрагментируется⁵, распадается на однотипные структурные элементы, из которых впоследствии

могут возникать самые непредсказуемые комбинации. Такие, которые сегодня, ориентируясь на исторический опыт политико-культурного развития Европы и Северной Америки, политическая наука не в состоянии просчитать. Элиты предпочитают и публично мыслить не столько категориями национально-государственного интереса, сколько категориями «всеобщих прав человека», интересов будущего «мирового сообщества». Не публично они могут руководствоваться категориями «этничности», «землячества», «клановости», «религиозной избранности» и т. д.

Это само по себе приводит политическую конкуренцию внутри социально-политических систем в неустойчивое состояние, затрудняющее политическое прогнозирование как таковое. Неустойчивость имеет место, несмотря на активно совершенствующееся законодательство и формальные усилия государственной власти во многих демократических государствах, включая Россию, гарантировать равные конкурентные возможности для всех субъектов политики. Однако такая государственная помощь часто оборачивается на практике введением в оборот пресловутого «административного ресурса», объективно придающего политической конкуренции в демократической социально-политической системе искаженный порядок. Конкуренция становится процессом, дискредитирующим саму идею демократии и легитимирующим в массовом сознании идею «сильной власти», способной вместо «псевдоконкуренции» предложить обществу «порядок»⁶.

При этом, напротив, актуализируются всевозможные нелегитимные средства и способы ее осуществления, в том числе связанные с коррупцией. Коррупция, возможно, потому так трудно победима сегодня чисто административными средствами, что органично дополняет собой «административный ресурс»: она компенсирует естественные ограничения конкурентоспособности тех политических субъектов, которые не имеют по тем или иным причинам непосредственного доступа к использованию административного ресурса. Коррупция делает такой доступ важным, но не единственным и не всегда решающим ресурсом победы в политической конкуренции. В определенном смысле коррупция выступает в качестве механизма выравнивания конкурентных возможностей этих субъектов. Она позволяет расширить процедуры политической конкуренции за пределы границ легитимности. Иногда это расширение приобретает такие масштабы, что нелегитимные формы и способы конкуренции начинают доминировать в политическом процессе. Хотя, заметим, для отечественных политических аналитиков, насколько можно судить по тем теоретическим подходам к освещению практики политической конкуренции в России и мире, которые представлены в научных публикациях, такое состояние политического процесса крайне редко становится поводом для сомнений в способности

либеральной теоретической модели политической конкуренции адекватно и полноценно отразить изменчивые реалии современной политики и то новое, что в нее привносят сегодня глобализация и модернизационные усилия российской государственной власти⁷. Напротив, реальность российской политики чаще всего рассматривается в качестве по-своему уникального и объяснимого «исконными» свойствами российской цивилизации отклонения от той совершенной модели политической конкуренции, которая прописана в либеральных теориях⁸. У сторонников либерального понимания принципов и норм политической конкуренции появляется, таким образом, основание говорить о необходимости возврата российской политики к тем «классическим» принципам либерализма, от которых эта политика сегодня постепенно удаляется⁹.

Политическая наука, таким образом, вне зависимости от того, какие благие цели преследует сам исследователь, дает возможность политическим силам, оппозиционным ныне действующей в России государственной власти, представлять обществу приверженность либеральным идеям и ценностям в виде их борьбы за создание в нашей стране условий для «правильной и действенной» политической конкуренции. Если принять во внимание факт быстрых и не всегда до конца понятных науке изменений в течении политических процессов в России и мире, то возврат к стандартам политической конкуренции, прописанным в большинстве своем в либеральных теориях прошлого столетия, выглядит перспективой вдохновляющей, но не реализуемой на практике. Как уже было отмечено выше, власть как главный предмет конкуренции сегодня уже интересует участников политического процесса в иных ее измерениях, нежели это было пятьдесят лет, а тем более столетие назад.

Неустойчивость именно легитимных механизмов и процедур политической конкуренции, вероятно, во многом определяет то своеобразное предельное состояние амплитуды колебаний конкурентных настроений субъектов политики, которое ярко обнаруживает себя в судьбах партий власти, последовательно создававшихся в России в течение 1990–2000-х гг.

Каждый раз, когда начиналось формирование очередной такой «партии власти в элите и обществе», возникали завышенные ожидания и наблюдался резкий подъем легитимной конкурентной борьбы. Она возникала по поводу институционализировавшихся и консолидировавшихся вокруг государственного лидера структур, ресурсов, интересов, правовых регуляторов. За всплеском этой легитимной конкуренции, как реакция на не состоявшиеся надежды, следовал каждый раз столь же резкий спад интереса к конкуренции в политическом пространстве, в котором правовые и административные регуляторы обеспечивали максимальную монополизацию очередной «партией

власти» всех общественных и государственных ресурсов конкуренции. Всплеск конкурентной активности оппозиционных сил быстро сменялся их апатией, развитием имитаций их оппозиционности и политической конкурентоспособности.

В свете этого оправданным выглядит предположение, что именно симулятивный характер российской политической конкуренции, периодически проявляющийся на этапах спада политической конкуренции реальной, объективно ведет затем, на этапах новой активизации конкурентной борьбы, к радикализации массовых протестных настроений. Например, к использованию обществом для взаимодействия с государственной властью нелегитимных механизмов политической конкуренции, в том числе подпадающих под юридическое определение «экстремизм». Такого рода тенденции обнаруживались в начале и во второй половине 1990-х гг. в обострившихся межэтнических конфликтах. Обнаруживаются они и сегодня в формате протестных выступлений населения столиц и крупных городских центров.

Специфическая динамика механизмов регуляции политической конкуренции, таким образом, почти как в зеркале, отражается в сложной динамике современного российского политического процесса. В этом смысле представляется обоснованным тезис о том, что отсутствие здоровой конкуренции в политике ведет к ее радикализации и служит почвой для экстремизма. Но в такой формулировке он недостаточно содержит в себе ту информацию, опираясь на которую, можно было бы судить о качестве тех механизмов, которые должны определять и качество самой конкуренции. Дело, как представляется, не в том, чтобы была конкуренция, а в том, чтобы эта конкуренция обеспечивалась механизмами и процедурами определенного качества, и качество это совершенствовалось параллельно с прогрессивными подвижками в политическом процессе. Конкуренция, основанная на верных, но исторически устаревших принципах, может породить радикализацию политики в той же степени, что и в случае отсутствия конкуренции как таковой.

Еще одно предположение, как точка отсчета для дальнейшего исследования, состоит в том, что на качественных свойствах и динамике политической конкуренции в России, на складывании и работе ее механизмов, в первую очередь легитимных, сказывается общее состояние политических процессов в мире, как страновых, так и международных. Конкуренция имеет смысл, когда ее процесс и ее ожидаемые результаты привязаны в сознании ее участников к более-менее осознанной практической цели. В свое время такие цели обозначили классические идеологии, и именно поэтому наши сегодняшние представления о нормах и патологиях политической конкуренции так тесно привязаны к опыту политической конкуренции в политических системах мира XIX–XX столетий.

Нынешние определения целей мирового развития неопределенны. Более того, над их четким определением мало кто в современном мире заинтересован трудиться. Страны, которые, подобно России, понесли существенный экономический, политический и культурный ущерб от превращения биполярного мира в униполярный «мировой порядок», не заинтересованы в популяризации своего видения политической перспективы человечества потому, что за такой популяризацией должны следовать реальные дела и реальные ресурсные вложения в такой глобальный проект.

Те политические силы, которые сегодня господствуют в униполярном мире, в принципе не заинтересованы в том, чтобы идея будущего в массовом сознании ассоциировалась с чем-то, кроме «глобального потепления», «падения астероида Апофиз», «смены полюсов Земли», а тем более с чем-то из области политики. Иными словами, имеет место состояние того «шумового фона», на котором каждое частное проявление политической конкуренции оказывается лишенным если не смысла, то конструктивного пафоса, так необходимого политике для упрочения легитимности. Политическая конкуренция становится рутинным компонентом политического процесса, обременяющим его динамику. Это одна из ключевых, на наш взгляд, опасностей для будущего демократической политики как таковой, обнаруживающая себя в совершенно реальных очертаниях.

Примечания

- 1 См.: Власть и оппозиция : Российский политический процесс XX столетия / сост. М. Лобанов. М., 1995 ; *Дадвани Л. Я.* О попытках создания в России лево-правого блока оппозиционных сил, 1989–1996 гг. М., 1997 ; *Жуков А. А.* Левоцентристская многопартийная оппозиция в России в 1991–1997 гг. М., 1999 ; *Он же.* Формирование, развитие и деятельность российской многопартийной политической оппозиции в 1991–1997 гг. М., 1999 ; *Саенко Г. В.* Оппозиционная деятельность в России : технологии и механизмы реализации (90-е годы XX века). Рыбинск, 2006 ; и др.
- 2 См.: *Ашихмина Я. Г.* Конкуренция элит на выборах как критерий современной демократии // Политэкс. 2007. № 2. С. 245–253. URL : <http://www.politex.info/content/view/341/30/> (дата обращения: 26.02.2013) ; Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю. Г. Коргунока, Е. Ю. Мелешкиной, Г. М. Михалевой. М., 2010 ; *Скакунов Э. П.* Политическая конкуренция в России // Социс. 2000. № 5. С. 12–15 ; и др.
- 3 *Михалева Г. М.* Роль оппозиции и псевдооппозиции в партийной системе России // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. С. 76.
- 4 См., например: *Пелиццо Р.* «Картельная» партийная система. О партиях всего народа. Русский журнал, 24.11.2008. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/>

Kartel-naya-partijnaya-sistema (дата обращения: 25.02.2013).

- 5 См.: *Зимин В. А.* Понятие консолидированной и фрагментированной политической культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 74–77.
- 6 См.: *Вишневецкий Б. Л.* Политическая конкуренция в России : хроника снижения // Политэкс. 2007. № 2. С. 290–298. URL: <http://www.politex.info/content/view/338/30/> (дата обращения: 26.02.2013).

- 7 Одним из немногих авторов, активно работающих над исследованием данной проблемы, является Ю. А. Нисневич (См.: *Нисневич Ю. А.* Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2009. № 3. С. 6–8).
- 8 См., например: *Гудков Л.* Общество с ограниченной вмняемостью // Вестн. общественного мнения. 2008. № 1. С. 8–32.
- 9 См., например: *Европейский выбор или снова «особый путь»? / под общ. ред. И. М. Клямкина. М., 2010.*

УДК 329(470)

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

А. С. Толкалов

Саратовский государственный университет
E-mail: aleksei.tolkalov@gmail.com

В статье речь идет об основных направлениях в понимании сущности политического имиджа, существующих в российской и зарубежной политической науке, и о присущих им особенностях.

Ключевые слова: политический имидж, сущность имиджа, политические технологии.

Content of the Political Image: Russian and Foreign Experience of Theoretic Comprehension

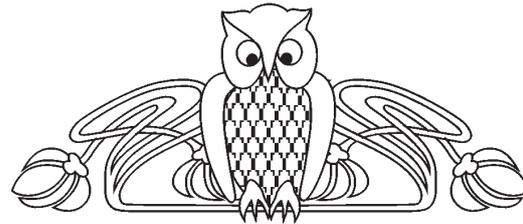
A. S. Tolkalov

The article discusses main directions in understanding of content of the political image in russian and foreign political science and their features.

Key words: political image, content of the image, political technologies.

Исследования, связанные с теоретическим осмыслением накопленного опыта в рамках различных направлений политической науки, представляются в значительной степени актуальными. Дело в том, что современное состояние политологии характеризуется огромным объемом накопленных знаний, нуждающихся в анализе и систематизации. Не является исключением и направление политической имиджологии. В рамках данной статьи мы предпримем попытку теоретического осмысления и анализа опыта, накопленного отечественными и зарубежными исследователями касательно сущности политического имиджа. Однако реализация данной задачи осложняется некоторыми особенностями исследуемого феномена.

Основная сложность заключается в междисциплинарной природе имиджа и его политической разновидности. Проблема сущности имиджа находится в поле исследовательских интересов не только политологов, но и представителей

смежных с ней дисциплин: психологии, философии, маркетинга и т.д. Следует отметить, что результаты таких исследований представляют значительную ценность и для политической науки, так как политический имидж аккумулирует в себе особенности и других разновидностей имиджа. Таким образом, для целостного осмысления сущности политического имиджа представляется целесообразным проанализировать посвященные проблематике имиджа исследования представителей смежных с политологией научных дисциплин с целью выявления их ценности для исследования имиджа политического лидера.

Несмотря на то, что имиджология является сравнительно молодым научным направлением, проблема соотношения истинного и искусственного в образе человека находит отражение в трудах мыслителей разных исторических эпох вплоть до периода античной философии.

Так, проблема сущности имиджа отчасти находит отражение в «Государстве» Платона. В этом диалоге философ приводит в пример миф, позже получивший название «Платонова пещера». Суть его заключается в следующем: люди, находящиеся в пещере, могут видеть лишь тени предметов, которые проносятся мимо нее. Таким образом, их взору открыты лишь очертания, отдаленно напоминающие настоящие вещи¹. Подобная ситуация имеет место и в случае с имиджем: большинство людей не способно разглядеть за маской имиджа реального человека. Платон противопоставлял такому восприятию окружающей действительности мировоззрение философов, которые единственные способны узреть не «идолы сознания», а чистые, неискаженные образы или идеи.

Идеи античного философа нашли сторонников и среди мыслителей последующих истори-

Kartel-naya-partijnaya-sistema (дата обращения: 25.02.2013).

- 5 См.: *Зимин В. А.* Понятие консолидированной и фрагментированной политической культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 74–77.
- 6 См.: *Вишневецкий Б. Л.* Политическая конкуренция в России : хроника снижения // Политэкс. 2007. № 2. С. 290–298. URL: <http://www.politex.info/content/view/338/30/> (дата обращения: 26.02.2013).

- 7 Одним из немногих авторов, активно работающих над исследованием данной проблемы, является Ю. А. Нисневич (См.: *Нисневич Ю. А.* Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2009. № 3. С. 6–8).
- 8 См., например: *Гудков Л.* Общество с ограниченной вмняемостью // Вестн. общественного мнения. 2008. № 1. С. 8–32.
- 9 См., например: *Европейский выбор или снова «особый путь»? / под общ. ред. И. М. Клямкина. М., 2010.*

УДК 329(470)

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

А. С. Толкалов

Саратовский государственный университет
E-mail: aleksei.tolkalov@gmail.com

В статье речь идет об основных направлениях в понимании сущности политического имиджа, существующих в российской и зарубежной политической науке, и о присущих им особенностях.

Ключевые слова: политический имидж, сущность имиджа, политические технологии.

Content of the Political Image: Russian and Foreign Experience of Theoretic Comprehension

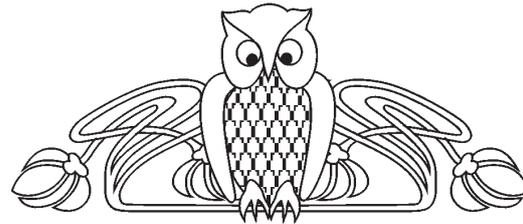
A. S. Tolkalov

The article discusses main directions in understanding of content of the political image in russian and foreign political science and their features.

Key words: political image, content of the image, political technologies.

Исследования, связанные с теоретическим осмыслением накопленного опыта в рамках различных направлений политической науки, представляются в значительной степени актуальными. Дело в том, что современное состояние политологии характеризуется огромным объемом накопленных знаний, нуждающихся в анализе и систематизации. Не является исключением и направление политической имиджологии. В рамках данной статьи мы предпримем попытку теоретического осмысления и анализа опыта, накопленного отечественными и зарубежными исследователями касательно сущности политического имиджа. Однако реализация данной задачи осложняется некоторыми особенностями исследуемого феномена.

Основная сложность заключается в междисциплинарной природе имиджа и его политической разновидности. Проблема сущности имиджа находится в поле исследовательских интересов не только политологов, но и представителей

смежных с ней дисциплин: психологии, философии, маркетинга и т.д. Следует отметить, что результаты таких исследований представляют значительную ценность и для политической науки, так как политический имидж аккумулирует в себе особенности и других разновидностей имиджа. Таким образом, для целостного осмысления сущности политического имиджа представляется целесообразным проанализировать посвященные проблематике имиджа исследования представителей смежных с политологией научных дисциплин с целью выявления их ценности для исследования имиджа политического лидера.

Несмотря на то, что имиджология является сравнительно молодым научным направлением, проблема соотношения истинного и искусственного в образе человека находит отражение в трудах мыслителей разных исторических эпох вплоть до периода античной философии.

Так, проблема сущности имиджа отчасти находит отражение в «Государстве» Платона. В этом диалоге философ приводит в пример миф, позже получивший название «Платонова пещера». Суть его заключается в следующем: люди, находящиеся в пещере, могут видеть лишь тени предметов, которые проносятся мимо нее. Таким образом, их взору открыты лишь очертания, отдаленно напоминающие настоящие вещи¹. Подобная ситуация имеет место и в случае с имиджем: большинство людей не способно разглядеть за маской имиджа реального человека. Платон противопоставлял такому восприятию окружающей действительности мировоззрение философов, которые единственные способны узреть не «идолы сознания», а чистые, неискаженные образы или идеи.

Идеи античного философа нашли сторонников и среди мыслителей последующих истори-

ческих эпох. Так, английский философ Дж. Локк схожим с платоновским образом подверг критике схоластические «врожденные идеи», противопоставив им истинные образы, полученные посредством лишенного догматизма и предубеждений восприятия мира. В свою очередь, концепция Локка остро критиковалась немецкими идеалистами, возводящими в ранг истинных абстрактные схемы априорных категорий. Однако, несмотря на некоторые разночтения, суть всех вышеуказанных концепций сводилась к существованию «ложных» образов, сформированных при помощи иллюзии, хитрости, иррациональности, и противопоставлению этим образам истинных, «чистых» образов, дарованных природой и/или разумом². Таким образом, рассматриваемый мыслителями феномен можно охарактеризовать как «протоимидж», который трактовался учеными и философами как искаженная, извращенная реальность, частица «ложного сознания», являющаяся противоположностью «чистых» идей и образов.

Бесспорно, подобные концепции являются преимущественно философскими и не посвящены феномену имиджа в его современном понимании, однако, с нашей точки зрения, они положили начало дискуссии исследователей по поводу того, что представляет собой имидж и в чем заключается его сущность.

Анализируя современное состояние проблемы сущности имиджа, следует отметить наличие широкого спектра исследовательских трактовок. Зарубежный опыт рефлексии по поводу сущности феномена имиджа осуществляется в рамках трех основных направлений.

Специфика первого направления состоит в понимании политического имиджа как бренда. Данное направление объединяет исследователей в области политического маркетинга, которые проводят аналогию между имиджем политического лидера или партии и маркетинговым образом товара или услуги. Задача имиджмейкеров в данном случае заключается во внедрении в реальный образ носителя привлекательных черт с целью создания неизгладимых впечатлений у целевой аудитории, выступающей в роли потребителя³. Имидж в данном случае является «торговой маркой» кандидата, который рассматривается как товар. Из такого понимания сущности имиджа вытекают две основные его функции: убедить потребителя в высоком качестве товара и показать его преимущества по отношению к конкурентам.

Действительно, политический имидж порой преследует схожие с коммерческим брендом цели, реализуемые похожими способами. Так же, как и маркетинговая кампания по продвижению какого-либо товара или услуги, политический имидж нацелен на «массового потребителя». Однако неизбежно возникает вопрос качества «продукта», предлагаемого потребителю. Как за масштабной и дорогой маркетинговой кампанией может скрываться товар весьма посредственного

качества, так и яркий политический имидж может обмануть ожидания избирателей. На наш взгляд, единственным стопроцентным критерием оценки качества такого бренда может выступать время. В отличие от действительно качественного продукта, спрос на «раскрученный» очень скоро спадает, так же как и «пустые» имиджи забываются через несколько недель после окончания предвыборной кампании. Однако подобные ситуации, с нашей точки зрения, не являются поводом для отказа от применения «маркетингового» подхода в исследованиях процесса формирования политического имиджа.

Представители второго исследовательского направления рассматривают феномен имиджа через призму сравнительной неврологии. Центральное место в рамках данного направления занимают изыскания профессора Университета Южной Калифорнии Антонио Дамасио – известного популяризатора неврологии. Анализируя политические процессы в США, он приходит к выводу, что ущерб, наносимый имиджу США, оказывает непосредственное влияние на чувства и мысли людей по отношению к американскому государству. Имиджи, согласно мнению Дамасио, являются «валютой нашего сознания», а «мысль» характеризуется им как слово, наиболее приемлемое для обозначения «потока образов»⁴. Любой процесс или явление, о котором мы думаем, выступает, по мнению исследователя, не чем иным, как имиджем. Причем имидж в представлении исследователей-неврологов – не просто визуальный или аудио-образ, «картинка в голове», а «ментальный паттерн, выражающий отношение субъекта к носителю имиджа»⁵.

Особенностью понимания сущности имиджа в рамках данного направления является утверждение исследователей о влиянии имиджа, существующего в сознании человека, на его тело и физиологические процессы. Стимулируя ментальные процессы, происходящие в сознании человека, имидж способен вызвать усиленный синтез определенных гормонов и секретов.

Подобное видение сущности имиджа, на наш взгляд, в большей степени связано с проблемой отражения окружающей действительности в человеческом сознании и подсознании и представляется уместным скорее в психологических и психотерапевтических исследованиях. В первую очередь, это обусловлено тем, что в контексте политологических исследований такая интерпретация имиджа доводит понятие до абсурда. Интересным представляется положение о влиянии имиджей на физиологические процессы в организме. Данное утверждение кажется логичным: процесс познания и восприятия является одной из областей деятельности центральной нервной системы человека, которая, в свою очередь, регулирует синтез различных веществ в организме. Эмоциональная реакция, возникающая в процессе восприятия имиджа, вероятно, способствует вы-

работке определенных гормонов, однако верификация данного утверждения требует лабораторных химико-биологических испытаний, что в рамках данного исследования невозможно.

Третье направление представлено, прежде всего, работами профессора Чикагского университета Тома Митчелла. Он понимает имидж как визуальный феномен, представленный в виде комплекса различных его проявлений: графического, оптического, вербального и перцепционного⁶. Такое «внешнее» воплощение Митчелл называет «буквальным» понятием имиджа, отделяя его от имиджа «метафорического», исследуемого Дамасио и другими учеными-неврологами. Политический имидж, согласно его точке зрения, находится на границе двух воплощений, так как наряду с конкретными внешними атрибутами он направлен на формирование в сознании целевой аудитории абстрактного образа.

Такое видение сущности имиджа, с нашей точки зрения, представляет определенную ценность для исследования в области политической имиджологии. Подобно актеру на сцене театра, политический лидер обязан преподнести публике не только свой облик и манеру поведения, но и внутренние убеждения, черты характера, свои идеалы. Однако имиджмейкеры в процессе формирования политического имиджа задействуют все доступные для его трансляции сферы, поэтому данная трактовка сущности имиджа носит несколько зауженный и однобокий характер.

Спектр отечественных трактовок имиджа не так широк, как за рубежом, что обусловлено молодостью данного научного направления в России и на постсоветском пространстве. Как правило, отечественные исследователи придерживаются точки зрения, что имидж представляет собой некую конструкцию, наделяющую своего носителя определенным набором качеств, изначально ему не присущим, с целью повышения его привлекательности в глазах окружающих. Данное определение часто принимается учеными за основу, однако каждый из них по-своему его дополняет.

Основные разночтения заключаются в соотношении искусственного и естественного в рамках имиджевой конструкции. Некоторые исследователи, например О. А. Феофанов и М. Н. Шашлов, придерживаются точки зрения, в соответствии с которой имидж практически не имеет отношения к реальному образу своего носителя. На наш взгляд, подобная точка зрения чрезмерно радикальна и категорична. Согласимся, что имидж порой наделяет носителя качествами, изначально ему не присущими. Однако имидж, не имеющий ничего общего со своим «хозяином», нежизнеспособен.

Другая группа исследователей принимает положение о том, что имидж является продуктом конструирования, отмечая, однако, что оно осуществляется на базе личностных характеристик своего носителя, а не в отрыве от него. Таким

образом, данная точка зрения предусматривает синтез привнесенных имиджевых характеристик с естественным обликом.

Некоторые особенности при определении сущности имиджа обусловлены пониманием слова «имидж» и выявлением синонимичных русских слов. Так, большинство исследователей трактуют данное слово как синоним слова «образ», в то время как другие ассоциируют его с другими словами. К примеру, А. Ю. Панасюк определяет имидж как мнение, а Е. Б. Перельгина – как репутацию, авторитет⁷. Таким образом, представления о синонимичных с имиджем понятиях также оказывают серьезное влияние на толкование исследователем сущности данного феномена.

Особенно следует отметить роль саратовской школы политической науки в определении сущности политического имиджа. На базе кафедры политических наук Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского были разработаны и защищены диссертационные исследования, в которых авторы представили свое видение данной проблематики. Так, Н. В. Трошина определяет имидж как формируемый, в соответствии с целевыми установками массового либо группового сознания, образ лидера (политика), отражающий представления социума либо отдельных его групп о субъективных (связанных с запечатленными в образе возможностями лидера) условиях реализации этих установок⁸. Другая саратовская исследовательница В. С. Феклюнина трактует имидж в похожем ключе: «Политический имидж представляет собой эмоционально окрашенный образ, имеющий характер стереотипа, и является результатом сочетания целенаправленных и непреднамеренных действий»⁹. Можно сделать вывод, что в исследованиях саратовских политологов присутствует тенденция к пониманию имиджа как отражения сложившихся в обществе стереотипических представлений об идеальном политическом лидере. На наш взгляд, подобная точка зрения является вполне оправданной, так как, являясь мощным инструментом манипулирования массовым сознанием, стереотипы способны значительно повысить эффективность и расширить круг последователей носителя имиджа.

Отечественные и зарубежные трактовки имиджа, бесспорно, обладают своими особенностями, обусловленными как продолжительностью интереса к данной проблеме, так и спецификой политических режимов и политической культуры.

Специфика понимания имиджа в российской и зарубежной науке выражена, в первую очередь, в разном представлении о соотношении искусственного и естественного в рамках имиджа человека или организации. Среди отечественных исследователей превалирует точка зрения, в соответствии с которой имидж понимается как абсолютно или в большей степени искусственная конструкция. Следует отметить, что такая радикальная точка зрения характерна для начального этапа развития

имиджелогии в России. Более поздние исследования рассматривают имидж как симбиоз реальных качеств носителя и привнесенных имиджем черт, призванных усилить достоинства своего обладателя и замаскировать недостатки.

Зарубежные трактовки имиджа отличаются меньшей категоричностью. Имидж не противопоставляется реальному образу человека, а представляется как его органичное дополнение. Человек, вынужденный постоянно находиться под прицелом камер и неусыпного ока средств массовой информации, настолько сживается со своим имиджем, что уже невозможно различить, где он является самим собой, а где играет отведенную ему роль.

Особенностью политического имиджа, с нашей точки зрения, является его пограничное положение относительно вышеуказанных направлений. Также специфика политической разновидности имиджа обусловлена средой его формирования и функционирования. Будучи направленным на широкий круг «потребителей», эффективный политический имидж должен сочетать в себе манипулятивный потенциал «психологического» имиджа и привлекательность коммерческого бренда. Таким образом, политический имидж можно охарактеризовать как конструируемый на базе реальных характеристик образ, наделяющий его носителя характеристиками, отражающими

УДК 329.05(470–671)

АПОЛОГЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ОПЫТА РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Д. Г. Третьяков

Саратовский государственный университет
E-mail: tret4ever@mail.ru

В статье рассмотрены основные факторы, которые обусловили наличие апологетических тенденций в отечественной политической науке в отношении анализа становления российской многопартийности, основных особенностей электорального опыта российских политических партий, их функциональных характеристик.

Ключевые слова: апологетические тенденции, концептуализация электорального опыта, политические партии, электоральная функциональность партий, политические технологии.

Apologetic Tendencies Within Conceptualization of Russian Political Parties' Electoral Experience

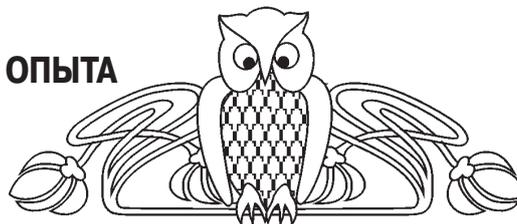
D. G. Tretyakov

This article focuses on key factors causing apologetic tendencies of the Russian political science concerning analysis of the Russian multiplicity of parties' establishment, main features of the Russian political parties' electoral experience, and their functional peculiarities.

стереотипические представления целевой аудитории об идеальном лидере (кандидате, партии), с целью завоевания и легитимного удержания политической власти.

Примечания

- ¹ См.: Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2009. С. 514.
- ² См.: Mitchell W. J. T. *Iconology: Image, Text, Ideology*. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 165.
- ³ См.: Blackett T. *What is a brand? // Brands and branding*. N.Y., 2009. P. 13.
- ⁴ См.: Damasio A. *The Feeling of What Happens: Body, Emotion and the Making of Consciousness*. L.: William Heinemann, 2000. P. 318–319.
- ⁵ Ibid. P. 9.
- ⁶ См.: Mitchell W. J. T. *Op. cit.* P. 10.
- ⁷ См.: Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Saarbrücken: Verlag LAP LAMBERT, 2011. С. 48.
- ⁸ См.: Трошина Н. В. Фактор имиджа в российском электоральном процессе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2001.
- ⁹ Феклюнина В. С. Политический имидж России в американской прессе 2000–2004 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005.

Key words: apologetic tendencies, conceptualization of electoral experience, political parties, electoral functionality of parties, political technologies.

Исследование политических партий в российской политологии вообще и их электоральной функциональности в частности подвержено достаточно сильному апологетическому влиянию различных методологических и мировоззренческих подходов. На наш взгляд, большинство вопросов, связанных с апологетическими тенденциями в концептуализации электорального опыта российских политических партий, связаны с проблемой эквивалентности понятий в общественных науках. Речь идет о ситуации, при которой один и тот же термин, одна и та же категория используется для обозначения объектов, имеющих различную сущность в условиях конкретных политических систем.

имиджелогии в России. Более поздние исследования рассматривают имидж как симбиоз реальных качеств носителя и привнесенных имиджем черт, призванных усилить достоинства своего обладателя и замаскировать недостатки.

Зарубежные трактовки имиджа отличаются меньшей категоричностью. Имидж не противопоставляется реальному образу человека, а представляется как его органичное дополнение. Человек, вынужденный постоянно находиться под прицелом камер и неусыпного ока средств массовой информации, настолько сживается со своим имиджем, что уже невозможно различить, где он является самим собой, а где играет отведенную ему роль.

Особенностью политического имиджа, с нашей точки зрения, является его пограничное положение относительно вышеуказанных направлений. Также специфика политической разновидности имиджа обусловлена средой его формирования и функционирования. Будучи направленным на широкий круг «потребителей», эффективный политический имидж должен сочетать в себе манипулятивный потенциал «психологического» имиджа и привлекательность коммерческого бренда. Таким образом, политический имидж можно охарактеризовать как конструируемый на базе реальных характеристик образ, наделяющий его носителя характеристиками, отражающими

УДК 329.05(470–671)

АПОЛОГЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ОПЫТА РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Д. Г. Третьяков

Саратовский государственный университет
E-mail: tret4ever@mail.ru

В статье рассмотрены основные факторы, которые обусловили наличие апологетических тенденций в отечественной политической науке в отношении анализа становления российской многопартийности, основных особенностей электорального опыта российских политических партий, их функциональных характеристик.

Ключевые слова: апологетические тенденции, концептуализация электорального опыта, политические партии, электоральная функциональность партий, политические технологии.

Apologetic Tendencies Within Conceptualization of Russian Political Parties' Electoral Experience

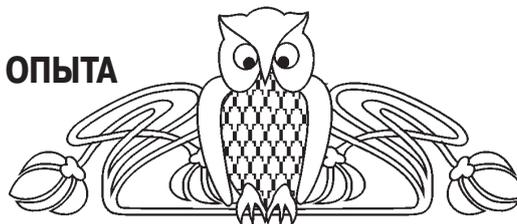
D. G. Tretyakov

This article focuses on key factors causing apologetic tendencies of the Russian political science concerning analysis of the Russian multiplicity of parties' establishment, main features of the Russian political parties' electoral experience, and their functional peculiarities.

стереотипические представления целевой аудитории об идеальном лидере (кандидате, партии), с целью завоевания и легитимного удержания политической власти.

Примечания

- ¹ См.: Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2009. С. 514.
- ² См.: Mitchell W. J. T. *Iconology: Image, Text, Ideology*. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 165.
- ³ См.: Blackett T. What is a brand? // *Brands and branding*. N.Y., 2009. P. 13.
- ⁴ См.: Damasio A. *The Feeling of What Happens: Body, Emotion and the Making of Consciousness*. L.: William Heinemann, 2000. P. 318–319.
- ⁵ Ibid. P. 9.
- ⁶ См.: Mitchell W. J. T. *Op. cit.* P. 10.
- ⁷ См.: Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Saarbrücken: Verlag LAP LAMBERT, 2011. С. 48.
- ⁸ См.: Трошина Н. В. Фактор имиджа в российском электоральном процессе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2001.
- ⁹ Феклюнина В. С. Политический имидж России в американской прессе 2000–2004 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005.

Key words: apologetic tendencies, conceptualization of electoral experience, political parties, electoral functionality of parties, political technologies.

Исследование политических партий в российской политологии вообще и их электоральной функциональности в частности подвержено достаточно сильному апологетическому влиянию различных методологических и мировоззренческих подходов. На наш взгляд, большинство вопросов, связанных с апологетическими тенденциями в концептуализации электорального опыта российских политических партий, связаны с проблемой эквивалентности понятий в общественных науках. Речь идет о ситуации, при которой один и тот же термин, одна и та же категория используется для обозначения объектов, имеющих различную сущность в условиях конкретных политических систем.

Показательным примером в этом плане может служить партийная тематика. Известный российский исследователь многопартийности А. Н. Кулик эту проблему сформулировал следующим образом: «... всегда ли наблюдаемые схожие факты, относящиеся к жизнедеятельности партий, означают то же самое в обществах, значительно отличающихся по своей политической культуре? Применительно к отечественной партологии эта проблема конкретизируется следующим образом: станут ли работать модели партии, созданные в реалиях стабильных западных демократий, будучи перенесены на почву российской политической культуры, сформированной ее историческим имперским и недавним тоталитарно-коммунистическим прошлым?»¹. Вопрос был сформулирован в начальный период формирования многопартийности в постсоветской России, но, как представляется, не утратил своей актуальности и по сегодняшний день.

Становление отечественной школы партологии и формирование у нее собственной методологии без преувеличения можно назвать драматичным. Связано это с рядом политико-исторических обстоятельств. Дореволюционные политические исследования в России вполне вписывались в общемировой контекст, по крайней мере, в части партийной проблематики. Работы А. И. Стронина, Б. Н. Чичерина, М. Я. Острогорского вполне корреспондировались с зарубежным опытом². Уникальная школа изучения партий была создана в марксистской традиции. Методологическая и идеологическая конкуренция с либеральными трактовками позволяли теоретически совершенствоваться и сторонникам, и противникам марксизма. Однако эта, на наш взгляд, позитивная соревновательность прекратила свое существование с утверждением марксизма как единственно верного политического учения.

Советская обществоведческая наука, находившаяся в жестких тисках марксизма, имела свой собственный взгляд на все явления и процессы, в том числе и на партии. Это было обусловлено и объективными причинами: Коммунистическая партия Советского Союза не имела ничего общего с западными партиями, а потому, естественно, не могла быть проанализирована с помощью зарубежных подходов и концепций. Как пишут в своем масштабном исследовании отечественного обществознания В. М. Долгов и Г. Н. Долгова, «государство и КПСС использовали их (общественные науки. – Д. Т.) как средство общественно-политического образования, просвещения и воспитания населения, как инструмент идеологической работы внутри страны и борьбы с зарубежными оппонентами»³. Аналогичной позиции придерживается и другой авторитетный российский политолог, один из основных аналитиков процесса становления политической науки в России Я. А. Пляйс: «... общественные науки виделись партийному руководству как идеологические

служанки партии, не имеющие права не то что критиковать или отвергать, но даже ставить под сомнение истинность марксизма-ленинизма»⁴.

За годы советской власти методологический разрыв в отечественных и зарубежных политических исследованиях постоянно увеличивался. Это привело к тому, что после крушения советской системы, либерализации обществоведения, появления самостоятельной политической науки не нашлось адекватных отечественных принципов исследования новых политических институтов. Поэтому вполне понятным и закономерным выглядит признание в начале – середине 1990-х гг. западной либеральной методологии как эталонной. Как верно, на наш взгляд, замечает В. М. Юрьев: «В горячие перестроечные годы казалось достаточно усвоить испытанные мировой наукой инструменты познания политики, и она будет познана, достаточно проявить западный политический опыт, и он приживется»⁵. И лишь нарастание несоответствия между стремлением дать более-менее качественное объяснение происходящим событиям и невозможностью это сделать с помощью имеющегося инструментария заставило отказаться от апологетического взгляда на западные институты как эталон⁶.

Процесс освоения немарксистской методологии исследования политических партий в 1990-е гг. предполагал изучение трудов ведущих ученых прошлого и настоящего. Появилось большое количество публикаций, в которых авторы заново открывали для себя и своих читателей М. Я. Острогорского, Р. Михельса, М. Вебера, М. Дюверже и других классиков политической мысли⁷. Активно изучалось творчество нового поколения зарубежных исследователей: О. Кирхаймера, К. фон Бойме, А. Каца, П. Маира, А. Панебянко, Р. Роуза, Я. Макалестера, К. Джанды и др. Можно сказать, что в ряде случаев к подходам этих политологов относились излишне ревностно, требуя от них точного ответа на российские вопросы и разочаровываясь, когда вопросы оставались без ответов⁸. В этом отношении следует признать правоту Я. А. Пляйса, который заметил, что теоретические аспекты современного российского партийного строительства анализируются недостаточно. Особенно это касается особенностей и отличия партий в России от других переходных стран⁹.

Достаточно фундаментальная монография «Феномен многопартийности в российском обществе»¹⁰, ставшая результатом работы коллектива авторов, открывается разделом «Формирование теории политических партий». В нем дается обстоятельный и качественный анализ становления различных партологических концепций. Уделено внимание работам многочисленных зарубежных ученых. Отечественные авторы также упоминаются. Однако речь идет о той или иной степени их критичности в освоении западных концепций, более или менее успешном приложении ими методов

западных ученых к российским реалиям. В целом теория политических партий представляется как продукт развития либеральной политической мысли. Отход от этой традиции сделан лишь при упоминании марксистского взгляда на партии. По нашему мнению, такая картина не свидетельствует о невнимании к каким-либо фундаментальным отечественным теориям, а отражает вполне объективную ситуацию их отсутствия.

Схожую картину рисует в своей работе «Проблема создания теории политических партий: история, современное состояние, перспективы» О. И. Каринцев. Анализируя различные исторические этапы становления теории в партологии, автор выделяет институциональный (1902–1951 гг.), бихевиоральный (1951–1967 гг.), постбихевиоральный (после 1967 г.) периоды. Подобная периодизация связана с выходом в свет основных работ зарубежных, прежде всего американских политологов. О каких-либо иных точках зрения, альтернативных концепциях не упоминается вообще, а «вклад российских ученых В. Я. Гельмана, Г. В. Голосова, Ю. Г. Коргунюка, А. Н. Кулика, В. П. Любина, Е. Ю. Мелешкиной и др. способствует адаптации традиционных концепций к новым теоретико-методологическим и практическим условиям»¹¹. Как видим, им отведена достаточно скромная роль адаптаторов и приспособителей. Вероятно, такое положение дел вполне объяснимо и обусловлено историческими перипетиями политологии в России. Большое количество работ, в которых подробно рассматривается эволюция представлений о партиях, по нашему мнению, преодолевали своего рода «комплекс неполноценности» отечественной политологии. При этом особой новизны и значительных отличий от более ранних данные рассуждения не имели, они выполняли скорее «ритуальную» функцию, которая состояла в том, чтобы доказать читателю квалификацию автора, то, что он знаком с западной, «эталонной» теорией политических партий.

Отечественные партийные исследования оказались «привязанными» к западным методологическим «эталонам» практически по всем направлениям. Анализируя состояние российской партологии на рубеже 1990–2000-х гг., М. В. Данилов отмечал, что наиболее сильной была зависимость отечественных ученых от ряда теоретических схем. К ним можно отнести системный, структурно-функциональный, сравнительный подходы¹². В целом, достаточно отчетливо выделяются две традиции западной науки, активно воспроизводимые нашими соотечественниками.

Согласно первой традиции партии представляются фундаментальным политическим институтом демократического общества. В ее рамках предпринимаются попытки дать максимально полную характеристику различных аспектов их деятельности с точки зрения функционирования всей политической системы. В рамках второй традиции акцентируется внимание на отдельных,

наиболее значимых аспектах партийной функциональности, прежде всего электоральной.

Российские ученые в равной степени оказались в силу естественных причин зависимыми и от первой, и от второй традиций. При этом в основной массе работ российских политологов партийная функциональность оценивается достаточно нормативистки, а иногда и догматически. Под этим мы понимаем следующее. Политолог, анализируя деятельность партий, исходит из сложившегося у него, главным образом под влиянием западной литературы, идеального, нормативного образа партий. Он представляет себе партию не такой, какая она есть, а такой, какая она должна или могла бы быть. После этого следует естественная и понятная критика партий за их дисфункциональность, неспособность исполнить предписанные им задачи.

Начало первому подходу положено фундаментальной работой М. Дюверже «Политические партии». В ней рассматривался чрезвычайно широкий круг вопросов, который касался и происхождения партий, и их организационного строения, и других аспектов партийной жизни. М. Дюверже уделил внимание не только партиям, существовавшим в условиях политической конкуренции, но и ведущим свою работу в ситуации политической монополии¹³.

Другой пример одного из самых масштабных исследований политических партий в мировой партологии связан с работой К. Джанды и его коллег. К. Джанда поставил задачу проверить основные концептуальные предположения о феномене партии на огромном эмпирическом материале, охватывающем образование и жизнедеятельность 158 партий, представляющих 10 культурно-географических регионов мира, на временном промежутке 1950–1978 гг.¹⁴ Другим вариантом широкого определения партии является подход Д. Лаполамбары и М. Вейнера, изложенный ими в книге «Политические партии и политическое развитие». Они выделили ряд признаков партии: стремление овладеть властью; наличие претензий на роль выразителя интересов широких масс; обладание четкой организационной структурой¹⁵. Мы не ставим перед собой задачи анализа данных работ (это уже многократно сделано нашими предшественниками), принципиальное значение имеет сам подход, при котором партии рассматриваются как фундаментальный институт политической системы, имеющий множество измерений и характеристик.

Эти характеристики чаще всего проявляют себя в совокупности тех функций, которые должны партиями выполняться, чтобы считаться таковыми, и методологическое влияние западных «широких» определений прослеживается как раз в приписывании российским политическим партиям определенных функций, заимствованных из западных концепций. При этом априорно предполагается, что партии выполняют фундаментальную

демократизаторскую роль. Так, В. Е. Федоринов в своей докторской диссертации выдвинул положение о ключевой роли политических партий, системы многопартийности в процессе становления и развития политического плюрализма, их возможности существенным образом повлиять на ход общественно-политического развития, состояние политической и социальной стабильности¹⁶. На наш взгляд, несколько преувеличенной выглядит заявленная роль партий как некоей независимой переменной, определяющей развитие всего политического режима. Представляется, что скорее сами партии являются производными от конкретных состояний политической системы.

Наиболее ярко апологетическое следование западным «эталонам» проявилось на примере исследования функций артикуляции и агрегации социальных интересов, а также политического представительства и рекрутирования правящей элиты. Так, бывший председатель Государственной думы Б. В. Грызлов в своей диссертации констатировал, что «российские политические партии слабы и неэффективны, партийная система фрагментирована, и партии, в целом, не справляются с ролью “посредника” между обществом и политической властью и не способны пока преодолеть их взаимного отчуждения»¹⁷. Воспроизведение исходной презумпции, согласно которой партии – это обязательный институт-медиатор в демократической политической системе, является прямым следствием неразработанности отечественных концепций и попыткой постоянно «сверять часы» с зарубежными авторитетами.

К сожалению, достаточно часто такая «сверка часов» приводила не к активизации поиска причин неадекватности теории относительно практики, а к неутешительному выводу о полной дисфункциональности российской партийной системы: наши партии не справлялись с агрегацией и артикуляцией социальных интересов, были неэффективны в осуществлении политического представительства, партии плохо формировали коллективные ценности и цели социума, участие партий в рекрутировании элит оставалось на неудовлетворительном уровне.

В целом анализ опыта исследования постсоветской многопартийности позволяет сделать вывод о наличии определенной динамики в этом процессе. Начав в конце 1980-х – начале 1990-х гг. с радикального отказа от марксистского понимания партий, новая российская политическая наука оказалась в ситуации, когда в срочном порядке нужно было наверстывать «упущенное», интегрироваться в мировое политологическое сообщество.

Первым и главным условием для этого было освоение признанных на Западе политологических теорий, в том числе касающихся партийной функциональности. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно изучить практически любой учебник по политологии, изданный в 1990-х – начале 2000-х гг. В разделах, посвященных по-

литическим партиям, приводилось указание на то, что они являются важнейшими институтами представительной демократии и призваны артикулировать и агрегировать общественные интересы, способствовать рекрутированию политической элиты, заботиться о формировании политического курса общества.

Очевидно, что отечественный ни досоветский, ни советский, ни постсоветский опыт подобных выводов сделать не позволял. Имело место прямое заимствование зарубежных подходов. По нашему мнению, можно говорить, что до 2000-х гг. мы находились в ситуации «методологического романтизма». Но с укреплением российской государственности зарубежные «эталоны» стали явно нерелевантными, потребовалась замена на что-то более «почвенное». Но формирование собственных оригинальных подходов оказалось процессом трудным и достаточно медленным. В результате в настоящее время все еще сохраняется теоретический разрыв, при котором зарубежные «эталоны» уже не в состоянии объяснить природу российской многопартийности, а собственные разработки пока не достигли необходимого уровня теоретической и практической апробации.

Здесь, как нам представляется, мы можем выйти на более общую проблему соотношения универсального и национального в отечественной политологии. Достаточно метафорически вопрос соотношения публичных и теневого сторон политического процесса в обществах с устойчивой демократией и находящихся в состоянии перехода представлен в статье В. Я. Гельмана¹⁸. По его мнению, современная постсоветская политика дает немало примеров замещения формальных институтов неформальными. В частности, «там, где политические партии неспособны осуществлять политическую взаимосвязь элит и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме “политические машины”»¹⁹.

Отсюда вытекает основная, как она видится нам, дилемма отечественной политической науки. Первая позиция состоит в том, что российская политология должна основываться на достижениях мировой науки и ее развитие возможно только в условиях международной теоретико-методологической интеграции. Другая точка зрения исходит из того, что следование в зарубежном «кильватере» только заводит нашу политологию в тупик, так как не позволяет качественно объяснить политический процесс в России на основе заимствований, адекватных для абсолютно иной социально-культурной среды.

Следствиями апологетики первой позиции являются оторванность науки от жизни и потеря ею практической актуальности, превращение в политическую схоластику. Абсолютизация второго подхода может привести к изоляционизму отечественной политологии. По нашему мнению, в настоящее время имеют место и первая, и вторая проблемы. Часть научных исследований,

хорошо корреспондирующихся с зарубежными теоретико-методологическими «эталоном», выглядят оторванными от реальности, не имеющими никакой практической значимости. Другая часть, напротив, остро актуальна, но не имеет шансов в силу отсутствия теоретической разработанности подходов быть интегрированной в мировую политическую науку. Исследования партий несут на себе отпечаток и первой, и второй проблем. Выход, как нам кажется, может быть найден в продолжении критического переосмысления, адаптации, приспособления хорошо зарекомендовавших себя мировых теорий к нашим условиям. Нельзя допустить крайностей: уйти от реалий или заново «изобрести велосипед».

Примечания

- ¹ Кулик А. Посттоталитарные партии в политическом процессе : методология исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 2. С. 30.
- ² А. И. Стронин писал: «Выражением политических инстинктов служат политические партии. Элементарных, неразложимых более общественных инстинктов только два; отсюда и две коренные партии: прогрессисты и регрессисты» (Стронин А. И. Политика // Антология мировой политической мысли : в 5 т. / рук. проекта Г. Ю. Семигин. Политическая мысль в России. Вторая половина XIX–XX вв. М., 1997. Т. IV. С. 119.). Б. Н. Чичерин отмечал, что «партии возникают на почве общественного мнения. Необходимость дисциплины и организации для совокупного действия превращает неустроенную массу свободных и случайных мыслей в более или менее крепкие и прочные силы, способные быть политическими деятелями. При организованных партиях есть возможность рассчитывать, действовать, направлять разрозненные стремления к общей цели» (Чичерин Б. Н. О народном представительстве // Чичерин Б. Н. Вопросы политики. М., 1904. С. 78.). М. Я. Острогорский связывал само возникновение политических партий с расширением избирательного права (См.: Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 81–90.).
- ³ Долгов В. М., Долгова Г. Н. Полтора века российского общественнознания (середина XIX – начало XXI века). Саратов, 2011. С. 165.
- ⁴ Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009. С. 24.
- ⁵ Юрьев В. М. Политические партии современной России : к характеристике дискурса // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 18.
- ⁶ О. Ю. Малинова, например, продемонстрировала это несоответствие на достаточно частном, но ярком примере партийных идеологий : «В России формирование партий подчиняется другой, внешней логике, обгоняя процессы социального структурирования. Предлагаемые российскими партиями программы не справляются с идеологической функцией и институционализацией общественных конфликтов. Идеологические конструкции, обладающие, казалось бы, достаточным мобилизационным потенциалом, не преобразуются в реальные ориентации тех или иных групп. На смену идеологии пришли политтехнологии. На смену идеологам – политтехнологи. Идеология лишена значения главного орудия политической мобилизации и превратилась в бесполезный антураж. Партийные программы пишутся и уточняются “специалистами”, работающими на заказ» (Малинова О. Ю. Партийные идеологии в России // Полис. 2001. № 5. С. 104–105).
- ⁷ См., например: Степанюк С. И. Концепция политической партии в теоретическом наследии М. Я. Острогорского : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2003.
- ⁸ Так, например, С. А. Попов писал, что «постмодернистская теория картельных партий Р. Каца и П. Маира имеет ряд существенных недостатков. Важнейшим из них является упрощение современного партийно-политического ландшафта» (Попов С. А. Партии в современном политическом процессе : тенденции и потенциал развития (сравнительный анализ) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 7).
- ⁹ См.: Пляйс Я. А. Партии и партийные системы в современной России (Обзор диссертаций современных российских политологов) // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии : сб. материалов российско-германского круглого стола. М. ; Ростов н/Д., 2004. С. 45.
- ¹⁰ См.: Феномен многопартийности в российском обществе / под общ. ред. проф. В. М. Долгова. Саратов, 2006.
- ¹¹ Каринцев О. И. Проблема создания теории политической партии : история, современное состояние, перспективы // Политическая социология. М., 2008. С. 62–63.
- ¹² См.: Данилов М. В. Партии в политическом пространстве современной России : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2003.
- ¹³ См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
- ¹⁴ См.: Janda K. Political Parties : A Cross-National Survey. N.Y., 1980 ; Джанда К. Сравнение политических партий : исследования и теория // Современная сравнительная политология : хрестоматия. М., 1997.
- ¹⁵ См.: Джанда К. Указ. соч. С. 4.
- ¹⁶ См.: Федоринов В. Е. Политические партии в России в условиях становления и развития плюрализма : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002. С. 12–13.
- ¹⁷ Грызлов Б. В. Политические партии и российские трансформации : теория и политическая практика : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001. С. 4.
- ¹⁸ См.: Гельман В. Я. «Столкновение с айсбергом» : формирование концептов в изучении российской политики // Полис. 2001. № 6. С. 6–18.
- ¹⁹ Там же. С. 13.

УДК 328 (321.7)

ИНДЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА

Р. И. Хисамов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: RuslanKFU@gmail.com

На основании метода индексной оценки демократизации Т. Ванханена и индексной оценки парламентских полномочий С. Фиша, а также теории институционализации автор выводит индекс институционализированности парламентаризма в странах Арабского Востока.

Ключевые слова: парламентаризм, электоральное участие, политическая конкуренция, институционализация, индекс, арабские страны.

Index Analysis of the Institutionalization of Parliamentarism in the Arab East

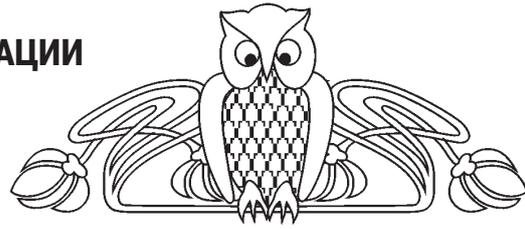
R. I. Khisamov

Basing on the theory of democracy index of T. Vanhannen, theory of parliamentary power index of S. Fish and theory of political institutionalization, author attempts to elaborate the index rate, which will help to illustrate the level of parliamentarism institutionalization.

Key words: parliamentarism, electoral activity, political competition, institutionalization, index, Arab countries.

Термин «парламентаризм» по-разному трактуется в зарубежной и российской науке – как система власти¹, как форма правления², как политико-правовой институт и как идейно-теоретическая концепция³. Условно можно разделить все предлагаемые трактовки на максималистские и минималистские в зависимости от перечня характерных черт и признаков, приписываемых парламентаризму. Максималистский подход предполагает включение в концепцию парламентаризма чрезвычайно широкого набора характеристик. Сторонники этого подхода полагают, что парламентаризм, наряду с привилегированным или даже доминирующим положением парламента, включает в себя и соответствующую политическую культуру, традиции, модели социального взаимодействия и т. п. Стремясь преодолеть сложности, связанные с максималистским толкованием парламентаризма, исследователи часто обращаются к минимализму, утверждая, что наличие одного лишь парламента есть признак парламентаризма. Однако такая трактовка парламентаризма приводит к тому, что его признаки можно обнаружить в абсолютном большинстве стран мира.

Один из способов избежать недостатков обоих подходов заключается в процедурно-институциональном понимании парламентаризма. С на-

шей точки зрения, парламентаризм – это принцип организации государственной власти, являющий собой совокупность норм и институциональных практик, отражающих роль парламента в политической системе и специфику его взаимоотношений с исполнительной властью в процессе выработки государственной политики. Таким образом, базовым компонентом парламентаризма является функционирование представительных учреждений и характер их взаимодействия с другими элементами политической системы и гражданского общества.

Дискуссионным остается вопрос о возможности существования парламентаризма в развивающихся странах. Часто исследователи, отрицающие такую возможность, трактуют парламентаризм как форму правления или политический режим, при котором вся полнота власти принадлежит парламентам. Подходя к проблеме с подобных позиций, мы вынуждены будем признать их правоту, так как подобной картины мы не наблюдаем не только в развивающихся странах, но и во многих развитых.

Действительно, среди многих развитых стран мало найдется таких, где высший представительный орган играет определяющую роль в государственной системе. Это справедливо и для стран с президентской и со смешанной формами правления, таких как, например, США и Россия. Однако это не мешает нам говорить о российском или американском парламентаризме. Между тем в этих системах парламента не только не занимает ведущего места в определении внутри- и внешнеполитического курса, но и не претендует на это. По сути, во всех развитых и многих развивающихся странах именно исполнительная власть занимает ведущее или привилегированное положение. Подобная тенденция очевидна и во многом объективно обусловлена. Более того, полагать, что в ближайшем будущем данная тенденция сменится противоположной, нет никаких оснований. В обозримой исторической перспективе роль и влияние профессиональных управленцев и административных структур будут сохраняться и усиливаться. Поэтому, исходя из подобной логики, мы вынуждены будем признать, что парламентаризма нет почти нигде.

С нашей точки зрения, парламентаризм существует во многих развитых и, что более важно, развивающихся странах, так как приоритетная роль парламента не является главным условием парламентаризма. Парламентаризм

присущ разным странам в разной степени. Как замечает Р. Романов, парламентаризм «обладает некой универсальностью, способностью обретать различные формы в зависимости от характера государственности, социально-политических и экономических условий»⁴. Но вне зависимости от его универсального характера мы считаем, что существование парламентаризма невозможно без наличия в политической системе государства институциональных ограничений и механизма контроля за деятельностью исполнительной власти, а также комплекса институтов и процедур, посредством которых граждане выражают свое мнение относительно отдельных политических деятелей либо политики центральной власти в целом. Это, в свою очередь, предполагает наличие конкуренции как на уровне индивидов, так и на уровне групп, а также высокую степень политического участия вкупе с наличием политических свобод.

Другой вопрос – насколько парламентаризм укоренен в политической системе и насколько глубоко институциональные парламентские практики внедрены в нормы политического участия, говоря другими словами, насколько парламентаризм институционализирован.

В политологии под институционализацией понимается процесс, «посредством которого организации и институты приобретают ценность и устойчивость»⁵. Существует широкий набор версий и подходов в понимании институционализации и в экономической теории. Так, экономисты под институционализацией понимают превращение в различные формы ассоциаций⁶ или же процесс формирования функциональных, нормативных и властных отношений между институциональным субъектом и субъектами окружающей его внешней среды⁷.

Однако эти определения не являются идеальными и отражают лишь отдельные аспекты процесса институционализации. Само понятие «институционализация» применимо ко многим общественно-политическим феноменам, однако основная проблема, с которой сталкиваются исследователи, – это проблема критериев, основываясь на которых, можно судить об институционализированности нормы или организации.

Сказанное справедливо и для оценки уровня институционализации парламентаризма в странах Арабского Востока.

С нашей точки зрения, можно выделить два ключевых аспекта институционализации парламентаризма. Первый аспект – это укорененность института парламента в политической системе. А второй аспект – наличие в политической культуре нормативных установок, позволяющих осознавать парламентаризм как ценность и принимать его не только как идейно-теоретическую концепцию, но и как способ осуществления представительной демократии. В данном случае культура понимается как «упорядоченная система смыслов, разделяемая группой»⁸. Это соответствующие культурные

установки, дающие членам общества некое общее знание, которое позволяет осмысливать окружающую реальность и интерпретировать факты в соответствующем ключе. П. Бергер и Т. Лукман говорили о культуре как о смысловом универсуме, интегративных значениях, «которые будут охватывать все общество и придавать всеохватывающий контекст объективного смысла фрагментарному социальному опыту и знанию индивида...»⁹. Как отмечал Т. Парсонс, культурная легитимация нормы позволяет говорить об ее институционализации¹⁰. Институционализация нормы, таким образом, предполагает коллективное осмысление сути социальных взаимодействий.

Применительно к феномену парламентаризма наличие культурной легитимации будет выражаться, во-первых, в распространенности навыков и умений свободного владения правом выбора своих представителей в парламент, во-вторых, в убежденности в эффективности подобного действия как возможности донести до власти свои потребности и запросы.

Для наглядной демонстрации институционализированности каждого из указанных аспектов парламентаризма мы считаем возможным использование метода индексного анализа. Изначально индекс – это относительная величина, количественно характеризующая динамику совокупности, состоящей из непосредственно не соизмеримых единиц, или части такой совокупности¹¹. В современной политологии разработан целый ряд индексов, отражающих процессы демократизации. Основные методологии разработаны в рамках таких проектов, как «Полития» под руководством Т. Р. Гурра, «Индекс демократизации» под руководством Т. Ванханена, «Индекс трансформации» (Фонд Бертельсмана), индекс восприятия коррупции (организация «Трансперенси Интернейшнл») и многих других. Широко известными исследованиями, проводимыми при использовании индексного анализа, являются исследования ООН, такие как индекс развития человеческого потенциала или индекс готовности электронного правительства.

Применяемая нами методика индексного анализа основана на методе индекса парламентских полномочий С. Фиша¹² и индекса демократизации Т. Ванханена¹³. Представленная методика индексного анализа институционализации парламентаризма является дискуссионной и, как любое исследование, проводимое при участии индексных оценок, имеет целью схематично изобразить политический процесс.

Индекс парламентских полномочий (ИПП) по методу С. Фиша рассчитывается на основе опросного листа из 32 вопросов, затрагивающих ключевые аспекты деятельности института парламента и его положения в политической системе. Отрицательный ответ на тот или иной вопрос означает отсутствие какого-либо полномочия у парламента, что, соответственно, снижает число-

вое значение индекса. Для вычисления индекса применяется формула $IПП = x : 32$, где x – количество отрицательных ответов (табл. 1, 2). В процессе исследования для анализа институционального аспекта становления парламентаризма в арабских странах нами были использованы индексы, опубликованные в 2009 г. в работе С. Фиша «The Handbook of National Legislatures: A Global Survey»¹⁴.

Процедурный аспект институционализации парламентаризма оценивался нами на основе индексов политической конкуренции (ИПК) и электорального участия (ИЭУ) по методу Т. Ванханена. Согласно данному методу, индекс политической конкуренции рассчитывается по формуле $IПК = 100\% - x$, где x – процент мест, полученных в ходе парламентских выборов правящей партией (см. табл. 1, 2). Полученный показатель демонстрирует процент мест, полученных более мелкими партиями. Индекс электорального участия (ИЭУ) вычисляется по формуле: $IЭУ = x : 100$, где x – процент населения, принявший участие в парламентских выборах (см. табл. 1–3). Также, мы дополнили эти индексы индексом доверия к парламенту (ИДП), вычисляемым по формуле: $IДП = x : 100$, где x – процент населения, испытывающий доверие к парламенту (см. табл. 1, 2).

Индекс институционализации парламентаризма (ИИП) рассчитывался нами путем математического сложения четырех ранее указанных индексов по формуле: $IИП = IПП + IЭУ + IПК + IДП$. Данный индекс учитывает степень укорененности в обществе институционально-процедурных традиций парламентаризма, таких как конкурентные политические выборы, ограничения исполнительной власти, политическое участие вкупе с доверием к парламенту, и основан на допущении, что указанные базовые переменные представляют собой равноценно важные измерения парламентаризма и не в состоянии заменить друг друга. Конкуренция не в состоянии заменить участие, а высокий уровень участия не в состоянии заменить конкуренцию, так же как и доверие к центральному органу законодательной власти.

Далее, на основании полученных индексов страны объединяются нами в три группы в зависимости от укорененности парламентаризма в политической системе. Так, страны с индексом в диапазоне от 1 до 2 отнесены к группе стран с фасадным парламентаризмом (см. табл. 3). Для стран на данном этапе институционализации парламентаризма характерны наличие парламентов и относительная укорененность выборных процедур, но и парламент, и выборы используются правящей элитой скорее для собственной легитимации, нежели для создания системы парламентского представительства и контроля. По итогам индексной оценки к этой группе стран отнесены Алжир, Бахрейн, Марокко, Иордания, Кувейт и Ливан.

Страны с индексом в диапазоне от 2 до 3 отнесены нами к группе стран с незавершенным парламентаризмом, характеризующимся более высоким уровнем электорального участия, а также политической конкуренции, но при сохраняющемся низком уровне парламентских полномочий, обусловленном доминирующей ролью исполнительной власти. К этой группе стран отнесены Египет и Тунис. Сравнительно высокие индексные показатели обусловлены высоким уровнем конкуренции на парламентских выборах в обеих странах ввиду того, что правящие партии прежних режимов, Х. Мубарака и З. бен Али (Национал-демократическая партия и Демократическое конституционное объединение соответственно), не участвовали в выборах (см. табл. 1), а прежние элиты более не обладали возможностями административного давления на волеизъявление избирателей. Также следует отметить высокий процент явки избирателей, что повлияло на показатели индекса электорального участия (см. табл. 1, 3).

Страны с индексом от 3 до 4 отнесены нами к группе стран с консолидированным парламентаризмом, характеризующимся четкой системой разделения властей, при наличии у парламента сильных полномочий, позволяющих ему осуществлять контроль за деятельностью исполнительной власти. Из представленной выборки к этой группе не может быть отнесена ни одна страна.

Общим для групп стран с фасадным и незавершенным парламентаризмом является недостаток полномочий у национальных легислатур. Самым высоким ИПП, составляющим всего 0.50, обладает Ливан, тогда как другие страны, за исключением Йемена, не поднимаются выше отметки в 0.40. Несмотря на изменения в конституционном законодательстве, направленные на усиление парламентских полномочий в ряде стран (Египет, Тунис, Марокко), реальных сдвигов, позволяющих говорить о качественном перераспределении властных полномочий в пользу парламентов, не произошло. Доверие к парламенту также остается на низком уровне во всех исследуемых странах, что объясняется, во-первых, административным давлением на парламентские партии, вынужденные идти на сделку с правящей партией, дабы не исчезнуть из политического пространства страны. Вследствие этого интересы избирателей редко находят защиту и поддержку среди представителей парламентских партий. Во-вторых, пестрый этноконфессиональный состав населения стран Арабского Востока зачастую сильно затрудняет поиск компромиссного решения в рамках парламентских дебатов, что приводит к частым кризисам, а иногда и к роспуску парламента. Все это определяет прохладное отношение населения к парламенту как институту и парламентариям как народным избранникам.

Таблица 1

Расчет индексов для арабских стран

Страна	Дата последних выборов	ИПП	ИЭУ = $x1:100$	ИПК = $(100\% - x2):100$	ИДП = $x3:100$
Алжир	2012	0.25	43,1%:100=0.431	$(100\%-47,6\%):100=0.524$	29%:100=0.29
Египет	2012	0.28	62%:100=0.62	Правящая партия смещена 2011 г.	36%:100=0.36
Ливан	2009	0.50	53,9%:100=0.539	$(100\%-55,5\%):100=0.445$	21%:100=0.21
Тунис	2012	0.28	90%:100=0.9	Правящая партия смещена в 2011г.	45%:100=0.45
Иордания	2013	0.22	56,5%:100=0.565	$(100-75\%):100=0.25$	19%:100=0.19
Кувейт	2012	0.38	59,5%:100=0.595	$(100\%-100\%):100=0$	43,8%:100=0.438
Бахрейн	2010	0.19	67%:100=0.67	$(100\%-55\%):100=0.45$	нет данных
Марокко	2011	0.31	45,4%:100=0.454	$(100\%-15\%):100=0.85$	12%:100=0.12

Примечания: $x1$ – процент населения, проголосовавшего на парламентских выборах; $x2$ – процент мест, занятых правящей партией в парламенте; $x3$ – процент населения, испытывающий доверие к парламенту.

Были использованы базы данных: 1) «PARLINE database» Межпарламентского союза¹⁵; 2) Международного фонда избирательных систем «IFES Election Guide»¹⁶; 3) Международного института демократии и содействия выборам «IDEA Voter Turnout»¹⁷; 4) Исследовательского центра PEW «PEW Research Project»¹⁸; 5) Исследовательского проекта «Барометр арабской демократии» «Arab Barometer Project»¹⁹; 6) исследовательских проектов университета г. Доха, Катар²⁰.

Таблица 2

Вычисление индекса институционализации парламентаризма (ИИП) на основе полученных индексов

Страна	Дата последних выборов	ИПП	ИЭУ	ИПК	ИДП	ИИП = ИПП+ИЭУ+ИПК+ИДП
Алжир	2012	0.25	0.431	0.524	0.29	1.495
Египет	2012	0.28	0.62	1*	0.36	2.26
Ливан	2009	0.50	0.539	0.445	0.21	1.694
Тунис	2012	0.28	0.9	1*	0.45	2.63
Иордания	2013	0.22	0.565	0.25	0.19	1.225
Кувейт	2012	0.38	0.595	0*	0.124	1.099
Бахрейн	2010	0.19	0.67	0.45	нет данных	1.31
Марокко	2011	0.31	0.454	0.85	0.12	1.734

Примечания: * – Правящая партия смещена во время «арабской весны».

ИИП – индекс парламентских полномочий. Используются готовые индексы; ИЭУ – индекс электорального участия; $ИЭУ = x1:100$, где $x1$ – процент населения, проголосовавший парламентских выборах; ИПК – индекс политической конкуренции. Рассчитывается по формуле: $ИПК = (100\% - x2):100$, где $x2$ – процент мест в парламенте, занятых правящей партией; ИДП – индекс доверия к парламенту. Рассчитывается по формуле: $ИДП = x3:100$, где $x3$ – процент населения, испытывающий доверие к парламенту; ИИП – индекс институционализации парламентаризма. Рассчитывается по формуле: $ИИП = ИПП + ИЭУ + ИПК + ИДП$.

Таблица 3

Распределение стран по группам

Фасадный парламентаризм (индекс – от 1 до 2)		Незавершенный парламентаризм (индекс – от 2 до 3)	
страна	индекс	страна	индекс
Марокко	1.734	Тунис	2.63
Ливан	1.694	Египет	2.26
Алжир	1.495		
Бахрейн	1.31		
Иордания	1.225		
Кувейт	1.099		

Примечания

- ¹ См., например: *Левин И. Д.* Современная буржуазная наука государственного права. М. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 326.
- ² См., например: *Зазнаев О. И.* Типология форм правления : работа над ошибками // Полис. 2006. №1. С. 92–103.
- ³ См., например: Современный парламент, теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. докт. юрид. наук О. Н. Булакова. М. : Эксмо, 2005. С. 30.
- ⁴ *Романов Р. М.* Российский парламентаризм. История и современность. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 34–35.
- ⁵ *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 52–53.
- ⁶ См., например: *Горланов Г., Рязанов В.* Курс переходной экономики / под ред. Л. И. Абалкина. М. : Финстатинформ, 1997. С. 9.
- ⁷ См., например: *Лебедева Н. Н.* Институциональная экономика. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. С. 33–34.
- ⁸ *Димаджио П.* Культура и хозяйство // Западная экономическая социология. М. : РОССПЭН, 2004. С. 471.
- ⁹ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум. 1999. С. 139.
- ¹⁰ См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с

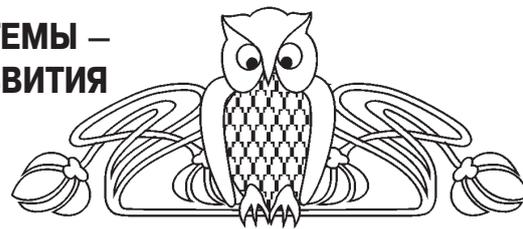
- англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 54.
- ¹¹ См.: *Попова О. В.* «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии : к вопросу о нерешенных проблемах // Политэкс. 2009. № 1. С. 271.
- ¹² См.: *Fish S. M., Kroenig M.* The Handbook of National Legislatures : A Global Survey. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.
- ¹³ См.: *Vanhanen T.* The Process of Democratization : A Comparative Study of 147 States, 1980–88. N.Y. : Crane Russak, 1990.
- ¹⁴ См.: *Fish S. M., Kroenig M.* Op. cit.
- ¹⁵ См.: PARLINE Database on National Parliaments. URL: <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp> (дата обращения: 14.01.2013).
- ¹⁶ См.: Election Guide. Consortium for Elections and Political Process Strengthening (CEPPS). URL: <http://www.electionguide.org/> (дата обращения: 14.01.2013).
- ¹⁷ См.: International IDEA Voter Turnout Data. URL: <http://www.idea.int/vt/> (дата обращения: 10.01.2013).
- ¹⁸ См.: PEW Research Project. URL: <http://www.pewresearch.org/topics/> (дата обращения: 17.01.2013).
- ¹⁹ См.: Arab Barometer. URL: <http://www.arabbarometer.org/> (дата обращения: 12.01.2013).
- ²⁰ См.: The Arab Opinion Index. March 2012. URL: <http://english.dohainstitute.org/release/5083cf8e-38f8-4e4a-8bc5-fc91660608b0> (дата обращения: 12.01.2013).

УДК 328.18

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ – ПРОБЛЕМАТИКА ВЫБОРА ИНОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

В. Г. Ширяев

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
E-mail: Vik8958@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы глобальных экономических альтернатив, андеграундные концепции и взгляды, критикующие основы современной экономико-политической системы. Развернуто описывается ряд ключевых концепций альтернативного экономического видения, актуальность которых стремительно растет на фоне глобального кризиса экономики и политики.

Ключевые слова: альтернативные экономические системы, «Свободная экономика», устойчивое сокращение, эквивалентная экономика, Роза Петерса, анархическое экономическое видение.

Alternative Economic Systems – a Perspective of a Choice of Other Way of Development

V. G. Shiryaev

In article are considered questions of global economic alternatives, underground concepts and views critical of the bases of modern economic and political dominant system. Deployed outlines some of the key concepts of alternative economic vision, the relevance of which grows rapidly against the background of the global crisis, the economy and politics.

Key words: alternative economic system, «Free economy», sustainable reduction, equivalent to the economy, Peters rose, anarchist economic vision.

Значимость неортодоксальных (альтернативных) экономических методов, идей и подходов для современной науки актуализировалась в первое десятилетие XXI в. Это, в первую очередь, связано с тем, что доминирующие в обществе и политической мысли экономические идеи и практики находятся в глубочайшем кризисе и не способны более соответствовать активно эволюционирующей человеческой цивилизации, не отвечают тем принципам справедливости распределения и использования ресурсов, которые должны быть на данном этапе развития планетарного социума. К тому же экономическая ориентация различных политических субъектов в условиях сложившейся кризисной ситуации деструктивно сказывается на культурном, общественном и политическом состоянии этих субъектов. Экономический базис,

Примечания

- ¹ См., например: *Левин И. Д.* Современная буржуазная наука государственного права. М. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 326.
- ² См., например: *Зазнаев О. И.* Типология форм правления : работа над ошибками // Полис. 2006. №1. С. 92–103.
- ³ См., например: Современный парламент, теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. докт. юрид. наук О. Н. Булакова. М. : Эксмо, 2005. С. 30.
- ⁴ *Романов Р. М.* Российский парламентаризм. История и современность. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 34–35.
- ⁵ *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 52–53.
- ⁶ См., например: *Горланов Г., Рязанов В.* Курс переходной экономики / под ред. Л. И. Абалкина. М. : Финстатинформ, 1997. С. 9.
- ⁷ См., например: *Лебедева Н. Н.* Институциональная экономика. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. С. 33–34.
- ⁸ *Димаджио П.* Культура и хозяйство // Западная экономическая социология. М. : РОССПЭН, 2004. С. 471.
- ⁹ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум. 1999. С. 139.
- ¹⁰ См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с

англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 54.

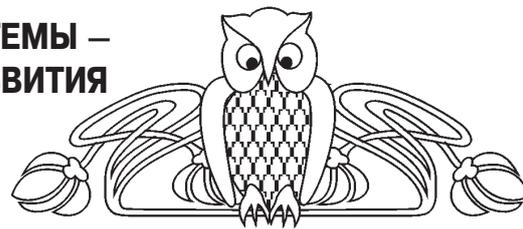
- ¹¹ См.: *Попова О. В.* «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии : к вопросу о нерешенных проблемах // Политэкс. 2009. № 1. С. 271.
- ¹² См.: *Fish S. M., Kroenig M.* The Handbook of National Legislatures : A Global Survey. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.
- ¹³ См.: *Vanhanen T.* The Process of Democratization : A Comparative Study of 147 States, 1980–88. N.Y. : Crane Russak, 1990.
- ¹⁴ См.: *Fish S. M., Kroenig M.* Op. cit.
- ¹⁵ См.: PARLINE Database on National Parliaments. URL: <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp> (дата обращения: 14.01.2013).
- ¹⁶ См.: Election Guide. Consortium for Elections and Political Process Strengthening (CEPPS). URL: <http://www.electionguide.org/> (дата обращения: 14.01.2013).
- ¹⁷ См.: International IDEA Voter Turnout Data. URL: <http://www.idea.int/vt/> (дата обращения: 10.01.2013).
- ¹⁸ См.: PEW Research Project. URL: <http://www.pewresearch.org/topics/> (дата обращения: 17.01.2013).
- ¹⁹ См.: Arab Barometer. URL: <http://www.arabbarometer.org/> (дата обращения: 12.01.2013).
- ²⁰ См.: The Arab Opinion Index. March 2012. URL: <http://english.dohainstitute.org/release/5083cf8e-38f8-4e4a-8bc5-fc91660608b0> (дата обращения: 12.01.2013).

УДК 328.18

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ – ПРОБЛЕМАТИКА ВЫБОРА ИНОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

В. Г. Ширяев

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
E-mail: Vik8958@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы глобальных экономических альтернатив, андеграундные концепции и взгляды, критикующие основы современной экономико-политической системы. Развернуто описывается ряд ключевых концепций альтернативного экономического видения, актуальность которых стремительно растет на фоне глобального кризиса экономики и политики.

Ключевые слова: альтернативные экономические системы, «Свободная экономика», устойчивое сокращение, эквивалентная экономика, Роза Петерса, анархическое экономическое видение.

Alternative Economic Systems – a Perspective of a Choice of Other Way of Development

V. G. Shiryaev

In article are considered questions of global economic alternatives, underground concepts and views critical of the bases of modern economic and political dominant system. Deployed outlines some of the key concepts of alternative economic vision, the relevance of which grows rapidly against the background of the global crisis, the economy and politics.

Key words: alternative economic system, «Free economy», sustainable reduction, equivalent to the economy, Peters rose, anarchist economic vision.

Значимость неортодоксальных (альтернативных) экономических методов, идей и подходов для современной науки актуализировалась в первое десятилетие XXI в. Это, в первую очередь, связано с тем, что доминирующие в обществе и политической мысли экономические идеи и практики находятся в глубочайшем кризисе и не способны более соответствовать активно эволюционирующей человеческой цивилизации, не отвечают тем принципам справедливости распределения и использования ресурсов, которые должны быть на данном этапе развития планетарного социума. К тому же экономическая ориентация различных политических субъектов в условиях сложившейся кризисной ситуации деструктивно сказывается на культурном, общественном и политическом состоянии этих субъектов. Экономический базис,

на котором строятся стратегии развития хозяйства государств мира, требует своего обновления, реструктуризации, внесения новаторских элементов и практик, имеющих под собой уникально новую основу современных научных достижений в области экономики. Дискуссия о превосходстве одной из двух единственно возможных (с точки зрения социал-демократов и либералов) моделей экономической политики стремительно теряет актуальность начиная с 90-х гг. XX в. И это не связано с «фиктивной» победой капиталистического мироустройства над коммунистическим, которая ассоциировалась с административно-командной моделью восточноевропейских стран и СССР, потерпевшей крах в конце 80-х гг. XX в. Современные исследования показывают отсутствие фундаментальной разницы между ними, характеризуют капитализм и коммунизм как явления одной природы, имеющие небольшие отличия в своей структуре. На наш взгляд, фундаментальной альтернативы между ними не имеется, кроме разве что критериев эффективности и наличия/отсутствия рыночных отношений. Многие ведущие экономисты (Б. Рицци, Г. Дрейпер, П. Франни, Э. Мандель) называют тот вид отношений, который господствовал в СССР и его сателлитах, как государственный капитализм или бюрократический коллективизм (с точки зрения троцкизма). Л. Д. Троцкий в работе «Преданная революция» (1937) отмечает устойчивое желание советской партийной бюрократии к реставрации капитализма и приведению неэффективного советского капитализма к более совершенному капитализму «западного» образца. Бюрократическому термидору необходимо только юридическое закрепление своих прав на собственность, и систематические различия исчезнут. Лишним доказательством этого утверждения могут служить подтвердившиеся прогнозы ученого и лидера американской рабочей партии М. Шахтмана об империалистическом духе советской внешней и внутренней политики, заинтересованности «сталинской аристократии» в новой мировой войне за передел сфер влияния и завоевание ресурсно-рыночной базы, критика вопроса о национализированной собственности, не являющейся прогрессивной самой по себе. «Сталинская машина – это рабочая аристократия, развившаяся в высшей степени до новой и неслышанной власти. Естественно, ее амбиции, надежды, аппетиты ограничиваются, но не просто экономической базой, на которой она находится, а прежде всего ее подчиненным положением в мировой политике и экономике. Этот “агент империализма” имеет свои собственные империалистические цели и амбиции. Эти цели не имеют тех же корней, что и британский империализм, но они существуют. . .»¹

подавляющее число теоретиков альтернативных экономических теорий утверждает, что современный экономический мейнстрим базируется на «трех китах» – индивидуализме, эгоизме и рационализме, что он придерживается

в своей методологии формализма математических методов на зачастую лишенных здравого смысла допущениях². Оппоненты альтернативных экономических концепций и, соответственно, сторонники магистрального курса развития экономики отвергают наличие кризиса тех концепций, которые исповедуют и практикуют, аргументируя это тем фактом, что «кризис теории наступает не тогда, когда накапливаются факты, ей противоречащие. Это необходимое, но не достаточное условие. Кризис наступает только тогда, когда эти факты выстраиваются в альтернативную конкурирующую гипотезу»³. Подобные заявления весьма спорны и свидетельствуют лишь об отказе понять ошибочность теории, ее спекулятивном характере и, возможно, даже о корпоративном сговоре ряда ученых и политиков той части экономического сообщества, которое защищает выгодно занятые позиции в финансово-промышленных иерархиях доминирующих мировых экономических структур.

Первой моделью альтернативной экономики, которую мы хотели бы описать, будет модель свободной экономики С. Гезелля. В своей книге «Свободная земля и свободные деньги как путь к естественному экономическому порядку» (1916) он обрисовал черты формы совершенно нового вида хозяйствования. С. Гезелль считал, что основной функцией денег является существование их в качестве средства обмена. В традиционной экономике деньги «исчезают из обращения всякий раз, как возникает повышенная в них потребность, и затопливают рынок в моменты, когда их количество и без того избыточно»⁴. Это свидетельствует об их крайней неэффективности и даже вредности для большинства людей, так как современные формы денег являются только инструментами мошенничества или ростовщичества, и сколь бы привлекательными и соблазнительными ни были их физические качества, они не должны признаваться годными к употреблению. Основное негативное явление, с которым предполагает бороться С. Гезелль в экономической сфере, – кредитная природа денег, которую необходимо полностью ликвидировать. Но это только первый шаг, следующий еще более кардинален – обложение денег процентами. «Только деньги, которые устаревают, подобно газетам, гниют, как картофель, ржавеют, как железо, и улетучиваются, как эфир, способны стать достойным инструментом для обмена картофеля, газет, железа и эфира. Поскольку только такие деньги покупатели и продавцы не станут расставаться с товарами ради денег лишь потому, что деньги нам нужны в качестве средства обмена, а не потому, что мы ожидаем преимуществ от обладания самими деньгами»⁵.

Принцип Freigeld С. Гезелля предлагает решать в четырех формах – табличные свободные деньги, марочные, серийные и дополнительные, но главная роль отводится марочной форме. В со-

ответствии с принципом марочных сертификатов, предложенных И. Фишером, «свободные деньги так же, как и обычные деньги можно положить на счет, инвестировать или потратить, но при этом они не преумножаются»⁶. Единственное отличие свободных денег от настоящих заключается в том, что они становятся платной государственной услугой, деньгами с отрицательным процентом и неограниченным обменом. Когда возникает такая ситуация, тогда их владельцы поставлены в ситуацию регулярной передачи государству определенной небольшой суммы в качестве оплаты за право воспользоваться деньгами государственной эмиссии.

Описываемая нами модель существует не только в теориях Гезелля и Фишера, она показала свою жизнеспособность и перспективность в ряде практических реализаций. Это успешный опыт городов Шваненкирхен и Вергль в 30-х гг. XX в., которые взяли модель функционирования свободных денег как основу регулирования экономических отношений на собственной территории. В результате перехода на рельсы подобной экономической модели рабочие и владельцы торговых лавок полностью погасили все свои задолженности, существенно снизилась безработица, усовершенствовалась транспортная и коммунальная инфраструктура.

Следующей альтернативной структурой, к которой мы обратимся, будет теория эквивалентной экономики А. Петерса. С начала 1980-х гг. он начал разрабатывать экономическую систему, удовлетворяющую потребности всех без исключения людей. Видя, что смысловая механика капиталистической экономики служит не для реальных нужд и потребностей людей, а ориентируется исключительно на абстрактном спросе и предложении с целью получения выгоды на всех своих уровнях распространения, ученый пришел к выводу, что данная система основана на искажении главной цели экономики. Налицо антропологическая ориентация экономических законов, потому что даже при отсутствии платежеспособного спроса потребитель не теряет надобности в товаре или услуге. Следовательно, главной задачей экономической системы должно стать как можно более полное удовлетворение потребностей человека вследствие изменения неверно действующих экономических законов. Разделяя экономику, в соответствии со взглядами Аристотеля, на две части – базисную, связанную с удовлетворением потребностей, и хрематистику – основанную на получении дохода из самих денег (прибыли из капитала), А. Петерс предлагает такую модель, в которой товары и услуги обмениваются не на основе денежной цены, а на основе стоимости. Эта стоимость определяется как сумма всего рабочего времени человека, вложенного в данный товар или услугу. Процедура обмена товарами и услугами в эквивалентной модели должна происходить в строгом соответ-

ствии с затраченным на их производство рабочим временем, вне зависимости от рода и вида работы, от масштаба занимаемой должности.

В результате мы имеем схему справедливого распределения товаров и услуг не только внутри одного государства, но даже между разными странами. Чтобы подсчитать стоимость конечного продукта или услуги, была разработана матрица, в которую загружается время труда отдельных участников производства. С ее помощью указываются общие параметры по вычислению стоимости продуктов, каждый из которых отдельно просчитывается и вносится в матрицу Петерса. Каждый отдельный параметр вычисляется опять же при помощи этой матрицы, но только на меньшем уровне, исключительно для подсчета стоимости отдельного параметра.

Черты «эквивалентной экономики»:

«1) Временные колебания цен при постоянном уровне потребности в товарах и услугах отсутствуют.

2) Отсутствие спекуляций деньгами и товарами, вызывающих случайное или несправедливое распределение богатств.

3) Невозможность экономических и финансовых кризисов.

4) Автоматическое упразднение разделения общества на классы или на бедных и богатых.

5) Сближение уровня жизни индустриальных и неразвитых стран в процессе торговли ввиду отсутствия возможности у капитала влияния на экономику, политику и социальные сферы неразвитых стран.

6) Вопрос частной собственности отпадает сам собой, так как размер частного имущества будет определяться исключительно количеством отработанного рабочего времени, которое естественно ограничивается.

7) Длительность человеческой жизни.

8) Экономическая и социальная стабильность общества»⁷.

В начале третьего тысячелетия А. Петерс, опираясь на идеи К. Цузе, создателя первого компьютера в мире и выдающегося кибернетика, дополнил свою теорию элементами IT-социализма. Этим тандемом был сделан ряд выводов, в которых для решения задач планирования, управления и распределения в ситуации построения и развития современной эквивалентной экономики полезно и оперативно начать применять самые мощные современные компьютеры. Источником ошибок классической плановой экономики виделась невозможность или затруднительность выполнения процессов производства, управления и распределения товаров и услуг только одним центром регулирования экономических процессов. По мнению А. Петерса, с этой задачей должны будут справиться современные компьютерные технологии, оптимизирующие производство и управление. Связанные между собой посредством информационных сетей, компьютеры центра

управления будут собирать, накапливать и обрабатывать информацию, переданную компьютерами из различных отраслей и секторов экономики, что в итоге позволит ускорить процессы принятия решений, увеличит качество планирования и снимет ряд проблем человеческого фактора.

Автором третьей альтернативной модели, которую мы хотим рассмотреть, стал редактор антиглобалистского портала Zmag М. Альберт. Она носит название Pareson. Совместно с радикальным экономистом Р. Ханелем было определено несколько основных качеств данной модели: разнообразие, самоуправление, эффективность, солидарность и справедливость. Выделяя принцип совместного принятия решений в качестве экономического механизма для руководства в процессах производства, потребления и распределения ресурсов, Р. Ханель и М. Альберт предложили термин «анархическое экономическое видение»⁸, определив Pareson в качестве особой формы социализма, где средства производства находятся в коллективной собственности трудящихся. В данной модели при отсутствии собственности на средства производства деньги сохраняются в качестве средства платежа. Для достижения вышеупомянутых целей требуется соблюдение следующих принципов:

- 1) сбалансированные комплексы работ;
- 2) существование рабочих и потребительских советов, использующих управленческие методики для принятия решений;
- 3) вознаграждения согласно усилиям и жертвам;
- 4) совместное планирование.

Авторы теории подчеркивают, что переход к Pareson должен сопровождаться интеграцией в общественные отношения альтернативных взглядов политического, культурного и межличностного характера. Современное общество, по М. Альберту, делится на три категории субъектов – рабочие, собственники и «координаторы-управленцы». В этой схеме доминирующим звеном является третья группа – менеджеров-координаторов, узурпировавших права принятия решений у трудящихся и усилив их отчуждение от орудий производства. Для изменения ситуации предлагается не только отмена частной собственности, но и уничтожение любых форм и структур, отвечающих за координацию. Очень важной считается проблема уничтожения неравенства между квалифицированным и неквалифицированным рабочим. М. Альберт видит ее решение в установлении равного распределения личных затрат сил на приятную и неприятную работу, которое должно основываться на «рейтингах» того, каково соотношение приятной и неприятной работы.

Политические аспекты партисипативной экономики разработаны С. Шаломом и носят название Parpolity⁹. Принципы Parpolity схожи с составляющими партисипативной экономики, они базируются на свободе, самоуправлении,

справедливости, солидарности и терпимости. Главным, считает С. Шалом, является создание такой политической системы, которая позволит людям участвовать в управлении политическими процессами непосредственно между собой. Им предлагается уникальная система Вложенных советов, которая многократно повышает эффективность политического контроля людьми. Имеющая в своей структуре пять взаимосвязанных советов различных уровней, охватывающих количественно более 350 миллионов избирателей, различающихся по численности и вложенных друг в друга по принципу матрешки. Данная система позволит каждому взрослому человеку полноправно участвовать в государственном управлении. Местные советы (первого уровня) голосующих граждан, состоят из 25–50 участников (число представленных граждан не должно превышать приблизительно 300 за члена совета). Эти советы были бы в состоянии принять любой закон, который затрагивает только интересы аудитории, представляемой местным советом. Никакой более высокий совет не в состоянии отвергнуть решения более низкого совета, на это будет способен только муниципальный суд, если произойдет нарушение прав человека на этой территории. Советы основываются на взаимном согласии, но иногда, в ситуации несогласования определенных проблем, решения будут приниматься большинством голосов.

Идея построения того вида экономики, которая была бы свободна от дирижизма плановой модели и неограниченной коммерциализации ее рыночного антипода, затрагивалась учеными в течение всего XX в. Большой вклад в развитие и популяризацию альтернативных концепций внесли теоретики Франкфуртской философской школы, неотроцкисты Д. Кэннон, П. Франк, Э. Мандель, представители либертарного социализма и анархизма Н. Хомски и Т. Фотопулос, яркие идеологи контркультуры Т. Роззак и Хаким-Бей. Разрабатываемые ими научные построения отличались друг от друга, страдали несовершенством, порой обвинялись в противостоительности или криминальности. Очень самобытно идея альтернатив отразилась в политико-культурологической концепции П. Л. Уилсона (Хаким-Бея) с его идеей о свободных автономных зонах, чье существование связывается с построением «полной и самодостаточной экономики, которая бы избежала контроля со стороны государственных регулирующих служб вроде налоговой и не носящей характерных черт экономики капиталистической или командной; он видит выход в развитии субэкономики “черного рынка”, транзакций без уплаты налога, бартера, BBS и других сетевых систем, которые могли бы помочь связать эти региональные/маргинальные “экономики”»¹⁰. Предчувствуя наступление системного кризиса, ученые искали новые пути и рассчитывали новые координаты развития экономик, свободных от недостатков модели сегодняшней.

Таким образом, на сегодняшний момент довольно большое количество исследователей занимают антагонистическую позицию к современной мейнстримовой модели. Отчасти некоторые из них, наверняка, представляют интересы и определенных исключенных политических акторов, нуждающихся в легитимации через персонификацию и узнаваемость, представляющих свои проекты как «концептуально организованную единицу политологического дискурса»¹¹. Любые изменения экономической составляющей моментально сказываются на политической и социальной реальности в сторону их качественного преобразования. Таким образом, необходимо констатировать продолжающиеся попытки политологического и культурологического сообщества по изменению общественного мнения и политических предпочтений в сторону неклассических экономических моделей.

Примечания

- ¹ *Shachtman M.* The Soviet Union and the World War // *New International*. 1940. Vol. 6, № 3. P. 68.
- ² См.: *Худокормов А. Г.* Современная экономическая

- теория Запада (обзор основных тенденций) // *Вопр. экономики*. 2008. № 6. С. 20–43.
- ³ *Olsevich Y.* O psihogenetičeskikh i psihosocialjnih osnovah ekonomičeskogo povedenija // *Montenegrin Journal of Economics*. 2007. Vol. 3, № 6. P. 13.
- ⁴ *Gesell S.* The Natural Economic Order. L. : TGS, 2007. Part 4. Ch. 1. P. 75.
- ⁵ *Idem.* P. 121.
- ⁶ Цит. по: *Голубицкий С. М.* *Freigeld* // *Бизнес-журнал*. 2007. № 18. С. 127.
- ⁷ *Peters A.* Das Äquivalenzprinzip als Grundlage der Global Ökonomie. Vaduz : Akademische Verlagsanstalt, 1996. P. 76.
- ⁸ *Albert M.* *Parecon : Life After Capitalism*. L. : Verso Books, 2004. Ch. 19. P. 250.
- ⁹ См.: *Shalom S.* *ParPolity : Political Vision for a Good Society*. Draft, 2004.
- ¹⁰ *Ширяев В. Г.* Свободные автономные зоны как контр-культурный проект будущего (на основе анализа эссе Хаким-Бея «Постоянные автономные зоны») // Развитие политических институтов и процессов. Зарубежный и отечественный опыт : материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 138.
- ¹¹ *Скиперских А. В.* Персонифицированная легитимность // *Свободная мысль*. 2005. № 8. С. 200.

УДК 32.019.51

ВОЗМОЖНОСТИ КИНЕМАТОГРАФА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

К. В. Базаев

Саратовский государственный университет
E-mail: bazzboy@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые теоретические основы информационно-психологического противоборства в рамках политологических исследований информационных войн. Дается краткий анализ возможностей кинематографа как эффективного средства ведения информационного противоборства в долгосрочной перспективе. Современное кино как агент политической социализации.

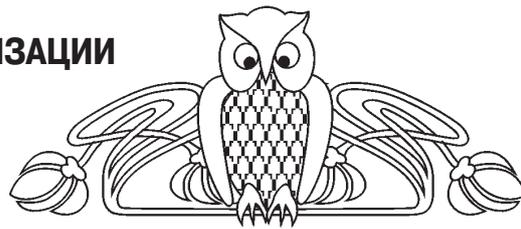
Ключевые слова: информационная война, политическая социализация, общественное мнение, кинематограф.

Capabilities of Cinematograph in Realization of Information Confrontation

K. V. Bazaev

Some theoretical basics of informational and psychological confrontation are considered in this article as a part of political science study of information wars. Short analysis of cinematograph capabilities, which are the effective instruments of information confrontation in a long-term outlook, is given. Modern cinema – an agent of political socialization.

Key words: information confrontation, political socialization, public opinion, cinematograph.

Информационное противоборство – более узкая трактовка одного из значений такого явления, как информационная война. Основными объектами воздействия при таком противоборстве являются психика населения и политической элиты, системы формирования общественного мнения, политические центры принятия решений.

Информационно-психологическое воздействие представляет собой целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние (положительное или отрицательное) на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты и населения России¹.

Сегодня роль общественного мнения, которое имеет влияние на большинство политических процессов в обществе, значительно возросла в связи с процессами информатизации и глобализации. Система формирования общественного мнения является базовым объектом информационно-психологического обеспечения. Актуальность исследований в этой сфере не может вызывать

Таким образом, на сегодняшний момент довольно большое количество исследователей занимают антагонистическую позицию к современной мейнстримовой модели. Отчасти некоторые из них, наверняка, представляют интересы и определенных исключенных политических акторов, нуждающихся в легитимации через персонификацию и узнаваемость, представляющих свои проекты как «концептуально организованную единицу политологического дискурса»¹¹. Любые изменения экономической составляющей моментально сказываются на политической и социальной реальности в сторону их качественного преобразования. Таким образом, необходимо констатировать продолжающиеся попытки политологического и культурологического сообщества по изменению общественного мнения и политических предпочтений в сторону неклассических экономических моделей.

Примечания

- ¹ *Shachtman M.* The Soviet Union and the World War // *New International*. 1940. Vol. 6, № 3. P. 68.
- ² См.: *Худокормов А. Г.* Современная экономическая

теория Запада (обзор основных тенденций) // *Вопр. экономики*. 2008. № 6. С. 20–43.

- ³ *Olsevich Y.* O psihogenetičeskikh i psihosocialjnih osnovah ekonomičeskogo povedenija // *Montenegrin Journal of Economics*. 2007. Vol. 3, № 6. P. 13.
- ⁴ *Gesell S.* The Natural Economic Order. L. : TGS, 2007. Part 4. Ch. 1. P. 75.
- ⁵ *Idem.* P. 121.
- ⁶ Цит. по: *Голубицкий С. М.* Freigeld // *Бизнес-журнал*. 2007. № 18. С. 127.
- ⁷ *Peters A.* Das Äquivalenzprinzip als Grundlage der Global Ökonomie. Vaduz : Akademische Verlagsanstalt, 1996. P. 76.
- ⁸ *Albert M.* Parecon : Life After Capitalism. L. : Verso Books, 2004. Ch. 19. P. 250.
- ⁹ См.: *Shalom S.* ParPolity : Political Vision for a Good Society. Draft, 2004.
- ¹⁰ *Ширяев В. Г.* Свободные автономные зоны как контркультурный проект будущего (на основе анализа эссе Хаким-Бея «Постоянные автономные зоны») // Развитие политических институтов и процессов. Зарубежный и отечественный опыт : материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 138.
- ¹¹ *Скиперских А. В.* Персонифицированная легитимность // *Свободная мысль*. 2005. № 8. С. 200.

УДК 32.019.51

ВОЗМОЖНОСТИ КИНЕМАТОГРАФА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

К. В. Базаев

Саратовский государственный университет
E-mail: bazzboy@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые теоретические основы информационно-психологического противоборства в рамках политологических исследований информационных войн. Дается краткий анализ возможностей кинематографа как эффективного средства ведения информационного противоборства в долгосрочной перспективе. Современное кино как агент политической социализации.

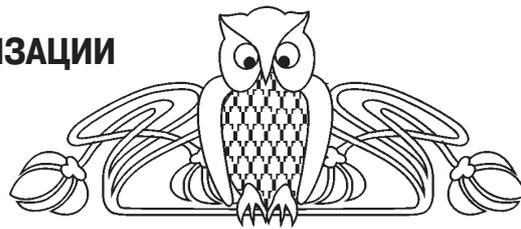
Ключевые слова: информационная война, политическая социализация, общественное мнение, кинематограф.

Capabilities of Cinematograph in Realization of Information Confrontation

K. V. Bazaev

Some theoretical basics of informational and psychological confrontation are considered in this article as a part of political science study of information wars. Short analysis of cinematograph capabilities, which are the effective instruments of information confrontation in a long-term outlook, is given. Modern cinema – an agent of political socialization.

Key words: information confrontation, political socialization, public opinion, cinematograph.

Информационное противоборство – более узкая трактовка одного из значений такого явления, как информационная война. Основными объектами воздействия при таком противоборстве являются психика населения и политической элиты, системы формирования общественного мнения, политические центры принятия решений.

Информационно-психологическое воздействие представляет собой целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние (положительное или отрицательное) на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты и населения России¹.

Сегодня роль общественного мнения, которое имеет влияние на большинство политических процессов в обществе, значительно возросла в связи с процессами информатизации и глобализации. Система формирования общественного мнения является базовым объектом информационно-психологического обеспечения. Актуальность исследований в этой сфере не может вызывать

сомнений. Любой стране в мире необходима эффективная система государственного противодействия операциям информационно-психологической войны. Для того чтобы хорошо работали системы защиты, нужно знать типы «атакующих» систем, понимать принцип их действия и возможные последствия их применения.

В отечественной политологической науке отсутствует единое и общепризнанное определение понятию «информационная война». С. П. Расторгуев считает, что информационные войны представляют собой одновременно открытые и скрытые информационные взаимодействия социальных систем, которые преследуют цель получения определенных преимуществ, обеспечения своего выигрыша в материальной сфере². В. С. Пирумов определяет информационную войну как новую форму борьбы двух и более сторон, которая состоит в целенаправленном использовании специальных средств и методов влияния на информационные ресурсы противника, а также – защиты собственного информационного ресурса для достижения назначенных целей³. Данные определения, на наш взгляд, не охватывают политико-психологической составляющей влияния на различные субъекты в процессе информационного противоборства.

Более адекватным в рамках нашего исследования будет определение, данное В. В. Серебряниковым: «Невоенная информационная война представляет собой воздействие информационными технологиями одной стороны на властные, управленческие и информационные системы другой стороны, на сознание ее населения с целью насильственного навязывания своих духовно-нравственных и культурологических ценностей, возможно, вне связи с какими-либо военными действиями, а в замену их»⁴.

Резюмировав различные теоретико-методологические труды, можно выделить три основных исследовательских направления. В рамках первого информационная война раскрывается в военнотехническом аспекте и понимается как форма обеспечения и поддержания традиционных военно-силовых действий. В рамках второго направления понятие «информационная война» трактуется как совокупность политико-правовых и социально-экономических действий, направленных на захват информационного пространства, вытеснение противника из информационный среды, разрушение его коммуникаций, лишение средства передачи сообщений, а также иные подобные цели. В рамках третьего исследовательского направления информационная война понимается как явление внешне мирного периода противоборства, позволяющего решать политические задачи несилевым путем.

В рамках данной статьи мы придерживались последнего направления для понимания сущности информационной войны. Был произведен краткий анализ возможностей кинематографа как одного из самых эффективных в долгосрочной

перспективе средств ведения информационного противоборства.

Феномен кинематографа в целом, а также отдельные функциональные особенности кино и телевидения изучают, в основном, представители культурологических и искусствоведческих дисциплин, реже – социологи, историки и филологи. Активность политологов в данном исследовательском пространстве значительно ниже. Это объясняется молодостью российской политологии в сравнении с другими общественными науками; междисциплинарным характером подходов к изучению кинематографа; отсутствием универсальной методологии, позволяющей делать однозначные или верифицируемые выводы, и, что не менее важно, самим состоянием современного российского кинематографа.

Тем не менее примеры исследований подобной проблематики нашлись и в отечественных реалиях. Теоретические основания таких работ, на наш взгляд, находятся в области пересечения политической психологии и политической коммуникативистики. Среди эмпирических исследований, отметим работу А. В. Павлова и С. А. Сидоркина «“Симпсоны” как феномен идеологии и политики»⁵. В этой работе объектом анализа является популярный американский мультипликационный сериал, который исследуется с применением политологических категорий – политическая идеология и культура. Автор монографии «Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010)»⁶ А. В. Федоров делает акцент на идеологических, социокультурных основаниях двух эпох – «холодной войны» и постсоветского времени, структурировав и классифицировав киноленты с обеих сторон (мы про них, они про нас) по различным основаниям.

Особо следует отметить монографию «Имперские проекты»⁷, соавторами которой являются саратовские политологи Д. А. Ванюков и И. И. Кузнецов. Голливуд и его продукция рассматриваются «значимым и эффективным полигоном смыслов». Подчеркивается, что взаимосвязь кино и политики в США имеет глубинные корни, и этот феномен до сих пор не вполне осознан. Пожалуй, самым крупным достижением отечественного изучения кинематографа в русле политической науки является наличие учебного курса на факультете прикладной политологии ВШЭ, носящего название «Контент-анализ кинематографа и общественные настроения». Проектом, который, по сути, имеет экспериментальный пока еще характер, руководит И. Е. Кокарев, автор популярной монографии «США на пороге 80-х – Голливуд и политика»⁸.

Важной частью современных политических технологий ведения информационно-психологических войн является создание и внедрение в массовое сознание определенных политических стереотипов. Этот процесс преследует различные цели, среди которых не последнее место занимает

легитимация тех или иных политических решений, в том числе и решений о начале военного конфликта. Большинство вооруженных конфликтов в современном мире сопровождается информационными кампаниями, включающими в себя целую систему политических стереотипов, задача которых не только раскрыть общественности причины конфликта, но и доказать правоту принятия того или иного решения. Среди источников формирования стереотипов необходимо назвать, в первую очередь, целенаправленную деятельность средств массовой коммуникации и политической пропаганды.

В период новейшей истории в связи с усилением роли государства в общественной жизни именно власть и подконтрольные ей институты начинают оказывать влияние на содержание образа внешнего мира. Особую роль играет пропаганда, которая активно внедряется как в СМИ, заполняя информационные потоки, так и в произведения литературы и искусства, особенно такой его массовый вид, как кинематограф. Поскольку кинематограф как пропагандистский инструмент особенно эффективен в связи со своей эмоционально-образной составляющей, то сила этого вида искусства – в глубоком эмоциональном воздействии на зрителя, в способности донести до него готовые стереотипы, идеи и образы. Игровое кино рассчитано на массового потребителя, в связи с этим представляются актуальными и перспективными исследования отдельных произведений этого вида искусства в контексте их идейно-пропагандистского содержания.

В чем эффективность и преимущество кинематографа перед традиционными средствами массовой информации в возможностях информационного противоборства? Мы соглашались с позицией Г. Г. Почепцова в том, что «телевидение и кино задают нормированное поведение и нормированные мысли»⁹. Следовательно, одним из простейших способов обработки самых разнообразных сегментов общества и формирования необходимого общественного мнения является создание серии долговременной информационной продукции, объединенной общей темой и идеологическими установками.

Важной характеристикой является долговременность такой продукции, ибо «если газетная статья умирает на следующий день, то кино практически не умирает»¹⁰. Сегодня для того, чтобы посмотреть тот или иной кинофильм, обязательно ходить в кинотеатры в дни проката. Выход продукции на оптических носителях DVD и Blu-Ray делает способы просмотра более доступными. Спустя некоторое время нередки случаи трансляции кинолент и по центральному телевидению. Не стоит забывать и о том, что современная молодежь в вопросах получения информации охотнее предпочтет формат развлечения, нежели самостоятельный поиск и чтение.

Кинопродукция как способ информационно-психологического противоборства способна оказывать чрезвычайно высокое эмоциональное воздействие. С ее помощью в воображении зрителя активно генерируется иллюзорная картина мира в очень идеализированном виде. Кино может произвольно создавать у зрителя ощущение «справедливости» и моральной правоты того или иного персонажа, независимо от его действительной роли в истории. При этом пропагандистское влияние на человека происходит скрытно, на эмоциональном уровне, вне его сознательного контроля. Рациональные контраргументы в этом случае малоэффективны.

Дж. Карлсон считает, что роль телевидения и кино в современном обществе состоит в развитии ориентаций, адекватных в отношении политической системы. Такое влияние (телевидения и кино) на личность сложно определить и тем более измерить. Тем не менее это средство коммуникации остается важным агентом политической социализации. Кино и ТВ оказывают проникающее влияние как на детей, так и на взрослых и поэтому заслуживают большего внимания исследователей¹¹.

Вооруженный конфликт в Южной Осетии, произошедший в августе 2008 г., получил широкий общественный резонанс во всем мире, а также является классическим примером различных технологий ведения информационно-психологического противоборства. Факт информационной войны между Россией и Грузией при поддержке отдельных стран Запада не скрывался, а скорее наоборот, широко тиражировался в различных СМИ.

Главный вопрос, волновавший граждан России, но в большей степени Запада, – кто начал эту войну? Кто выступает агрессором? Новостные выпуски телевизионных передач, многочисленные репортажи, громкие заголовки печатных статей, обращения официальных лиц к гражданам – стандартизированный формат информационного освещения данного события в то актуальное время. Манипулирование общественным мнением происходило во всех форматах. Основной целью этого было дать ответ на главный вопрос каждому социально и политически активному гражданину. Для уверенных – подкрепить свою уверенность, для сомневающихся – обрести ее, для отрицающих – начать сомневаться.

Информационное противоборство после прекращения военных действий не закончилось. С тех пор прошло почти пять лет, но полностью завершенным его нельзя считать и сейчас. На данный момент имеется уже 5 кинофильмов, повествующих об этих событиях: два документальных фильма («Война 08.08.08. Искусство предательства», «Хроники грузинского августа») и три художественных («Олимпиад инферно», «5 дней в августе», «Август. Восьмого»). Документальные фильмы мы не рассматривали в качестве объекта анализа в связи со спецификой жанра и низкой популярностью

среди широких масс. Обычно зрителем документального кино является узкоспециализированная группа людей, побуждение к просмотру у которых связано с несколько иными целями, чем простое развлечение и досуг. Игровое кино, напротив, смотрят разнородные по своему составу большие массы людей.

«Олимпиус инферно» – отечественный кинофильм о вооруженном конфликте в Южной Осетии 2008 г. Режиссер – Игорь Волошин, данные о финансировании отсутствуют. Это первый в мире художественный фильм об этой войне. Был снят в очень сжатые сроки и выпущен в прокат спустя полгода после конфликта. Транслировался по Центральному российскому телевидению 29 марта 2009 г.

«5 дней в августе» – грузино-американский художественный фильм о конфликте в Южной Осетии. Режиссер – Ренни Харлин, бюджет 32 млн

долл. В Грузии премьера фильма прошла 5 июня 2011 г. Кино рекламировалось под лозунгом «Борьба за правду», а его премьера широко освещалась почти всеми грузинскими СМИ.

«Август. Восьмого» – второй российский кинофильм о конфликте в Южной Осетии. Режиссер – Джаник Файзиев, бюджет 19 млн долл. Съемки были профинансированы Федеральным фондом социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии. В отличие от предыдущих, «Олимпиус инферно» и «5 дней в августе», этот фильм официально не рекламировался как «Борьба за правду».

Опуская художественные моменты и характеристики данных кинофильмов с точки зрения искусства, проанализируем их возможности в качестве средства информационного противоборства. Для начала обратимся к субъектному составу основных сюжетных архетипов (таблица).

Анализ субъектного состава исследуемых кинофильмов

Архетип	Олимпиус инферно	5 дней в августе	Август. Восьмого
Агрессор	Грузия	Россия и Южная Осетия	Грузия
Жертва	Южная Осетия и Россия	Грузия	Россия и Южная Осетия
Защитник	Россия	Запад	Россия
Место действия	Цхинвал	Гори	Цхинвал
Главный герой	Американец и русская	Два американца и грузинка	Русские мать и сын
Главный злодей	Грузинский капитан контрразведки	Казак, командир наемников РФ	Собирательный образ – робот Мраковласт

В отечественных кинофильмах в обоих случаях в качестве агрессора безоговорочно выступает Грузия. В грузино-американской версии это вначале сепаратисты Южной Осетии, затем присоединившиеся к ним Вооруженные силы РФ. Архетип «Жертва» – наиболее пострадавшая в результате конфликта сторона. Во всех фильмах больше всего страдает мирное население, нежели военные формирования. «Защитник» – сочувствующий «Жертве», выступающий против «Агрессора». В «5 дней в августе», помимо активно принимающих в конфликте противоборствующих сторон, задействована третья сторона в лице Западного сообщества и конкретно США, которые встанут на сторону «потерпевшей» Грузии.

В фильме «Август. Восьмого» из-за особенностей разветвленного сюжета, добавляется «Защитник» под видом доброго робота Заура. «Главный герой» – гражданин основных действующих лиц. Здесь следует отметить, что американец из «Олимпиус инферно» в прошлом являлся гражданином России, поэтому должен восприниматься зрителем как «свой». «Август. Восьмого» имеет уникальную сюжетную линию, где, помимо реального мира с военными действиями, существует выдуманный мир маленького мальчика, попавшего под обстрел грузинскими войсками, где его родители по очереди в образе доброго робота Заура сражаются с собирательным образом Войны и Коварства,

злым роботом Мраковластом. Сильной стороной «Августа. Восьмого» является уход от военно-документального изложения в жанр фантастики. Это расширяет целевую аудиторию фильма, делая его интересным для просмотра юными зрителями.

Эффективность воздействия данных кинолент прежде всего в том, что они дают четкую картину произошедшего и конкретный ответ на вопрос «кто начал эту войну, кто является агрессором?». Эмоциональная составляющая усиливается показом постоянных смертей среди мирного населения. Сочувствие потерпевшим насилие затупляет рациональные чувства. Данную продукцию продолжают смотреть сегодня и будут смотреть завтра. В этом ее преимущество перед возможностями традиционных СМИ: долгосрочность, самообеспечение и ориентация на молодежь.

В заключение еще раз отметим, что возможности кинематографа в реализации информационного противоборства крайне широки, и в настоящее время слишком мало внимания им уделяется в рамках политологических исследований. Россия сделала уверенные шаги в этом направлении, сняв два кинофильма о событиях 2008 г. в Южной Осетии, но еще многому предстоит научиться. Нужно понимать, что в XXI в. это не только эффективная форма нападения в информационной войне с Западом, проявление политики «мягкой силы», но и необходимое средство защиты. И им нужно чаще пользоваться.

Примечания

- ¹ См.: *Панарин И. Н.* СМИ, пропаганда и информационные войны. М., 2012.
- ² См.: *Расторгуев С. П.* Информационная война. М., 1998.
- ³ См.: *Пирумов В. С., Родионов М. А.* Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // *Военная мысль.* 1997. № 5. С. 44–47.
- ⁴ *Серебрянников В. В.* Социология войны. М., 1997. С. 43.
- ⁵ См.: *Павлов А. В., Сидоркин С. А.* «Симпсоны» как феномен идеологии и политики // *Полис.* 2007. № 5. С. 81–91.
- ⁶ См.: *Федоров А. В.* Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). М., 2010.
- ⁷ См.: *Ванюков Д. А., Кузнецов И. И., Самсонов Д. В.* Имперские проекты. М., 2010.
- ⁸ См.: *Кокарев И. Е.* США на пороге 80-х – Голливуд и политика. М., 1987.
- ⁹ *Почепцов Г. Г.* Информационно-аналитические технологии. М., 2003. С. 194.
- ¹⁰ Там же. С. 203.
- ¹¹ См.: *Карлсон Дж.* Телевизионное развлечение и политическая социализация / пер. М. М. Назарова // *Назаров М. М.* Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М., 2004. С. 365.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Россошанский А. В. Информационный суверенитет СМИ в политическом процессе в условиях глобализации / под ред. А. А. Вилкова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 260 с.

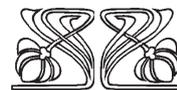
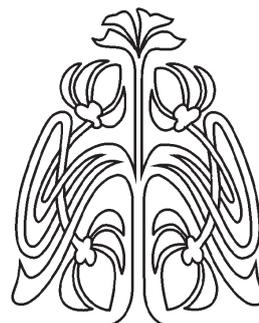
Тема монографии А. В. Россошанского весьма актуальна, поскольку информация, заполняя собой все больше пространства, приобретает все большую значимость, чаще становится объектом научных исследований. Однако тема информационного суверенитета СМИ является достаточно новой и неожиданной, поскольку традиционно считалось, что средства массовой информации не обладают самостоятельностью, а лишь отражают деятельность органов публичной власти и общества, тогда как суверенитет предполагает независимость в определении своего статуса, направлениях развития и взаимодействия с другими государственно-публичными институтами. Тематика монографии не замыкается рамками исследования только информационного суверенитета, автор пишет об информационной политике государства в целом, делая акцент на анализе ее структуры, вектора развития, внешнем и внутреннем взаимодействии элементов. Так, обосновывая актуальность темы, автор абсолютно прав, говоря, что «принципы организации информационных взаимодействий в политике меняются значительно медленнее, хотя именно благодаря этой неспешности многочисленные технологические новации удерживаются в одном общем русле и позволяют аналитикам говорить о сохранении целостности информационной политики как процесса (С.18).

Цель исследования, как указано в монографии, заключается в анализе основных тенденций развития информационной политики как базовой составной части современного политического процесса в России и в прогнозировании ее перспектив. Необходимо отметить, что она полностью достигнута А. В. Россошанским в ходе проведенного им интересного концептуального анализа.

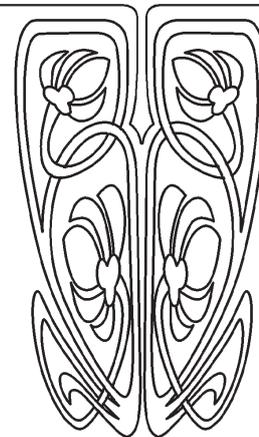
Достаточно важным является использование автором новейшей методологии политического анализа. Так, в рамках методологии данного исследования решены две ключевые задачи: во-первых, определено, в какой мере современная российская информационная политика принципиальна, технологична и продуктивна, то есть прогрессирует ли она и в каком направлении, с какой динамикой; и во-вторых, установлена перспективность упований научного сообщества на то, что «невидимая рука» сетевых структур и передовых технологий, подобно «невидимой руке рынка», поведет современные социально-политические системы не к вселенскому информационному кризису, не к тому, что информация станет средством уничтожения политики во всех ее измерениях, а к возрастанию качества политичности этих систем (С. 28).

Именно поэтому в монографии использована категория «информационный суверенитет» как новое теоретико-методологическое основание исследования информационно-коммуникационной среды взаимодействия власти и общества. Введение в научный оборот этой новой категории, несомненно, вызовет дискуссии, возможно, неприятие части ученых, однако сама постановка вопроса о существовании данного понятия в политологии является свидетельством несомненной научной новизны монографии.

А. В. Россошанским сформулирован ключевой тезис, который лежит в основе выработанного им нового теоретико-аналитического подхода к проблематике информационного суверенитета: «Общество, основываясь на своем информационном суверенитете, формирует из разнородных элементов традиций и новаций эту “осевую” систему политических ценностей (в соответствии со свойствами

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

политической ситуации)» (С. 56). При этом связь информационного суверенитета и формирования системы политических ценностей российского общества весьма важна, особенно в эпоху глобализации и глокализации, что убедительно показано автором в книге.

Однако отмечены также риски от необдуманного увлечения информационным суверенитетом. Говоря о развитии новых политических идей и технологий, таких как «электронное правительство», «электронная демократия», «сервисное государство», автор пишет: «Политическое влияние бюрократии, безусловно, будет уменьшаться, но в той же мере неизбежно будет возрастать роль тех структур, под контролем которых находятся информационные технологии, бизнеса и СМИ в частности. Обладание информационным суверенитетом даст новой политической элите, рекрутированной из работников СМИ, бизнесменов, программистов и специалистов по сетевым коммуникациям, определенные мощные рычаги влияния на поведение и мышление граждан» (С. 62).

Важным является постоянный, на протяжении всей работы, анализ соотношения понятий «политический суверенитет» и «информационный суверенитет». В результате автор приходит к обоснованному выводу о том, что «сегодня информационный суверенитет общества начинает все более определять характеристики политического суверенитета государства. Государство, которое не в состоянии внятно объяснить с обществом и объяснить мировому сообществу, что в нем происходит в плане внутрисоциальных и политических конфликтов, оказывается в невыгодной для себя позиции в международных отношениях. Это приводит к тому, что открываются широкие возможности для «мирового сообщества» ссылаками на «нелегитимность» и «недееспособность» власти в данном государстве оправдать свое внешнее вмешательство в его внутренние дела» (С. 130). Действительно, государство, не использующее в своей деятельности всей мощи современных информационных технологий, не только проигрывает в «имиджевой войне» другим государствам, но и может войти в конфронтацию с собственным народом, которому не будут понятны цели и задачи развития данного государства.

В третьей главе монографии «Государство и институты гражданского общества: покушения на информационный суверенитет СМИ» автор излагает не только свое видение проблем информационного взаимодействия государства и общества, но и предлагает их решение. Так, говоря о необходимом перечне информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, обязательной для размещения в информационных системах общего пользования (Интернет), он предлагает на региональном уровне предусмотреть возможность расширения этого минимума с учетом существующих на практике

общественных интересов и проблем получения информации, например, включив в этот перечень информацию о бюджете и его исполнении в полном объеме (С. 141). Однако позволим себе в данном случае не согласиться с позицией автора, поскольку полагаем, что данная информация для ее осмысления требует специальных экономических знаний, которых у большинства граждан нет, а потому ее размещение будет нецелесообразно. Тем не менее, полагаем, что можно было бы наиболее значимые и понятные для большинства населения показатели бюджета и его исполнения обнародовать для всеобщего обозрения.

Кроме того, А. В. Россошанский отмечает, что «большую роль в законодательном регулировании вопросов, связанных с доступом к социально значимой информации, находящейся в распоряжении государственных органов, сыграло принятое в 2003 г. Постановление Правительства РФ № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти»» (С. 140). Однако в настоящее время оно утратило силу, а потому анализ действующего Постановления Правительства РФ от 24.11.2009 № 953 (ред. от 16.04.2012) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти» усилил бы аргументацию автора.

Считаем важным предложение автора о необходимости обеспечить полноту предоставляемой гражданам информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, в связи с чем он предлагает дополнить п. 3 ст. 20 Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», где говорится, что «государственный орган, орган местного самоуправления вправе не предоставлять информацию о своей деятельности по запросу, если эта информация опубликована в средстве массовой информации или размещена в сети Интернет». Автор отмечает, что существует опасность, что размещенные в информационных системах общего пользования сведения могут быть неполными, фрагментарными, избирательными, но сам факт их размещения может стать основанием для отказа в предоставлении информации. Для предотвращения подобных ситуаций он предлагает внести в данный пункт уточнение «в том случае, если информация в полном объеме опубликована в средстве массовой информации или размещена в сети Интернет» (С. 141–142).

Проведя анализ развития институтов общественного регулирования и контроля за деятельностью СМИ в регионах, А. В. Россошанский справедливо отмечает, что основная проблема в этой сфере состоит «в отсутствии широкой основы институализированных разнообразных

общественных организаций, которые реально представляют и защищают конкретные интересы различных социальных групп на местах», что «уровень развития гражданского общества не позволяет развернуться естественным процессам самоорганизации, результатом которых стали бы компетентные и авторитетные общественные структуры саморегулирования СМИ», что «общественные структуры неизбежно в той или иной степени становятся инструментами государственной информационной политики» (С. 158–159). Однако констатация данных фактов, к сожалению, не приводит автора к выводам о том, как можно исправить данную ситуацию в российских регионах, какие мероприятия и действия самих СМИ и других институтов гражданского общества могли бы изменить ее, позволив им стать более независимыми и объективными. В этой связи также хотелось бы видеть в содержании параграфа 3.3. «Субъектные характеристики информационно-

политического пространства региона» более детальный и взвешенный анализ участия СМИ в электоральных кампаниях на региональном уровне, который позволил бы автору прийти к выводам о содержании субъектных характеристик информационно-политического пространства региона, их взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга.

Однако высказанные замечания и пожелания автору данной монографии не могут ни в коей мере поколебать общего весьма положительного впечатления о данной работе, которая, несомненно, станет ярким и значимым явлением в политической науке.

*Г. Н. Комкова,
доктор юридических наук,
профессор, зав. кафедрой
конституционного и муниципального права
Саратовского государственного университета*

ХРОНИКА

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ САРАТОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАПН, ПРОВОДИМОГО В РАМКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА»

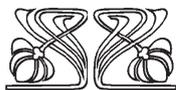
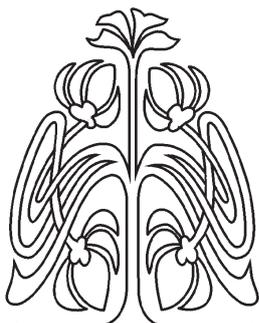
12 марта 2013 г. на юридическом факультете Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского состоялось очередное заседание теоретического семинара Саратовского регионального отделения Российской Ассоциации политической науки (РАПН), посвященное обсуждению научного доклада Александра Валерьевича Логинова «Концепции политического цикла: проблемы методологии и практического применения».

Ведущий семинара – председатель Саратовского регионального отделения РАПН, доктор политических наук, профессор **Н. И. Шестов**.

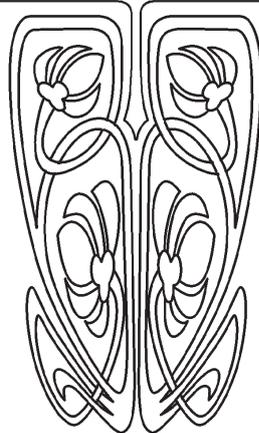
Участники семинара: **Г. М. Барашков**, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета; **В. П. Барышков**, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета; **Г. А. Бударин**, аспирант кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета; **А. А. Вилков**, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Саратовского государственного университета; **М. В. Данилов**, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета; **Д. В. Доленко**, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения и политологии МГУ им. Н. П. Огарёва; **Н. И. Изергина**, доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения и политологии МГУ им. Н. П. Огарёва; **А. В. Логинов**, кандидат политических наук, доцент, докторант кафедры регионоведения и политологии МГУ им. Н. П. Огарёва; **Р. Ф. Матвеев**, доктор политических наук, профессор кафедры (департамента) истории и теории государства и права факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ; **В. А. Митрохин**, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Саратовского государственного университета; **Р. Н. Никеров**, соискатель кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета; **И. Б. Санаков**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского Центра социальных исследований ИСПИ РАН (г. Владикавказ); **Ш. М. Хаутиев**, соискатель кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета.

Шестов Н. И. Уважаемые участники теоретического семинара, повестка нашего сегодняшнего заседания – обсуждение доклада А. В. Логинова по докторской диссертации «Концепции политического цикла: проблемы методологии и практического применения».

Потребность широкого обсуждения заявленной темы связана с необходимостью для автора доклада апробировать свои теоретические подходы к исследованию циклических процессов в политике в прошлом и настоящем. Это те подходы, которые он положил в основу своей докторской диссертации, и я надеюсь, что их обсуждение существенно продвинет вперед его творческую работу. Сейчас мы заслушаем сам доклад, а потом можно задать вопросы. Вам слово, Александр Валерьевич.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Логинов А. В. Уважаемые участники теоретического семинара, в силу своей научной деятельности до написания рассматриваемой работы я длительное время занимался проблемами социальной политики государства. Изучая социальную политику, я пришел к выводу, что процесс реализации социальной политики носит циклически-волновой характер. В этой связи возникла потребность более глубокого рассмотрения социальной политики государства с использованием циклически-волновой методологии. Вначале стояла задача обозначить этапность процесса реализации современной социальной политики России, однако впоследствии моя работа приобрела более широкий методологический ракурс. В результате возникла потребность изучить концепции циклической динамики с глубокой древности до наших дней. Была поставлена задача рассмотреть современный политический процесс с позиций циклически-волновой методологии, которая находит все более широкое применение в зарубежной и российской политической науке. Свои наблюдения я изложил в статье, которая явилась предметом сегодняшнего обсуждения. Мои эксперты предложили откорректировать часть положений, изложенных в диссертации, и первоначально предложенную мною модель с точки зрения синергетики, с учетом того, что современная политика рассматривается не только как стремление к участию во власти или к оказанию на распределение власти (М. Вебер), но и как феномен, имеющий сетевую структуру. Насколько удалось мне это реализовать в обсуждаемой статье – судить вам. Моя задача заключалась в стремлении уловить некую внутреннюю логику политического процесса в целом и социальной политики в частности. В предложенной мною модели политического цикла есть определенные достоинства и недостатки, на которых мне хотелось бы акцентировать ваше внимание.

К достоинствам предложенной методологии можно отнести: во-первых, необходимый и достаточный уровень теоретического абстрагирования; во-вторых, то обстоятельство, что анализ политической динамики в ней осуществляется с точки зрения совокупности ресурсов и ограничений соответствующих стадий политического цикла, продиктованных циклической логикой, вероятностных «разрывов» циклической цепочки и нередко связанной с этим катастрофичности процесса политического развития. Еще одним достоинством рассматриваемой модели является возможность соединения циклически-волновой и поступательной составляющих процесса политического развития. Как отмечает В. И. Пантин, «волновая составляющая может быть выражена сильнее или слабее – в зависимости от масштабов и характера воспроизводства ресурсной базы данной политической системы, а также от способа функционирования институтов, влияющих на эффективность целедостижения» (Пантин В. И.

Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития // Полис. 2002. № 4. С. 21). Так, например, волновая составляющая в социальной политике государства не всегда четко прослеживается исследователями, именно поэтому она, как правило, анализируется преимущественно в линейном аспекте. Лично я придерживаюсь другого мнения, поскольку длительное изучение этой темы привело меня к выводу, что в социальной политике имеет место процесс повторяемости, определенная этапность осуществления социальных реформ; именно поэтому применение циклически-волновой методологии к данному объекту исследования, на мой взгляд, вполне оправданно. Еще одной особенностью представленной модели цикла является более выраженный акцент на нелинейности, неравномерности современного процесса политической модернизации.

В представленной модели имеются и определенные недостатки: во-первых, это низкая степень инструментализации понятий, поэтому многие циклически-волновые модели отличает малофункциональность. Во-вторых, в «критических точках» политического развития, когда появляются упоминаемые в статье «разрывы кольчужной сетки», «как правило “включается” множество внутренних и внешних по отношению к данной политической системе факторов и механизмов, что не позволяет предсказать результат их совместного действия» (Пантин В.И. Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития. С. 23) (так называемый синергетический эффект). Я с этим столкнулся, когда произвел наложение данной модели на политический процесс и попытался объяснить процесс в терминах синергетики. Сложность состоит в том, что лавинообразность процессов в точке бифуркации препятствует четкому отслеживанию причинно-следственных связей. То есть в точке бифуркации имеет место состояние последовательного появления множества «критических точек» и «разрывов кольчужной сетки», модель которой была изложена в обсуждаемой статье.

Еще одна проблема, которая, на наш взгляд, имеет ключевое значение, связана с необходимостью постоянного совершенствования представленной модели и методологии с учетом обнаруженных в рамках синергетики феноменов случайности, сложности и необратимости. Иными словами, что применимо и функционально сегодня, утрачивает свою применимость и функциональность завтра. Поэтому все циклически-волновые модели, которые предлагаются отечественными и зарубежными исследователями, нуждаются в постоянной модернизации с учетом фактора времени, неуклонного усложнения системы, обретения ее нового качества.

Еще один момент, который, на наш взгляд, оказывает существенное влияние на процесс исследования, состоит в том, что междисципли-

нарный характер циклически-волнового и синергетического подхода в зависимости от выбранного методологического ракурса можно отнести и к достоинствам, и к недостаткам.

Достоинством можно считать то, что циклически-волновой подход основан на панорамном рассмотрении всего политического процесса. Как отмечает И. Валлерстайн, «часть проблемы заключается в том, что мы изучали эти явления, разложив их по отдельным ящичкам и присвоив им особые названия: политика, экономика, социальная структура, культура, не осознавая, что эти ящички существуют по большей части в нашем воображении, а не в реальной жизни. Явления, которые мы в них находим, настолько переплетены, что одно обязательно предполагает другое, одно влияет на другое, и любое явление невозможно понять, не принимая во внимание содержимое других ящиков» (Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. М., 2006. С. 44).

Недостатком представляется и тот факт, что, не имея теории цикличности, которую бы можно было «приложить» к практике – политическому процессу в целом, к социальной или иной политике в частности, мы вынуждены пользоваться для нужд политологии экономическими, культурологическими и другими теориями, которые используют присущий их предмету научный инструментарий. Понимая, что не совсем корректно инструментарий одной науки без корректировки автоматически использовать в другой, мы при этом не вполне осознаем, что речь идет даже не о фундаментальных теориях, а максимум о теориях среднего уровня. По признанию В. В. Лапкина, «по сути, речь идет о своеобразном “комплексе неполноценности”, побуждающем исследователя социально-политических изменений осмысливать механизмы и движущие силы наблюдаемых им процессов в категориях, лежащих за пределами его предметной области» (Лапкин В. В. Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития // Полис. 2002. № 4. С. 27).

Сделав акцент на достоинствах и недостатках выбранного мною подхода и представленной модели, предлагаю коллегам начать дискуссию и задавать вопросы.

Шестов Н. И. Пожалуйста, коллеги, кто желает высказать свои соображения и дать автору свои рекомендации?

Доленко Д. В. Концепция политического цикла на основе синергетического подхода, вне всякого сомнения, является плодотворной и актуальной для современной российской политической науки. Однако, на мой взгляд, главным недостатком предложенной в статье А. В. Логинова версии является ее абстрактность, оторванность от анализа реального политического процесса в России. Примеры с распадом СССР и ценами на нефть недостаточны: цены на нефть не являются универсальным фактором детерминации политического процесса. Даже в нашей стране этот

фактор стал наиболее значимым в 1970-е гг., и он был не единственным при распаде СССР. Автору необходимо показать объяснительную эффективность своей парадигмы на примере политического развития нашей страны в XX столетии: как она работает при объяснении перехода России от либерально-рыночного развития к социалистическому и обратно; как с помощью этой парадигмы можно объяснить циклы социалистического развития (нарастание и смягчение тоталитаризма, перестройка) и постсоциалистического этапа (ельцинский и путинский периоды)? Необходимо показать, какие факторы в целом определяют саму цикличность: экономический, идеологический, геополитический, личностный и другие, и какой из них играл главную роль на том или ином этапе, в том или ином цикле.

Изергина Н. И. К вашей статье у меня есть два небольших, но важных уточнения. Вы, в частности, отмечаете, что «в процессе создания теорий фундаментального типа возникает немало соблазнов. Один из них – это стремление опереться на мудрость древних либо на аргументацию авторитетного исследователя. Взявшись “не с того конца”, российские исследователи запали на стратегию легких решений, стратегию копирования уже имеющегося интеллектуального опыта (и древнего, и более нового)». Хотела бы заметить, что копировать, безусловно, не нужно, но и отвергать «мудрость древних», а также «аргументацию авторитетного исследователя» тоже не следует. Во-первых, потому что преемственность как универсальный принцип развития имеет отношение и к сфере знания, науки. В этом смысле не стоит забывать, что «мы – карлики, взобравшиеся на плечи гигантов <...> они подняли нас вверх и воздвигли на свою гигантскую высоту» (Бернар Шартрский). Во-вторых, знакомство с теориями разных исторических эпох дает возможность увидеть политику в эволюции, попытаться проследить ее развитие в рамках мегацикла. И в-третьих, это важно для того, чтобы «не изобретать велосипед».

В другой части своей статьи вы пишете: «...на стадии “стабилизации” мы, как правило, наблюдаем более или менее сбалансированное сочетание двух ведущих принципов развития. В данный период важны инновации в режиме политической преемственности. Одновременно с этим стадия стабилизации – это некая точка перехода от доминирования творческого принципа к доминированию принципа сохранения. Поэтому именно в этой точке закладываются дальнейшие стратегические тренды развития политической системы. На этой стадии необходимо создать творческий задел для дальнейшего гармоничного сочетания принципов творчества и сохранения».

Мне представляется, что здесь мы имеем дело с основным противоречием цикла, разрешение которого обеспечивает переход на качественно новый цикл развития политической системы: противоречием между желанием сохранить в

неизменном (традиционном) виде наработанные политические идеи, политические институты, политические механизмы и т.д., обеспечивавшие на предыдущем этапе политическую стабильность, и потребностью в творческом их пересмотре для выхода на новый виток развития. Разрешение этого основного противоречия происходит в точке бифуркации.

Матвеев Р. Ф. Тема, которая сегодня обсуждается, актуальна и заслуживает пристального и творческого внимания нашего политологического сообщества. По сути дела, речь идет о необходимости сделать важные шаги на пути перехода политологии от любительского описательного этапа к этапу аналитическому, то есть на пути осуществления анализа уже накопленного политического опыта и разработки политологии как фундаментальной науки. Сегодня можно констатировать, что для такой работы, помимо практической потребности, есть также объективные и субъективные условия. К **объективным условиям**, прежде всего, относятся *относительная* стабилизация ряда важнейших политических отношений, систем и подсистем, институтов (в том числе и законодательства) в нашей стране, достигнутый *некоторый* уровень политической и правовой культуры. Сюда же относятся и уроки применения на практике зарубежных политологических гипотез и концепций, в первую очередь, почти исключительно, американского происхождения. К **субъективным условиям** можно отнести не только официальное признание политологии как учебной дисциплины, но и, главное, появление формирующегося сообщества специалистов, большинство которых сделали политологию своей профессией. Политология даже стала в известном смысле модой, и каждый комментатор, публицист считает престижным *объявить себя политологом*. Все это ставит проблему серьезной и глубокой разработки определений и критериев политологии как науки и требований к политологам как профессионалам. Без рационального решения этих проблем политология обречена оставаться на любительском субъективистском уровне безответственного наблюдателя поверхностных явлений. Российский политолог боится за судьбу страны и ответственен за последствия своих научных исследований.

Относительно объективных условий. Приходится еще и еще раз возвращаться к вопросу об объекте политологических исследований и о разработке обоснованных эффективных методологий. Я полностью согласен с содержащейся в докладе критикой относительно применения зарубежных, античных и древнерусских подходов как ключей к пониманию и прогнозу современных политических процессов в России. Однако это не снимает вопроса о главном объекте исследования. Либо такими объектами считаются и действительно являются политическая область, пространство, поле, практика, либо «теории», неважно, при-

кладные или фундаментальные, которыми так щедро делятся со всем миром американская наука, образование, публицистика и политическая практика. Иными словами, речь идет о коренной смене парадигм в политологии. Современные условия делают возможным (и требуют) опираться не на идеи, не на цитаты, а на действительные процессы и свойства объекта исследования. Естественно, это не означает призыва отрицать все, что сделано за пределами границ Российской Федерации или в прошлом. В ряде случаев исследователи проявили способность выделить некоторые универсальные, устойчивые законы, сформулировать законы локальные, местные, временные, действующие в ограниченных пространствах места и времени. Но проблема далеко не разработана. Отсутствие полной ясности в данной области приводит к тому, что даже в докторских диссертациях в качестве авторитетов для понимания России XXI в. авторы ссылаются на «работы» Платона и Аристотеля.

Понятно, что для разработки фундаментальной политической науки требуется ряд *объективных* условий. Главными являются относительная зрелость, степень развитости и динамической устойчивости объекта исследования. Необходим строгий учет свойства многомерности, нелинейности и неопределенности политических систем и процессов. Понятно также, что для получения достоверного результата полезно использовать специальные методологии сравнительного анализа случайных неравновесных систем, а для этого необходимо иметь точное представление о тех объектах, которые сравнивают. В этой области, можно констатировать, саратовская политологическая школа добилась существенных успехов. Однако в целом многое остается сделать. В частности, речь идет об исследовании особенностей возникновения и изменения законов (так называемые странные аттракторы), проявляющихся в политических системах. Требуется научный ответ на вопрос, на каком именно *уровне зрелости* политической системы в принципе возможно делать обоснованные выводы относительно законов, которые в системе действительно действуют. Можно, конечно, считать, что имеющиеся гипотезы и концепции в какой-то мере отражают действительность или в той или иной степени отражают идеологии авторов, заслуживая тем самым внимания и специального анализа. Но это не освобождает фундаментальную науку от необходимости специального анализа реальных систем и процессов.

В связи с этим несколько существенных моментов. Действительно, в настоящее время остро стоит вопрос о признании новой парадигмы политической науки. Это означает переход от классических механистических систем к системам неравновесным, случайным и хаотическим. Здесь возникает субъективная трудность: людям, в том числе и исследователям, хочется ясности, четкости в определении, «какое общество мы

строим», «куда мы идем». Естественные науки уже давно столкнулись с проблемой перехода к новой парадигме, который вызвал серьезные споры и трудности. Тем не менее он реализуется в основных своих чертах. Для политологии возникает вопрос: может ли она заимствовать, как именно и что именно у естествознания? На мой взгляд, помощь естественных наук политологии возможна и полезна, если мы используем ее для понимания таких же сложных и многомерных процессов, с которыми имеют дело эти науки. Понятно, что при этом необходимо не формально «приспосабливать» физические законы к потребностям политологии, а проверять и перепроверять действие таких законов в политических полях и пространствах. Здесь возникает проблема социальных экспериментов, являющихся объектом внимания *прикладной политологии*. Фундаментальная политология и прикладная политология тесно связаны между собой и обогащают друг друга. Плохо, что государственный стандарт не учитывает этой связи.

Специфика политических отношений и, соответственно, политологии состоит в наличии связи политической области со «смежниками»: правом и юридическими науками, движением социальной структуры и социологией, хозяйственными отношениями и политэкономией, не говоря уже о психологии и идеологии. При чтении многих диссертаций, учебников и исследований складывается впечатление, что для их авторов политология есть нечто, пребывающее в безвоздушном пространстве. Но теперь даже астрономия признает, что вакуум имеет некую материальную структуру. Тем более необходимо учитывать факт влияния на политику (открытую политическую систему в широком смысле этого слова) окружающей среды, окружающих систем и окружающих полей и обратного влияния политики на окружение.

Второй существенный момент касается вопроса о применении в политологическом анализе методологий, предложенных синергетикой. Одним из основных элементов синергетики является признание случайности и неопределенности. Сразу возникает вопрос: если это так, то возможно ли познание случайных и хаотических систем и процессов. Ответ прост и сложен: возможно, если, во-первых, признается сам этот факт и, во-вторых, применяются приемы теории вероятностей и неопределенностей. Это требует специального анализа свойства политической и общественной системы в целом воспринять, отторгнуть или нейтрализовать принятое решение.

Третий существенный момент относится к свойству сложных систем к саморегулированию и самоорганизации. О какой самоорганизации может идти речь, когда мы сами создаем партию, промышленное предприятие, общественную систему, государство? Ведь все в наших руках! А потом приходит к власти деятель и, подводя итоги многих десятилетий управления, признает,

что мы не знаем общества, в котором живем. Это стало результатом того, что в обществе и в его подсистемах подспудно действовали процессы саморегулирования, которые либо игнорировались, либо расценивались как результат «убогого исполнения» правильных решений, либо приписывались деятельности «врагов народа».

Четвертый момент, требующий нашего внимания, относится к признанию необратимости времени. Настоящее не соответствует прошлому, будущее не будет соответствовать настоящему. В прошлое нельзя вернуться потому, что оно на каждом этапе создавалось неповторимым сочетанием миллионов систем, структур, субъективных волей, побуждений и идей. Неповторимость таких сочетаний (конъюнктур), их изменчивость и динамизм обуславливают не только необратимость времени, но и являются одной из важнейших причин эволюции общественных и политических систем. Политология должна определять на каждом этапе и в каждой области содержание и формы практической активности различных элементов общества.

С учетом небольшого объема выступления я ограничился только перечисленными проблемами, которые, на мой взгляд, нуждаются в активных исследованиях с участием как прикладной, так и фундаментальной политологии.

Данилов М. В. У меня вопрос и, может быть, предложение. Дело в том, что циклические модели приобретают больший смысл и большую ясность при не столько вербальном выражении, сколько математическом выражении. Вопрос такой: можно ли вашу модель формализовать в виде уравнения, чтобы были понятны те факторы, которые определяют волну и характер связи между этими факторами? Мне кажется, это было бы серьезным приращением к вашей теоретической модели.

Логинов А. В. Спасибо за уточнение! Во-первых, на мой взгляд, очень сложно формализовать представленную модель, поскольку для этого необходимы математические знания. Во-вторых, в отличие от экономического цикла, политический цикл не всегда имеет овеществленный в материальном смысле характер, кроме того, он не всегда четко прослеживается. Именно поэтому не всякая политика рассматривается исследователями с позиций циклически-волнового подхода. Мы полагаем, что преимущественно нематериальная природа политического процесса затрудняет использование математических моделей в рамках данного подхода. Хотя многие российские политологи широко применяют математические модели в политическом анализе и прогнозировании.

Шестов Н. И. Михаил Викторович в своей работе также использует циклически-волновой подход, только предметом его изучения выступают циклы политизации и деполитизации. И я ему предложил не математическую, а, скорее, геометрическую формулу, связанную с возможностью образно представить, как срабатывает

этот механизм «переворачивания» приоритетов в политическом процессе. Пожалуйста, теперь ваши вопросы к докладчику.

Митрохин В. А. Никто не отрицает, что одной из особенностей политического процесса в России является стабильная непредсказуемость. Это и беда, и радость нашей политической истории, потому что в трудные критические моменты нашего бытия традиционные оппоненты пытались просчитать наше будущее и, как правило, ошибались, опираясь на механистический позитивистский подход. Вот вы не боитесь, что откроете «ящик Пандоры», предоставив возможность просчитать будущий политический процесс, цикличность, прозрачность и тем самым управляемость? Что чрезвычайно опасно в условиях жесткой мировой борьбы. Мне интересно ваше отношение. Если это знание реально имеет место быть и бессмысленно его скрывать, приходится согласиться, но если ваше исследование носит характер рекомендаций для наших политических конкурентов...

Шестов Н. И. С вашего позволения, одна реплика! Речь-то ведь идет о социальной политике. Можно показать обществу, что у него блестящие перспективы, то есть общая направленность вполне оптимистична. А можно показать обществу, что его ничего хорошего не ждет.

Логинов А. В. Долг честного интеллектуала состоит, очевидно, в том, чтобы не только поставить тот или иной «диагноз» национальной политической системе, но и указать возможные «угрозы», с которыми политическая система может столкнуться при имеющейся совокупности обстоятельств, своевременно указать средства выхода из вполне возможной кризисной ситуации. Ваши опасения, Владимир Алексеевич, нельзя считать необоснованными, но я бы их адресовал к политологии в целом, ценность рекомендаций которой всегда определялась возможностью обнаружить и подвергнуть системному анализу скрытые механизмы власти и указать совокупность средств для достижения поставленной цели. Ведь недаром мудрец Лао-цзы отмечал: «Рыбе лучше не покидать глубины, а то, что приносит царству благо, не нужно показывать людям». Тайные управленческие механизмы власти не нужно показывать. В своей работе на основе представленной модели политического цикла я предложил ряд альтернативных сценариев, которые с определенной вероятностью могут проявиться. На основе предложенной конструкции можно отследить внутреннюю логику развития национальной политической системы. Логика развития определяется наличием некой совокупности трендов, задаваемых системой и ее акторами при переходе с одного этапа политического цикла на другой, следующий за ним. Каждый этап политического цикла имеет внутри себя определенную совокупность ресурсов и ограничений, продиктованных логикой политического развития системы. Проблема современной политической системы России состоит в том,

что недостаточно автоматизированы процессы ресурсонакопления. В результате доминирует «ручной режим». В то же время на данной стадии политического цикла важно, чтобы политическая система в целом работала автономно и получала максимальную прибыль. Опасность состоит в том, что этого не происходит в силу отсутствия либо неэффективности автономных механизмов. И здесь просматривается несколько возможных политических сценариев, один из которых связан с дальнейшим усилением политического режима как неизбежное следствие отсутствия автономных механизмов. А почему они отсутствуют, дает представление изложенная мною модель. Отвечая на ваш вопрос, хотелось бы отметить, что данные механизмы нужно раскрывать, говорить о них, предупреждая власть о существующих угрозах стабильности функционирования политической системы. Здесь я рассуждаю с позиций политически неангажированного интеллектуала.

Шестов Н. И. Вы все-таки делаете, как я понимаю, акцент на естественности этих циклов, на том, что они представляют собой естественную динамику политического процесса? Правильно ли вы поняли?

Логинов А. В. Ну, в какой-то мере есть элемент управления в этом, когда исследователь улавливает циклическую логику и на основе анализа видит, к какому результату движется система. И здесь задача состоит в том, чтобы поставить правильный «диагноз» политической системе и дальше, исходя из этого, определить вероятностные сценарии ее дальнейшего существования.

Шестов Н. И. Тогда смоделируем такую ситуацию. Вот кризис бьет по России, цены на нефть обрушиваются и заявленные социальные программы социальной политики нереализуемы. И принимается нашим Федеральным собранием пакет законов о новых правилах игры, о новых обязательствах, новых процедурах. Вопрос в том, насколько это все может сказаться на циклической природе социальной политики в частности и политики в целом?

Логинов А. В. Мы полагаем, что те политические решения, которые принимаются в любой точке политического развития, политического процесса, в определенной мере имеют привязку к тому или иному этапу политического цикла, а точнее, к его сюжету. То есть сами политические решения как бы являются «погруженными в цикл», именно поэтому с позиций циклически-волнового подхода нет ничего, что существовало бы вне времени и вне политического цикла.

Шестов Н. И. Постараюсь уточнить смысл моего вопроса! Здесь получается, что логику нормотворчества определяет цикл или нормотворчество определяет логику цикла?

Логинов А. В. Если рассуждать в контексте предложенной здесь модели, то цикл в какой-то мере определяет логику нормотворчества, поскольку цикл – это в некоторой степени объектив-

ное явление, не зависящее от нашей воли. Это как возраст человека, который диктует для него определенный набор возможностей и ограничений.

Шестов Н. И. Но тогда получается, что мы должны будем признать, что правящие элиты, отвечающие за социальную политику, предельно компетентны, поскольку они осуществляют политику в рамках заданных ресурсных возможностей. Тогда снимается вопрос об их управленческой компетентности. Они делают все, что могут, и все, что, в общем-то, от них требуется! Но мы постоянно слышим претензии в адрес социальной политики, не только из уст обычных граждан, но и Президента РФ, который совсем недавно подверг критике некоторых чиновников при обсуждении проблем ЖКХ. Он публично заявил: «Вы что, с ума сошли?». И вопрос этот был адресован элитам, которые действуют в рамках предоставляемых им циклами возможностей. Вот как это противоречие снять и можно ли его снять?

Логинов А. В. Не совсем так! Вопрос предопределенности, а точнее, заданности процесса развития не отрицает свободы действий политических акторов, а потому и не снимается вопрос об их управленческой компетентности. Так, например, В. И. Пантин справедливо полагает, что представление о волновом движении сложных социальных систем не отрицает, а предполагает свободу и разнообразие деятельности людей, хотя степень этой свободы и этого разнообразия различна в различных точках и фазах развития (см.: Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 35).

По поводу предопределенности развития системы в науке высказываются и другие мнения. Так, И. Валлерстайн полагает, что «вопрос о соотношении действия и инерционной структуры становится решаем, если его переформулировать следующим образом: когда и почему человек преобладает над структурами и когда структуры властвуют над человеком? Ответ вкратце может быть примерно такой: человек способен изменять структуры в краткие моменты структурного кризиса (бифуркации, хаотического перехода), когда ослабевают и становятся подвижны ограничители. Тогда даже слабые или исторически случайные импульсы могут приобрести далеко сказывающиеся последствия. В обычных же условиях человеческое действие приобретает результат, только если его вектор соответствует спектру допустимого действия. Иначе даже самое “героическое” усилие гасится “косными” (инерционными) структурами. Но в исторических точках бифуркации пространство возможного возрастает пропорционально кризису структур. Неизбежный парадокс состоит в том, что сами структуры есть результат прошлых кризисов и – всегда лишь частично успешных – человеческих усилий по его преодолению. Всякая социальная структура, прежде чем стать объективной реальностью, кем-то и

когда-то была построена» (Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006. С. 17–18).

Собственно, в этом и заключается смысл валлерстайновского неологизма «утопистика», понимаемого как «практика расчета возможных альтернатив на основе анализа всей предшествующей эволюции системы с тем, чтобы в точке системной бифуркации попытаться повернуть систему в сознательно избранном направлении» (Валлерстайн И. Миросистемный анализ... С. 18).

Цикл политического развития – это во многом объективное явление со своим «окном возможностей», поэтому у правящей элиты всегда есть потенциальная возможность либо понизить степень кризисности развития политической системы, либо повысить ее. Суть свободы выбора – это выбор наиболее эффективного пути развития. Например, человека всегда рано или поздно настигает смерть, но от его действий в какой-то мере зависит, умрет он здоровым или больным, претерпевая при этом многочисленные страдания. Эта проблема в широком аспекте связана с тем, насколько грамотно используется ведущий принцип конкретного цикла, природные законы.

Данная системная закономерность, на наш взгляд, применима и к политической системе. Характер дальнейшего политического развития на каждом цикле зависит не только от фактора заданности политического процесса, но и от того, как правящей элитой используется ведущий принцип этапа (во благо или во вред обществу). Иными словами, правящая элита должна грамотно использовать объективные законы, а не придумывать свои. Она должна грамотно подстроиться под природную ситуацию, а не генерировать свою. В любом случае полезно не тратить силы на борьбу с «волной», а, подобно опытному пловцу, использовать ее, чтобы плыть в нужном направлении. Мы полагаем, что степень правильности выбора во многом зависит от мудрости и дальновидности представителей правящей элиты, ведущих политологов и обществоведов.

Так, если элита вовремя замечает и осознает наметившиеся в государстве негативные процессы или объективные угрозы и проводит в соответствии с этим необходимую модернизацию политической системы, меняет курс согласно требованиям времени, то дальнейшее развитие, вероятно, приобретет менее болезненный для общества характер и наоборот.

Шестов Н. И. Дело в том, что большинство политологов рассуждают диаметрально противоположно: примем хорошие законы – будет у нас хорошая политика, будет хорошая политика – будет довольно общество. Здесь имеет место обратный ход рассуждений. Вы в данном случае идете как бы против течения, предлагая совершенно иную логику связи.

Логинов А. В. Я, конечно, не абсолютизирую возможности циклически-волнового подхода, однако действия правящей элиты России в какой-то

мере вписываются в логику этапов современного политического цикла и в определенной степени соответствуют сформировавшемуся тренду на унификацию сложившихся политических практик.

Барышков В. П. У меня такой вопрос: я обратил внимание на некоторые материалы, связанные с обсуждаемой нами темой. Есть статья Е. В. Безвиконой «Системно-синергетическая модель политической системы» (Полис. 2009. № 3. С. 113–124.), где рассматриваются основания моделирования. Вопрос, который здесь затрагивался в начале обсуждения, для меня очевиден – все это может работать в аналоговых, а не математических моделях. Потому что математические системы более операциональны. У меня к вам следующий вопрос. Вы какие-нибудь циклы можете назвать? Иначе мы говорим беспредметно!

Логинов А. В. Я исследовал современный политический процесс как отдельно взятый цикл, который пока еще не завершен.

Барышков В. П. Вы говорите о внутренней структуре цикла, подчеркивая при этом этапность, эволюцию. А циклы – это характеристика времени. Ритмы, циклы и волны – это измерение времени. Ритмы как раз выражаются в циклах. Если вы не сможете выявить периоды этой повторяемости, будет очень сложно говорить о цикличности.

Логинов А. В. Дело в том, что российские исследователи, на которых вы ссылаетесь (в частности, В. И. Пантин и В. В. Лапкин), излагают свою модель, основываясь на более широких политических ритмах, отмечая их корреляцию с кондратьевскими циклами. Они предложили авторскую датировку циклов эволюции международной экономической и политической системы с XVIII в. до 2041 г. Констатируя феномен последовательного «сжатия» отдельных фаз цикла, они определяют третий современный цикл примерно равным 72 годам (около 1969–2041 гг.) (см.: Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006. С. 300–301).

Предложенная мною модель политического цикла включает в себя пять этапов и имеет отношения к так называемым микроциклам. Этапы выделенного мною микроцикла составляют в среднем 5–8 лет. Дело в том, что цикл в точных науках имеет геометрическое выражение в виде круга. А круг – это некая совокупность нескольких точек. Отслеживая циклическую логику, мы можем условно поставить точку на этом круге, отметив при этом, что с этой точки (временной даты) условно начали складываться определенные процессы, которые впоследствии оформились в некий тренд, имеющий более устойчивую структуру. Рассуждая в русле циклически-волнового подхода, мы полагаем, что точная датировка этих «точек» невозможна. Если мы ставим точку на «круге» или «спирали» и даем точную датировку, мы исключаем из авторской схемы совокупность

предпосылок, которые способствовали формированию доминирующих трендов. На наш взгляд, это не совсем верно!

Барышков В. П. Известно, что циклически-волновой подход в определенной мере связан с прогнозом. Когда, на ваш взгляд, начнется следующий цикл? Назовите период времени.

Логинов А. В. Условно можно сделать следующий прогноз. На наш взгляд, до 2017 г. (понижительная фаза кондратьевского цикла) политическая система России будет находиться под влиянием тренда унификации, что, в свою очередь, в какой-то мере определяет внутреннюю логику этапа систематизации, предпосылки которого стали формироваться с конца 2004 г. после бесланских событий и заявления В. В. Путина о необходимости замены губернаторских выборов процедурой назначения. После 2017 г., вероятно, будут более четко обозначаться переходные тренды по формированию политической системы нового типа, основанной на постепенном отказе от авторитарных практик, являющихся косвенным подтверждением фактического отсутствия автономных механизмов принятия политических решений.

Барышков В. П. Я хочу обратить внимание только на одну вещь – на соединение циклической методологии с синергетикой. У вас прозвучала такая мысль, что при синергетическом процессе речь идет о непредсказуемости процесса развития, о невозможности с синергетической точки зрения изменить этапы цикла. Важно понять, работает эта методология в данном случае или нет. Вот вы говорили о начале этапа. Допустим, мы берем перестройку. Или давайте возьмем такой явный цикл, например, как Фултонская речь Уинстона Черчилля 5 марта 1946 г., которая в СССР считалась сигналом для начала холодной войны. Период с 1946 по 1986 г. можно обозначить как цикл кризиса, как в международном плане, так и в плане внутрисоюзном. С 1986 г. начинается новый цикл, допустим, 30-летний, который закончится в 2016 г. Можем ли мы, приложив представленную вами схему, определить цикл в 30 лет, показав тем самым специфику качественных изменения в системе, или нет?

Логинов А. В. Спасибо за вопрос. Дело в том, что в определенной мере наше исследовательское восприятие цикла субъективно. В этой связи можно согласиться с мнением Р. Дж. Коллингвуда, который полагал, что «исторический цикл – это перманентная черта всей исторической мысли, но во всех случаях своего проявления он является производным от точки зрения. Цикл – это поле зрения историка в данный момент <...> У каждого исследователя истории всегда должна быть какая-то система циклов, точно так же, как у каждого человека имеется тень, неотступно сопровождающая его повсюду. Но, подобно тому, как тень человека движется при каждом производимом им движении, так и его циклический взгляд на

историю будет меняться и исчезать, распадаться и собираться вновь с каждым новым шагом вперед в историческом познании индивидуума и расы» (цит. по: Шлезингер-мл. А. М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 52).

Циклы имеют разную временную протяженность. По этому критерию выделяются микро-, макро-, мегациклы. Обращение к циклам разной временной протяженности связано с разными задачами, которые ставит исследователь. Однако при этом следует учитывать две закономерности методологического плана. Так, например, В. И. Пантин и В. В. Лапкин обращают наше внимание на два явления: «феномен телескопа» и «феномен микроскопа». Так, если ритм общественного развития слишком мал, значительно меньше среднеисторического периода одного поколения (около 25 лет), то он подобен микроскопу, позволяющему хорошо разглядеть мелкие детали, но не дающему возможности увидеть картину в целом. Если же ритм слишком велик, то он больше похож на телескоп – с его помощью видны глобальные процессы и тектонические сдвиги, но пропадают из виду менее масштабные процессы и явления, которые в итоге привели к этим сдвигам (см.: Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования ... С. 281.) Эти две крайности, на наш взгляд, в зависимости от выбранного исследовательского ракурса, можно рассматривать и как достоинство, и как недостаток циклически-волнового подхода. Так, например, циклически-волновая модель В. И. Пантина и В. В. Лапкина позволяет исследовать и прогнозировать процессы экономического, социального и политического развития в масштабе десятилетий. Предложенная нами модель имеет отношение больше к микроциклам, которые мы рассматриваем применительно к современному политическому процессу в целом и к социальной политике в частности. У этой модели есть свои достоинства и недостатки, которые мы отмечали в своем докладе. Однако одной из центральных задач исследования является ответ на вопрос, в каком состоянии находится современная политическая система России и, главное, что нас ждет впереди?

Актуальность поставленных вопросов вполне очевидна. Она определяется кризисным положением либеральной демократии не только в России, но и в мире. Достигнув кризисной точки своего развития, либеральная демократия к настоящему времени уже почти выработала свой ресурс. Превратившись фактически в сакральный ритуал, она стала настолько привычной для людей, как восход и заход солнца. Она уже вошла во все другие идеологии, она так пропитала собой все, что уже перестает быть интересной, перестает быть стимулом к прогрессу. А что ей придет на смену, современная политология, опираясь на циклически-волновой подход, в какой-то мере уже может объяснить.

Барышков В. П. Главный вопрос состоит в том, как совместить синергетичность и системность, вероятностные модели и циклически-волновой подход?

Логинов А. В. Николай Игоревич Шестов в свое время предложил мне расширить его модель и скорректировать основные положения с помощью модели «кольчужной сетки». Суть проблемы состоит в том, что модель цикла в политической сфере нередко принимает форму «гроверной шайбы», где «концы» цикла вроде бы сомкнуты, но в реальности имеется очевидный *перекос*, *несовпадение*, от которого, в свою очередь, берет свое начало новый политический цикл. Наша задача – объяснить феномен «перекоса» в начальных и завершающих фазах цикла, когда зачастую формируются отношения, диаметрально противоположные друг другу. В результате возникает конфликт, и в этом конфликте образуется источник нового цикла (меньшего или большего размера). То есть мы имеем не просто «диалектическую спираль развития», мы имеем цикл, который еще зачастую порождает ряд других циклов большего или меньшего масштаба. При этом циклы постоянно накладываются друг на друга, образуя сложную ткань, именуемую *сетевой* структурой. Циклическая сетевая структура имеет все признаки системности, она образует «ткань» политического пространства в форме *кольчужной сетки* или «кольчатого доспеха», который сплетен из железных колец и выполняет защитные функции. В кольчуге представлены кольца с разрывами, но, несмотря на это, при обычных обстоятельствах она сохраняет свою прочность и относительную эластичность. При наличии определенной совокупности обстоятельств прочность утрачивается. Это происходит, когда рядом находятся два кольца с разрывами и в эту точку наносится стрелой или копьем удар.

То есть речь применительно к нашему объекту исследования идет о том, что предъясняется внешний или внутренний «вызов» национальной политической системе, который провоцирует некую катастрофичность в динамике политического процесса. Благодаря мощному и направленному действию прочная «кольчужная сеть» рвется в определенном месте.

Барышков В. П. Позвольте тогда добавить сюда *синхронизацию*! Если данный феномен совместить с образом кольчуги, то это будет логическим завершением озвученной вами модели.

Шестов Н. И. Хочу добавить, что эти «разрывы» не коррелируют с характером деформации. Может произойти разрыв и совмещенных циклов, когда «кольчужная сеть» и так выкручена, растянута, сжата. Это именно то, чего, на мой взгляд, не хватало циклически-волновым теориям. В данном случае актуализируется момент внешнего воздействия на цикл. Потому что для российской политики момент внешних вызовов, внешних ресурсов достаточно актуален и исторически, и на современном этапе.

Логинов А. В. Ключевой вопрос в рамках рассматриваемой модели формулируется так: *сможет ли достойно противостоять внешним и внутренним вызовам современный «щит российской политики» в той конфигурации «кольчужной сетки», которая у политической системы сейчас имеется?*

Поэтому одна из центральных задач нашего исследования состоит в том, чтобы разработать и предложить синергетическую модель политических циклов и попытаться объяснить с точки зрения синергетики и ряда других теорий, каким образом большие и малые циклы, имея собственную динамику, «сплетаются» в эту общую «сеть»; попытаться показать, каким образом происходят «совмещения колец» и какие политические действия, решения следует предпринять, чтобы не допустить разрывов, предотвратить катастрофичность в динамике политического процесса.

Большие и малые циклы – это некая сетевая структура, состоящая из элементов (отдельных циклов), причем каждый из них вполне самостоятелен и самодостаточен. Взаимодействие этих циклов, моменты их наложения друг на друга мы зачастую даже не замечаем, а начинаем замечать, когда весьма прочная «кольчужная ткань» по какой-то причине разрывается.

Шестов Н. И. Я уточню, речь в данном случае идет о структуре с неограниченным потенциалом деформирования. То есть она не меняет своей сути, но при этом может растянуться, сложиться, перекрутиться в любом направлении.

Логинов А. В. Еще одна из задач нашей работы заключается в том, чтобы продемонстрировать возможности предложенной в работе методологии при анализе политического процесса в целом, сделав акцент на этапах цикла и его сетевой структуре, и социальной политики в частности. Для этого считаем необходимым включить социальную политику в свой объяснительный блок.

Центральная задача в рамках предложенной выше циклической конструкции и методологии – попытаться обнаружить в структуре политического пространства и в структуре политического времени на основе анализа имеющегося эмпирического материала те критические зоны, где «кольца» российской политики попадают «спайками» друг напротив друга, сделав акцент на возможной катастрофичности подобного сценария и его последствиях.

Примером практического применения данной методологии может быть анализ состояния социальной политики путем выделения потенциально критических для политической системы участков цикла. Так, например, если рассматривать современную социальную политику России, то внутренними циклами в ней будут: 1) цикл, связанный с мобилизацией общественных ресурсов; 2) цикл, ориентированный на удовлетворение потребительских интересов общества.

Данная сетевая структура до определенного момента достаточно функциональна. Помимо прочих факторов это становится возможным благодаря тому, что цены на природные ресурсы весьма высоки и у государства по-прежнему имеются необходимые и достаточные материальные активы. В результате «сеть социальной политики» сохраняет свою прочность и эластичность. При этом упомянутым выше циклам удастся благополучно «проскакать» критические точки возможных «разрывов».

Однако если предположить, что в определенный момент «спайки колец» оказываются друг напротив друга, то внешний вызов может спровоцировать необратимую катастрофичность национальной политической системы. Например, произойдет очередная революция в нефтедобывающей стране или, наоборот, ситуация стабилизируется и цены на нефть упадут. И в какой-то момент окажется, что государство, набрав большой объем социальных обязательств, не в состоянии будет их выполнить. Это именно та ситуация, когда две «спайки колец» оказываются друг напротив друга.

Подобная ситуация наблюдалась на стадии распада СССР, когда огромные социальные программы были «завязаны под нефтяную трубу»; и как только в мире началось падение цен на нефть, во многом спровоцированное искусственно нашими геополитическими противниками, – удар был нанесен в эту «спайку колец», и вся эта «кольчужная сетка», «броня» советской власти быстро «расползлась». В этот период многие элементы «политической сети», которые подобно циклическим структурам ранее двигались в фоновом режиме по своим траекториям (например, региональные элиты, которые раньше были в одной «сетке» с федеральной элитой), сами стали «распаивать» национальную политическую сеть. В результате страна столкнулась с сепаратизмом, который выразился в так называемом параде суверенитетов. Эта ситуация характеризовалась тем, что региональные элиты фактически стали функционировать в самостоятельном циклическом режиме.

Приведенный выше пример применения предложенной нами методологии свидетельствует об ее эмпирических возможностях. Мы осознаем, что представленная здесь теоретическая модель имеет определенные противоречия. Вместе с тем ее достоинством является попытка всестороннего учета феноменов случайности, сложности и необратимости, что вполне соответствует современным представлениям синергетики. Помимо этого в ней принимается во внимание и сетевой характер современной политики. Последовательная разработка данной методологии позволит преодолеть схематизм и описательность в процессе политического анализа, создать необходимую основу для разработки теорий фундаментального типа.

Шестов Н. И. Циклическость подразумевает и фактор возвращаемости.

Барышков В. П. В таком случае стабилизирующий фактор, обеспечивающий возвращение, – это что? Константа какая? И это очень существенно. Это качество, которое обеспечивает преемственность. Выявление данной константы в обсуждаемой концепции необходимо.

Шестов Н. И. Я бы это назвал матрицей, в рамках которой происходит «прогибание» цикла.

Вилков А. А. Следует учитывать, что, кроме категории времени, в российской истории не менее важное значение имеет категория пространства.

Митрохин В. А. На мой взгляд, важно также учитывать субъективный фактор. Например, фаза социально-экономического развития в СССР и в Китае в конце 1980-х гг. обладала довольно схожими чертами, но Дэн Сяопин реализовал ресурсные возможности и запросы этого времени и провел модернизацию одним образом, а М. С. Горбачев, имея гораздо больше ресурсов, начал осуществлять модернизацию в совершенно другом направлении.

Шестов Н. И. Александр Алексеевич, пожалуйста, ваши предложения.

Вилков А. А.: Могу сказать, что Александр Валерьевич проделал большую работу и сегодня представил в сжатом виде тот замысел, который можно будет развернуть по специальности «теория политики». И сейчас попробую по тексту проанализировать представленный на обсуждение доклад, исходя из тех установок, которыми мы руководствуемся традиционно. В начале имеет место хорошая основа, где идет констатация того, что многие исследователи пошли по пути заимствования метатеорий. Этот момент критического плана, на мой взгляд, действительно опирается на хорошую источниковую базу, и проработана она автором достаточно серьезно. Однако тот вывод, который вы сделали, на мой взгляд, требует уточнения. В своей статье вы в качестве критической оценки своих предшественников в данной научной области отмечаете: «...не имея еще достаточного запаса теорий первичного и среднего уровня, мы сразу взялись за создание неких фундаментальных теорий». Однако далее вы сами, как и предшественники, ставите перед собой фундаментальную задачу рассмотреть мегацикл применительно к развитию политической системы в целом вместо отдельных микроциклов, на которые структурно распадается реальный политический процесс по субъектным и институциональным основаниям.

Вы утверждаете, что «на основе комплексного анализа политического процесса» была разработана циклическая модель, состоящая из пяти стадий, которые гипотетически проходит политическая система». В результате то, на что «напоролись» ваши предшественники, вы опять пытаетесь повторить.

На мой взгляд, все внутренние этапы цикла, которые вы выделили, уже хорошо проработаны и представлены, прежде всего, экономистами в

их разнообразных циклических концепциях. Различия между ними обусловлены тем, что авторы на основе определенных экономических данных выделяют разные временные промежутки циклов, разные факторы их развития, разные параметры измерения и верификации. Вы же в своей работе ведете речь о сегментах и секторах циклов без должных разъяснений данных понятий и пытаетесь экстраполировать методологию Кондратьева на политическую систему в целом, без достаточной политологической конкретики.

Наиболее интересным в докладе представляется обоснование сетевой структуры политики в виде образа «кольчужной сетки». Используя данную сетевую модель, на мой взгляд, можно выделить и исследовать те реальные циклы, в том числе и в социальной политике, которые периодически повторяются в политической жизни. Эта модель дает возможность на основе эмпирических данных проанализировать и соотнести, как в реальной политической практике проявляются разнообразные микроциклы и как они зависят от тех циклов, которые имеют вполне конкретное и нормативно закрепленное темпоральное измерение. Это, прежде всего, электоральные циклы различных уровней, у которых есть конкретное начало и есть окончание, своя субъектность и своя логика развития. У них действительно могут быть свои внутренние микроциклы, связанные с конкретной деятельностью политических акторов на каждом этапе избирательного процесса (например, выдвижение партийных списков на выборах, их регистрация, выработка стратегии, рекламная кампания и т.д.).

Данный контент можно связать с социальной политикой, которая, в свою очередь, имеет привязку к электоральным циклам в рамках разработки предвыборных программ и формулирования лозунгов. На мой взгляд, эти конкретные материалы, которые имеют определенную измеримость и верифицируемость (темпоральную, статистическую, в виде электоральных результатов и социально-экономических показателей, прежде всего), то есть показатели, которые могут быть просчитаны, способны дать ту конкретику, которой пока недостает работе. На этой основе имеется возможность показать, почему большой цикл политической системы зачастую плохо верифицируется. Вероятно, потому, что он зависит от множества микроциклов и от влияния разнообразных политических акторов, каждый из которых принимает участие в политической жизни в соответствии со своей собственной логикой. От их конкуренции в рамках микроциклов, в свою очередь, зависит политический процесс в целом. Это как раз и есть та самая реальная ритмика, которую можно и нужно отразить и исследовать в рамках предложенной модели.

Эта теория микроцикла по отношению к политике, на мой взгляд, более продуктивна. Основываясь на анализе постоянно повторяющихся

микроциклов, можно будет более конкретно прогнозировать и процесс развития политической системы в целом. Поэтому в своей работе нужно делать больший акцент на том, что вы исследуете именно микроциклы, а не идете по пути исследователей, которые изучают более широкие по временным характеристикам циклы. И тогда у вас первая часть диссертации будет связана с тем, что вы критически рассмотрите имеющиеся циклические концепции. Тем более что представленные в истории политической мысли циклические модели в реальной практике не повторяются. Они малоприменимы, поскольку каждый раз мы имеем дело с уникальной совокупностью факторов. Причем эта совокупность внутренних и внешних факторов политического развития постоянно меняется, особенно с учетом процессов глобализации и информационной открытости. Более того, меняется само время цикличности – в некоторых случаях оно существенно сжимается (например, цикл формирования политического имиджа). В результате представленные в докладе традиционные циклические подходы перестают работать. А то, что может работать, – это именно микротеории и прогнозирование на основе микропроцессов.

Шестов Н. И. На мой взгляд, есть еще и фактор идеологии, который нередко искривляет политическое пространство. В социальной политике правящая элита нередко вынуждена давать завышенные обещания, которые в самом обществе формируют завышенные ожидания. Такой эффект двойной завышенности в социальной политике нередко создает рискованные ситуации.

Вилков А. А. Согласен, все эти совмещения – и есть проблема риска. Насколько, например, велика вероятность наложения друг на друга «разрывов» в циклах.

Шестов Н. И. Спасибо! Владимир Алексеевич, пожалуйста, вам слово.

Митрохин В. А. Спасибо! Благородное дело, которым занялся Александр Валерьевич, поскольку циклически-волновые концепции всегда имеют определенный выход на практику через процесс политического прогнозирования. Вы пытаетесь найти решение этой проблемы. Второй аспект – это межпредметные связи. Если апеллировать межпредметными категориями синергетики, то свои выводы нужно согласовывать с устоявшимися математическими и другими представлениями по этим вопросам. По отношению к любому понятию, к которому вы апеллируете, вы должны совершенно четко определить собственное видение. Выходя на определенный уровень обобщения, необходимо учитывать применимость теории к любой политической системе. Однако ваша модель применима только к политической истории современной России. Поэтому нужно выходить на такой уровень обобщения социальных процессов, который был бы приложен к любому политическому пространству. Я хотел предостеречь автора от попытки некой схематизации. Цикл

может происходить в рамках разных временных параметров, поэтому сами циклы не вписываются в строгие темпоральные схемы. Следовательно, применительно к теории мы не должны вдаваться в очевидную детализацию. Вы анализируете сугубо российский опыт – это уже локализация ваших теоретических изысканий.

Барышков В. П. Владимир Алексеевич в данном случае использует позитивистскую методологию, по которой социальное знание редуцируется в естественнонаучное. Позитивистская методология уравнивается другими взглядами.

Барашков Г. М. В своем докладе Александр Валерьевич ставит очень важные теоретические вопросы, которые представляются весьма актуальными для современной политической науки, тем более когда данные теоретические конструкции экстраполируются на российские политические процессы, к которым применим весь арсенал прозвучавших научных терминов – модернизация, демократический транзит, циклически-волновые процессы и т.д.

Предложенная автором циклическая модель политического процесса представляется весьма интересной. В политике, как и вообще в окружающем мире, все подчинено цикличности. Как говорится в Святом писании: «У всего есть начало, и у всего есть конец». Автор в своем исследовании ставит непростую, но очень интересную задачу: разработать и предложить собственную синергетическую модель политических циклов и попытаться найти объяснение, каким образом большие и малые циклы, имея собственную динамику, «сплетаются» в общую «сеть», и какие действия следует предпринять, чтобы не допустить разрыва, предотвратив тем самым катастрофичность в динамике политического процесса.

Думается, что такие «сплетения» происходят на основе взаимного интереса, взаимопроникновения, формирующего некий фундамент политических действий.

Применительно к нашей стране можно констатировать, что вся ее история есть некий циклический вариант развития – чередования реформ и контрреформ, модернизаций и контрмодернизаций. И связано это с тем, что зачастую, во-первых, общество не понимало и было не готово к преобразованиям, а во-вторых, все реформы и модернизации давались очень дорогой ценой.

На современном этапе, как мне кажется, сложилась уникальная ситуация – общество готово к преобразованиям и решительным действиям, понимая, что стране нужно развитие, гражданам – достойная жизнь, а власть не может или не хочет их начать. Все происходящее похоже на имитацию бурной деятельности, программу «по латанию дыр», когда действуют по факту ввиду возникновения каких-либо непредвиденных обстоятельств, то есть налицо антикризисное управление. Действительно, после стабилизации экономической ситуации в 2000-е гг. во многом за

счет высоких цен на углеводороды и построения «вертикали власти», которая погасила сепаратистские настроения, модернизационные процессы резко замедлились. Довольно сложно понять, в чем она (модернизация) выражается, за счет чего, каких ресурсов производится, кто ее главные участники, какую цель она ставит, какой результат и когда ожидается?

Все это говорится к тому, что действительно очень сложно в такой неопределенной ситуации определить развития цикла, его объективность, если ему не дают проходить фазы; или происходит корреляция и вмешательство не с учетом развития демократических процессов, а ввиду политической целесообразности.

Например, до выборов в Государственную думу в декабре 2011 г. ничто не предвещало изменений в Законе о партиях. Более того, новый закон кардинально отличается от предыдущего, перечеркивая опыт построения партийной системы последних лет. Следующие выборы в Госдуму пройдут по смешанной системе. То есть как только влияние «партии власти» пошло на убыль, стал меняться и тренд партийного строительства – с акцентом на многочисленность и малозначимость партийных образований.

Поэтому доклад Александра Валерьевича представляет собой вполне удачную попытку разобраться в сложноплетениях современного российского политического процесса через политическое моделирование с использованием синергетической модели политического цикла, заслуживающего особого внимания и дальнейшего исследования.

Шестов Н. И. Коллеги, позвольте и мне высказать свои соображения в рамках обсуждаемой темы. Первый момент. Мне кажется, что прежде чем начать работать над понятиями, необходимо определиться с уровнем той проблемы, которую вы, Александр Валерьевич, собираетесь решать. Что вы хотите создать: модель, концепцию, теорию или заявить какую-либо парадигму? В том материале, который вы мне представляли, нередко происходит смешение понятий и, соответственно, уровней, на которые делается заявка. Уровни обработки материала, уровни теоретического анализа. Это не в упрек вам, это весьма распространенное явление: и в Интернете, и в научных публикациях происходит смешение этих уровней и понятий. Я всегда представлял себе этот процесс так, что первичный уровень – это концептуализация. Мы наблюдаем некую повторяемость событий, нам хочется понять, почему это повторяется, и тогда мы все сводим воедино и находим какое-то общее и концептуальное объяснение, а затем на основе многочисленных (или немногочисленных) концептуализаций приходим к теоретическому обобщению.

Все-таки не зря в греческом языке понятие «Бог» и понятие «Теос» не просто созвучны, но по самому замыслу близки друг другу. Потому что

речь идет о том, что возникает желание приблизиться к какому-то более высокому уровню обобщения – тому, что раньше называлось «замыслом Господним» о мире, о человеке. А поскольку нам все это нужно делать в каких-то рамках (нельзя же безбрежно теоретизировать!), нарабатываются эти парадигмы, то есть устанавливаются естественные пределы для собственного теоретизирования. При этом для каждого времени формируются свои пределы. Дело в том, что ваш материал позволяет решить и ту, и другую, и третью задачи. В принципе, вы можете подать свой материал как заявку на создание неких рамочных условий для анализа политических процессов вообще. Это парадигмального уровня модель, которая будет задавать рамки. Можете сделать заявку на то, что вы создаете некую теорию. То есть вы анализируете концепции, которые создавались начиная с глубокой древности до наших дней, пытаетесь их свести воедино и подвести под некий универсальный закон. Вы берете какие-то факты, реальности социальной политики на определенном отрезке пространства и времени и концептуализируете их. Это то, о чем я вам ранее говорил: нельзя создавать фундаментальные теории, не отработав первичную базу, не имея теорий первичного уровня, то есть концепций.

Если вам интересна моя позиция, то я склоняюсь к пониманию всех теоретических представлений о цикличности как концептуальных представлений. Теоретики циклически-волнового подхода, как правило, констатируют, что вокруг них что-то меняется, и меняется с определенной последовательностью. И, как правило, они описывают эти явления, не вникая в их механику и суть. Вот почему темпоральные рамки цикла – именно 30 или 40 лет? Этому вы не найдете объяснения. Это нужно принять как факт. Поэтому, на мой взгляд, и вам будет разумнее сделать акцент на концептуальном уровне.

Второй момент. Цикл осуществляется в пространстве и времени. Здесь этот вопрос уже поднимался. Но ведь в политической науке, как и в философии, существуют разные понимания, что есть пространство и время. Когда вы начинаете описывать какой-либо цикл (микро-, макроцикл), вы должны высказать свое отношение к этим базовым понятиям, иначе постоянно будете сталкиваться с проблемой корректности своего исследовательского дискурса. По ныне существующим требованиям любая диссертационная работа должна не просто ставить проблемы – она должна предлагать их конкретные решения. То есть у вас решаемые проблемы должны доминировать над поставленными.

Третий момент. Мне кажется, что нет смысла говорить о макроциклах на примере одного цикла. В этом я солидарен с Александром Алексеевичем. Здесь нужно брать либо предыдущий цикл социальной политики (советский период), либо говорить о микроцикличности малых циклов, которые

можно уложить в определенные макроциклы. То есть не система *циклов*, а система *цикла*!

И наконец, та мысль, которая у меня возникла по ходу нашего обсуждения представленной вами схемы. Ведь мы действительно понимаем цикличность не как круг, а как окружность. Отсюда можно представить, что основные параметры социальной политики мы откладываем в виде последовательных точек не на окружности, а на плоскости круга. Это и дает им возможность вращаться с разными скоростями и вполне автономно друг от друга.

Барышков В. П. У меня лишь одно уточнение. Может быть, здесь используется один закон – закон исчерпания ресурсов? Вот, например, когда социальная политика начинает иметь определяющее значение? Когда уровень благосостояния существенно снижается, начинаются значимые изменения в системе. То есть это органическая система, и она функционирует, пока есть в системе достаточные ресурсы.

Хаугиев Ш. М. Хочу отметить ценность концепции цикличности для своего собственного исследования, которое посвящено проблеме воспроизводства политической неопределенности как ключевой характеристики постсоветской российской трансформации. В первую очередь, потому, что циклический подход позволяет лучше понять особые признаки переходного развития постсоветского российского общества в терминах политического режима. Концепция цикличности выступает как аналитическая переменная в объяснении природы постсоветской политической эволюции. В частности, заложенные в рамках методологии цикличности понятия «цикл», «хаос», «порядок», «стабильность» помогают приблизиться к лучшему пониманию особых признаков переходности современного российского социума. Эти понятия индивидуализируют и уточняют основные признаки отечественной политической трансформации в условиях политической неопределенности на различных этапах посткоммунизма. Таким образом, авторская модель изучения цикличности обладает эвристической перспективностью для понимания условий переходного состояния российского общества и воспроизводства различных стадий политической неопределенности.

Никеров Р. Н. Я считаю, что предложенная А. В. Логиновым модель цикличности в качестве методологии политического анализа является весьма многообещающим подходом для понимания особенностей регионального развития, Каспийского региона в частности, за последние сто пятьдесят лет. Каспийский ареал проходил несколько циклов, которые время от времени «выводили» его из евразийской периферии: каким он был в эпохи политической стабильности, в динамичный геополитический перекресток, каким он становился в периоды крупных политических потрясений. Идеи А. В. Логинова дают возможность

представить геополитическую трансформацию региона в режиме циклических повторений. Алгоритм таких повторений состоял из следующих хронополитических циклов: *середина XIX века* – Каспийский регион оказался в центре политических проекций во время столкновения двух растущих империй – Российской и Британской; *конец XIX века* – банкирская семья Ротшильдов и братья Нобели построили железную дорогу и трубопровод в Закавказье для транспортировки бакинской нефти на экспорт, тем самым нарушив энерго-транспортную монополию американской «StandardOil» в Европе; *1941–1946 гг.* – вступление советских и английских войск в Иран для обеспечения железнодорожной и морской связи СССР с Англией и США через Каспий и Персидский залив; *период конца XX – начала XXI столетий*, связанный с распадом СССР и превращением Каспия в пограничный ареал с многосторонним воздействием. Стремительное ускорение событий вокруг Каспия в эпоху посткоммунизма объясняется тем, что так же, как и в рамках вышеназванных циклов, коммуникационный геополитический ресурс стал главным предметом борьбы, но уже с гораздо более весомым энергетическим содержанием. Таким образом, сделанный А. В. Логиновым акцент на главном признаке цикличности – периодичности этапов цикла – позволит рассматривать Каспийский регион в контексте воспроизводства геополитических повторений, наполненных энерго-коммуникационным и военно-транспортным содержанием.

Санакоев И. Б. Подход А. В. Логинова в целом инновационный. Предложенные автором идеи и подходы способствуют приращению теоретического знания о политическом феномене нацио-строительства на российско-советской имперской периферии. В данной связи представляется достаточно актуальным политологическое понимание цикличности. Предложенный подход позволил в рамках политологического дискурса раскрыть тенденцию повторяемости идеологии государственного строительства в грузинском обществе в различные исторические периоды: после распада Российской империи в 1917–1921 гг. и после выхода Грузии из состава СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В обоих случаях прослеживается полная идентичность политического поведения грузинской элиты в отношении этнических меньшинств (главным образом южных осетин и абхазцев) как инородного элемента, представляющего угрозу делу грузинской независимости и жизненным интересам грузинского народа уже самим фактом своего существования. Такой подход в обоих циклах грузинского нацио-строительства практически вынуждал Тбилиси декларировать свою приверженность силовому подходу в решении осетинского и абхазского вопросов. Такая хрестоматийная повторяемость политических действий грузинских националистов в отношении собственной этнической периферии

позволяет признать использование А. В. Логиновым циклической парадигмы потенциально плодотворной для дальнейшего изучения процессов политической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве.

Бударин Г. А. Схема научного анализа А. В. Логинова, на мой взгляд, предстает перед нами как парадигма, которая дает возможность ставить новые исследовательские задачи для понимания пространственно-временной логики политических процессов. Особо нужно отметить то, что автор уходит от экономического аспекта понимания данной проблемы в сторону политологического определения цикличности. Указанная модель позволяет расширить возможности политической науки в изучении такого явления, как цикличность и повторяемость в процессе формирования региональных политических идентичностей на базе локальных политических мифов. В частности, можно выделить основные стратегии формирования территориального имиджа через соответствующие мифологические

конструкции по смысловым и пространственным линиям: «возрожденческая», когда применяются традиционные образы и ассоциации («Нижний Новгород – “карман России”») – «самовозвеличивающая», когда город объявляет себя столичным центром («С.-Петербург – вторая столица России», «Саратов – столица Поволжья», «Ульяновск – культурная столица СНГ») – «подражательная», когда используются ассоциации с известными зарубежными центрами («Нижний Новгород – “русский Детройт”»). Это позволяет ввести в отечественную политическую науку крайне значимую фактуру, которая весьма поучительна и в практическом отношении.

Шестов Н. И. Александр Валерьевич, может быть, с вашей стороны будет какая-нибудь заключительная реплика?

Логинов А. В. Я благодарю коллег за все ценные замечания и рекомендации, которые поступили в ходе нашего обсуждения, и обязательно постараюсь их учесть в процессе своей работы над данной темой.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

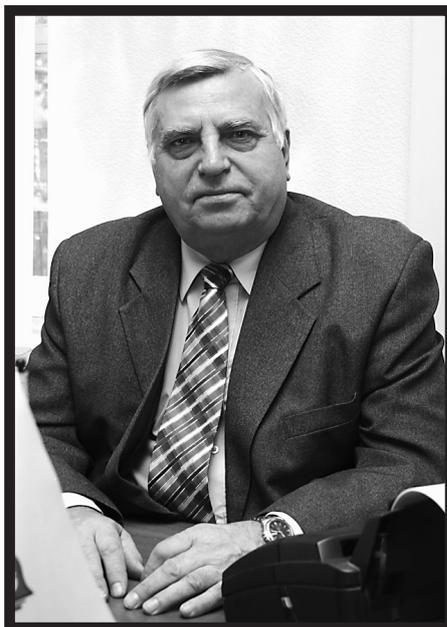
25 марта 2013 г. на 74-м году жизни скончался декан социологического факультета, доктор социологических наук, заслуженный работник высшей школы Геннадий Васильевич Дыльнов.

Геннадий Васильевич Дыльнов родился 12 февраля 1940 г. в селе Вязовка Базарно-Карабулакского района Саратовской области. Он рано остался без отца, который погиб на фронтах Великой Отечественной войны. Его и брата воспитала одна мать, сильная привязанность, любовь и уважение к которой остались у них на всю жизнь.

В 1947 г. Геннадий Васильевич пошел в первый класс Вязовской средней школы, которую окончил в 1957 г. и

тогда же поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Выбор данного факультета не был случаен. Много лет спустя Геннадий Васильевич отмечал, что на него, помимо увлеченности исторической литературой, особое влияние оказал учитель истории. Будучи студентом, он активно участвовал в научной жизни факультета. В 1959 г. в студенческом научном сборнике статей, посвященном 50-летию университета, выходит его первая статья. Также он принимал участие в художественной самодеятельности, занимался спортом, в частности баскетболом, получив третий спортивный разряд. В последние студенческие годы, на 4 и 5-м курсах, по его словам, много времени отдавал пропагандистской, лекционной работе, ездил на районные, комсомольские конференции по поручению обкома ВЛКСМ – в Камышин, Ершов и другие города.

Окончив в 1962 г. университет, Геннадий Васильевич становится заведующим кабинетом кафедры политэкономии СГУ. С созданием кафедры научного коммунизма в 1964 г. он был приглашен на нее ассистентом. В 1967 г. он поступил в аспирантуру Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, которую окончил в 1970 г. с защитой кандидатской диссертации. В дальнейшем, в 1993 г., являясь ученым секретарем диссертационного совета по философским наукам при Саратовском государственном университете, Геннадий Васильевич защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук, посвященную анализу процесса становления демократической законодательной власти в Российской Федерации. В следующем году ему

было присвоено ученое звание профессора.

Обучение в аспирантуре Московского государственного университета оставило неизгладимый след в памяти молодого ученого. Уже будучи доктором наук и деканом факультета, Геннадий Васильевич неоднократно по-доброму отзывался о своих коллегамосквичах.

Одним из важнейших этапов в жизни профессора Г. В. Дыльнова стало создание научной школы социологии и системы социологического образования в Саратове. Еще в середине 1970-х гг. доцент Г. В. Дыльнов в составе группы ученых университета принимал непосредственное участие в разработке модных

тогда планов социального развития, в частности, планов развития Кировского района г. Саратова и двух колхозов области. В 1986 г. он стал заведующим кафедрой научного коммунизма.

В конце 80-х гг. прошлого века начинается процесс возрождения социологической науки и социологического знания в нашей стране, по сути, прерванный в конце 20-х – начале 30-х гг. XX столетия. Начало этому положило известное Постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», принятое 7 июня 1988 г., в котором справедливо отмечалось, что социология еще не заняла должного места в творческом развитии марксистско-ленинского обществоведения, формировании научного мировоззрения трудящихся; отстает разработка многих фундаментальных теоретических и методологических вопросов; социологические исследования нередко имеют узкоэмпирический характер, упрощенно толкуют вопросы общественного развития, не содержат научно обоснованных рекомендаций и предложений. В Постановлении констатировалась необходимость преобразовать Институт социологических исследований Академии наук СССР в Институт социологии Академии наук СССР, поручив ему разработку фундаментальных теоретических, методологических и методических проблем социологии, координацию социологических исследований в стране. Министерством и ведомствам СССР, Советам Министров союзных республик предписывалось определить на период до 2000 г. потребность в кадрах социологов, представив соответствующие заявки в Госплан

СССР. Также, что было особенно важно в плане подготовки кадров социологов, в Постановлении определялся перечень из 12 высших учебных заведений, при которых открывались социологические факультеты или отделения. Среди них были Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Ленинградский (в то время) государственный университет.

Хотя Саратовский государственный университет и не был назван в числе вузов, где создавались социологические факультеты и отделения, работа по воссозданию социологического образования в вузе также стала вестись достаточно активно, испытывая при этом очень значительные трудности объективного плана. Рубеж конца 1980-х – 1990-х гг. ознаменовался кризисными явлениями в развитии социально-гуманитарного знания. Начался процесс переосмысления роли и места социальных и гуманитарных дисциплин, стали вестись ожесточенные дискуссии об их предмете и методологических основаниях. В этих условиях неопределимы усилия Геннадия Васильевича в деле воссоздания социологической науки в Саратовском университете. Как вспоминал много позже доцент кафедры социологии молодежи Владимир Александрович Климов, Геннадий Васильевич возглавил коллектив социологов университета в достаточно сложные времена – в эпоху горбачевской перестройки. «Нелегко было тогда преподавателям общественных дисциплин – менялись предметы, идеологические ориентации, непонятно было, чему и как учить студентов. В этот период от руководителя требовались огромная выдержка, терпение, настойчивость, а главное – способность к нестандартным решениям. Эти качества присущи Геннадию Васильевичу. Он сумел успешно перевести наш кафедральный “паровоз” на новые социологические рельсы. Коллектив не рассыпался (как это бывало в других вузах), а окреп, пополнился новыми, молодыми силами». Стремясь к возрождению социологической науки в университете и Саратовском регионе, Геннадий Васильевич задумывался, каким быть социологическому образованию. В ряде его работ этот вопрос выходил на первое место. В статье «Социологическое образование: каким ему быть?», опубликованной уже в 2004 г., он отмечал: «Важнейшей и постоянной (“вечной”) остается проблема совершенствования учебного процесса и повышения качества выпускаемых специалистов-социологов на основе новейших методик и инноваций, зарубежного опыта, более фундаментального освоения наследия отечественной социологии XIX–XX столетий. На наш взгляд, при подготовке специалистов-социологов в современных условиях на первый план выдвигается решение следующих взаимосвязанных задач: поднятие на качественно иной уровень преподавания иностранных языков, информатики и методики и техники конкретных социологических исследований».

Именно в этот достаточно сложный период стали зарождаться связи с социологами других регионов, которые во многом помогли возрождению социологического знания на новой основе. Как вспоминает старший научный сотрудник Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан доктор философских наук, профессор Магдий Алимжанович Нугаев, Геннадий Васильевич Дыльников всегда был в курсе научно-исследовательских работ татарстанских социологов, внимательно следил за развитием социологии в республике, активно взаимодействовал как сам лично, так и через своих сотрудников с преподавателями-обществоведами, социологами Татарстана. В тесном сотрудничестве с кафедрой социологии, возглавляемой Г. В. Дыльниковым, они переживали самые трудные моменты в развитии социологии в регионе. Геннадий Васильевич всегда подчеркивал необходимость регулярного, систематического обновления, совершенствования квалификации преподавателей, не допуская формального подхода к этой проблеме.

В целом многочисленные встречи и консультации с коллегами из других вузов и регионов, поддержка университетского руководства во главе с ректором А. М. Богомоловым сделали возможным саму постановку вопроса о создании новой кафедры социологии. Приказом № 83-К по университету от 28 февраля 1990 г. на основании решения ученого совета СГУ от 20 февраля 1990 г. была организована кафедра социологии, которую возглавил доцент Г. В. Дыльников.

Благодаря его научному авторитету и организаторским способностям в июле 2000 г. был образован социологический факультет в составе трех (на то время) кафедр: теории и истории социологии, прикладной социологии и социологии коммуникаций. Первым его деканом становится доктор философских наук, профессор Г. В. Дыльников. Сегодня факультет объединяет в своем составе уже семь кафедр. Помимо уже названных, это кафедры социальной информатики, социологии молодежи, социологии регионов и социологии социальной работы. Обучение на них ведется по 5 специальностям, 5 направлениям бакалавриата и 1 – магистратуры. Именно при действенном участии Геннадия Васильевича и по его инициативе были открыты специальности «Социология», «Регионоведение», «Прикладная информатика в социологии», «Организация работы с молодежью», «Государственное и муниципальное управление». Неоценим его вклад в организацию в 2010 г. на факультете магистратуры и открытие 6 магистерских программ в рамках направления 040100 «Социология».

Очень плодотворной была и научная деятельность Геннадия Васильевича. Он автор более 200 научных работ по различным проблемам теории и истории социологии, политической социологии, социологии образования, вышедших

в разные годы как в региональных, так и федеральных изданиях, в том числе журналах «Социологические исследования», «Социология» и др. В числе его работ – 15 монографий, 3 учебника, многочисленные учебно-методические пособия.

Г. В. Дыльниковым подготовлены более 100 кандидатов и докторов наук. Работа с ними – это фактически отдельная, очень значимая страница жизни Геннадия Васильевича, которая требует, без сомнения, более подробного освещения. В рамках данной статьи приведем лишь отдельные воспоминания и размышления аспирантов разных лет, которые помогут воссоздать облик ученого. «Еще в начале восьмидесятых годов, – вспоминает руководитель Центра региональных социологических исследований СГУ, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Надежда Владимировна Шахматова, – придя молодым, неопытным ассистентом на кафедру, мне пришлось столкнуться с целым рядом организационных, педагогических и научных проблем. Одним из первых, кто оказывал мне помощь в их разрешении, оказался молодой, но уже ведущий специалист, опытный, имеющий в своем багаже немалый опыт работы с аспирантами, авторитетный доцент Геннадий Васильевич Дыльников. Тогда на каждом заседании кафедры бросалось в глаза то, как он во время различных дискуссий умело формулировал организационную или научную проблему и предлагал наиболее оптимальный способ ее решения. Это заставляло всех чутко прислушиваться к каждому его выступлению, делало его авторитет непререкаемым. Каждый молодой преподаватель или аспирант мог (и часто этим пользовался) обратиться к нему за советом, рекомендациями и заранее знал, что Геннадий Васильевич его чутко выслушает, разберется в проблемной ситуации, даст ценный совет, окажет всемерную помощь». Один из первых аспирантов Геннадия Васильевича, ныне доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной юридической академии Александр Петрович Плешаков вспоминает, что среди всех качеств Геннадия Васильевича как ученого, талантливого педагога и организатора хотелось бы отметить его огромную работоспособность. В нем было столько энергии, что он успевал везде и во всем – в науке, и в руководстве кафедрой, факультетом, диссертационным советом, и в решении бытовых проблем. Однажды, по словам Александра Петровича, когда он был еще аспирантом Г. В. Дыльнова, последний должен был посмотреть главу его диссертационного исследования. Получилось так, что материал был передан поздно вечером. Геннадий Васильевич сказал, чтобы Александр Петрович зашел к нему в восемь часов утра и не опаздывал. Каково же было удивление аспиранта, когда он «на всякий случай» зашел в 8.10 утра на следующий день и получил назад бумаги «с выговором» за опоздание. Данный случай рельефно высвечивает еще одну

неотъемлемую черту ученого – его пунктуальность и четкость во всем.

Это в полной мере относится и к такой важной стороне деятельности Геннадия Васильевича, как руководство диссертационным советом по защите докторских и кандидатских диссертаций. Первоначально диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата социологических наук был открыт в 1995 г. в составе 17 человек. Первая защита кандидатской диссертации состоялась 26 апреля 1995 г. Степень кандидата наук получили тогда В. Ф. Езловецкий и Н. В. Павленко. 23 июля 1997 г. ВАК РФ был издан приказ № 481 об утверждении диссертационного совета Д 063.74.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского.

В дальнейшем, 29 декабря 2000 г., приказом № 1195-в в связи с изменением номенклатуры специальностей научных работников был утвержден состав нового диссертационного совета Д 212.243.06. Составы совета претерпели изменения также в 2005 и 2010 гг. Последняя перерегистрация совета относится уже к 15 марта 2013 г., когда состав его вновь пополнился новыми докторами наук.

На всем протяжении существования совета его председателем оставался Геннадий Васильевич Дыльников. За все это время в совете прошли защиты аспирантов, докторантов и соискателей из разных регионов, в том числе Москвы, Самары, Казани, Тольятти, Ростова-на-Дону, Оренбурга, Грозного и целого ряда других городов.

Многие из защитившихся с неизменной теплотой отзываются о встречах и работе с Геннадием Васильевичем. Так, заведующая кафедрой социологии Казанского государственного энергетического университета, доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, почетный работник образования Российской Федерации Юлдуз Ракибовна Хайруллина вспоминает, что ей посчастливилось войти в большую науку, стать доктором социологических наук в докторском совете под руководством Геннадия Васильевича, он был «крестным отцом» в социологии многих ее учеников. Действительно, в диссертационном совете Д 212.243.06 по социологическим наукам при Саратовском государственном университете прошли защиты 14 соискателей из Республики Татарстан, в том числе трех докторов и одиннадцати кандидатов наук.

Профессор кафедры государственного и муниципального управления Ульяновского филиала РАНХиГС, доктор социологических наук О. А. Ожегова вспоминает: «Я благодарна судьбе за долгое университетское общение с человеком, который открыл для меня путь в социологическую науку. В 1994 г. не многие ученые-гуманитарии видели перспективы институционализации социоло-

логии в России, а Геннадий Васильевич, обладая удивительной способностью преобразовывать мир вокруг себя, увлек нас, аспирантов, личной убежденностью в том, что социологическое знание адресовано индивиду и дает ему руководство к социальной маневренности. Мне вспоминается Дыльнов – создатель профессионального сообщества единомышленников, объединенных уважением друг к другу и радостью кафедральных встреч. Поистине отцовское великодушие Геннадия Васильевича незримо регулировало взаимоотношения между мэтрами и учениками, профессорами, аспирантами, студентами. Однажды, в весьма драматичный момент моей профессиональной жизни, он сказал: “Не сдавайся!” И это было слово искренней поддержки, пробудившее уверенность и силу. Я знала, что он всем сердцем со мной! А в моем сердце с первой нашей встречи живет нежное чувство к этому красивому человеку, владевшему особым умением, находясь в кругу коллег и делая общее дело, жить в собственном мире и идти своим путем.

Разносторонняя научная деятельность Геннадия Васильевича проявлялась не только в его работе в диссертационном совете. Он был одним из активных участников различных международных и всероссийских конференций и конгрессов, четырех Всероссийских социологических конгрессов. По его инициативе и при непосредственном участии был проведен ряд международных конференций в нашем регионе, в том числе «Социальное расслоение, власть и гражданское общество в современной России» (2004 г.) и IV Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения» «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое» (2008 г.).

Геннадий Васильевич был в числе инициаторов и участников совместной российско-американской программы «Федерализм», в рамках которой принял участие в научных конференциях в Саратове и Вайоминге. Также Г. В. Дыльнов являлся одним из организаторов проекта «Сравнительная социология», итогом которого стало открытие Центра региональных социологических исследований в СГУ.

Преподавательская и научная деятельность Геннадия Васильевича была неоднократно высоко оценена представителями российской социологической науки. Он был избран вице-президентом Российской социологической ассоциации. Ему была присуждена премия имени И. Г. Петровского за цикл научно-педагогических работ в области социологии, вручен памятный знак «За вклад в развитие социологического образования

в России». В 2009 г. решением ученого совета социологического факультета МГУ профессору Г. В. Дыльнову присуждено звание почетного профессора МГУ и вручена премия имени Питирима Сорокина. Он также является почетным профессором нашего университета, удостоен почетного звания «Заслуженный работник высшей школы».

Все окружающие помнят Геннадия Васильевича не только как талантливого руководителя и организатора, крупного ученого, но и замечательного семьянина, создателя семейной университетской династии. И его жена Зоя Михайловна, и дочь Ольга Геннадьевна работают в нашем университете. Сын, Дмитрий Геннадьевич, также окончил СГУ и достаточно длительное время работал на кафедре социальной информатики. Старшая внучка учится в Институте филологии и журналистики. Для них, как и для всего коллектива социологического факультета, смерть Геннадия Васильевича – тяжелая, невозполнимая утрата.

Геннадий Васильевич запомнился многим людям, когда-либо встречавшимся с ним, не только как талантливый ученый и администратор, педагогический работник, но и как человек очень разносторонних взглядов и увлечений. По воспоминаниям коллег, он всегда интересовался новинками художественной литературы, имел дома большую библиотеку, занимался садоводством и рыбной ловлей, был страстным футбольным и хоккейным болельщиком.

Особый интерес проявлял Геннадий Васильевич к новинкам гуманитарной и исторической литературы. Из исторических деятелей и мыслителей разных времен он особенно выделял Александра Николаевича Радищева, Николая Гавриловича Чернышевского и американского президента Рузвельта.

Давая характеристику человеческим качествам Геннадия Васильевича, нельзя не вспомнить его неизменную доброжелательность, отзывчивость, скромность, готовность всегда оказать необходимую помощь и поддержку, найти необходимые слова одобрения. Особым вниманием и заботой Геннадия Васильевич окружал студентов и аспирантов. Он справедливо неоднократно подчеркивал, что учитель – это не тот, кто учит, но прежде всего тот, у кого хочется учиться. У него действительно хотелось учиться многому.

Научное сообщество, его друзья и коллеги с болью переживают эту утрату. Геннадий Васильевич навсегда останется в нашей памяти как пример настоящего Ученого и благородного человека.

*Коллектив
социологического факультета*